

Л. Д. Макаров

Археологическая карта Воткинского района Удмуртской Республики

Материалы и исследования
Камско-Вятской археологической экспедиции

Том 35

*Макаров Леонид Дмитриевич
(1951–2020)*

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии
НИЦ «Камско-Вятская археологическая экспедиция»

Л. Д. Макаров

**Археологическая карта Воткинского района
Удмуртской Республики**

Монография

Ижевск
2026

УДК 930.26(470.51)
ББК 63.48 (2Рос.Удм)
М152

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензенты: д-р ист. наук, независимый исследователь **Т. И. Останина**,
д-р ист. наук, доцент, зав. каф. истории Удмуртии, археологии и этнологии ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет» **О. М. Мельникова**

Ответственный редактор серии: д-р ист. наук, профессор, гл. науч. сотр. НИЦ КВАЭ
Р. Д. Голдина

Научные редакторы: канд. ист. наук, доцент Е. М. Черных, канд. ист. наук И. Г. Шапран,
науч. сотр. НИЦ КВАЭ Н. Ф. Широбокова

Макаров Л. Д.

М152 Археологическая карта Воткинского района Удмуртской Республики :
монография / Л. Д. Макаров. – Ижевск : Удмуртский университет, 2026. – 134 с.
(Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 35).

ISBN 978-5-4312-1355-7

DOI: 10.35634/978-5-4312-1355-7-2026-35-1-134

Книга является продолжением свода информации об археологических памятниках Удмуртской Республики. В ней собраны и систематизированы сведения по Воткинскому району, насыщенному объектами археологического наследия народов Удмуртии. В издании даётся история исследования памятников археологии, а также приводятся их основные характеристики: топография, датировка, культурная принадлежность, место хранения коллекций и библиография.

Публикация предназначена для археологов-профессионалов, специалистов в сфере сохранения историко-культурного наследия и туризма, работников государственных служб, учреждений культуры и образования в качестве справочного пособия.

Работа публикуется в авторской редакции.

На обложке: вид с площадки Воткинского городища (с ЮЗ) на р. Вотку; общий вид площадки памятника с ЗЮЗ; общий вид раскопа с юга (фото В.А. Бернц); холм «Путьиш» – памятник природы и истории у с. Болгуры, вид с ЮВ (фото Л.Д. Макарова), бронзовая парадная секира, предположительно с территории Воткинского завода, случайная находка (Национальный музей РТ).

УДК 930.26 (470.51)
ББК 63.48 (2Рос.Удм)

ISBN 978-5-4312-1355-7
DOI: 10.35634/978-5-4312-1355-7-2026-35-1-134

© Макаров Л. Д., 2026
© Черных Е. М., Шапран И. Г.,
Широбокова Н. Ф., науч. ред., 2026
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе книги: вместо предисловия (И.Г. Шапран).....	6
Введение.....	15
I. Из истории археологических исследований в Воткинском районе Удмуртской Республики.....	23
II. Археологические памятники Воткинского района.....	31
Древние поселения (стоянки, селища).....	31
Городища.....	69
Могильники.....	79
Места отдельных находок.....	87
Местонахождения палеофауны.....	95
III. Прошлое Воткинского района по археологическим материалам.....	99
Библиография.....	118
Архивные материалы.....	118
Литература.....	122
Список сокращений.....	130
Алфавитный указатель археологических памятников.....	132

Об авторе книги: вместо предисловия

В 2026 году исполнилось бы 75 лет ведущему специалисту по славяно-русской археологии Прикамья, доктору исторических наук (2006), заслуженному деятелю науки УР (2016) Леониду Дмитриевичу Макарову. Его жизнь и деятельность с момента поступления в 1972 г. и до сентября 2020 г., на протяжении практически полувека, были связаны с Удмуртским государственным университетом и Камско-Вятской археологической экспедицией. В ходе полевых исследований на территории Удмуртии, Кировской области, Татарстана, Пермского края им открыто или повторно обследовано около 400 археологических объектов от эпохи мезолита до нового времени, проведены широкомасштабные раскопки на более чем 30 разновременных, преимущественно русских памятниках. Библиографический список¹ работ Л.Д. Макарова составляет свыше 400 публикаций, в которых он предстает как ученый с широкой эрудицией, умело сочетающий методы археологических и исторических исследований. Работы отличаются смелостью в постановке и решении дискуссионных вопросов, стремлением к построению выводов и заключений на строго проверенных фактах; публикации демонстрируют широту взглядов, глубокое знание историографии и источников. Его преждевременная кончина оказалась неожиданной не только для нас; осталось немало незавершенных работ, которые Леонид Дмитриевич готовил к публикации. Среди таковых была и рукопись книги «Археологическая карта Воткинского района». После внесения дополнительных сведений о вновь выявленных в 2020–2025 гг. памятниках, рукопись прошла этап доиздательской подготовки и теперь может быть предложена читателям в авторском исполнении.

Леонид Дмитриевич Макаров родился 29 декабря 1951 г. в поселке при Карсовой МТС в семье Дмитрия Галактионовича (1918–1996) и Матрёны Михайловны (1924–2008) Макаровых. В 1952 г. семья переезжает в райцентр – с. Карсовой (в настоящее время с. Карсовой Балезинского района УР). В этом селе прошли детство и юность Лёни, отсюда он уходил в армию (службу проходил с мая 1970 г. по июль 1972 г. в пограничных войсках КГБ СССР на территории Алма-Атинской области Казахской ССР (ныне Республика Казахстан), отсюда, поступив в Удмуртский госуниверситет, уехал в Ижевск, с которым была связана вся его последующая жизнь, сюда старался, по возможности, регулярно приезжать, пока были живы родители. О своей малой Родине он оставил очень теплые воспоминания, «оживлённые» рассказами о её жителях: членах большой и дружной семьи, школьных друзьях, дружбу с которыми пронёс через всю свою жизнь, учителях, благодарность которым сохранил навсегда (Макаров, 2012, с. 25–62).

В 1972 г. Л.Д. Макаров поступил на исторический факультет Удмуртского университета (УдГУ) – в знаковый (не только по формально-организационному признаку, но и содержательно) для истории первого ВУЗа Удмуртии период – в год его преобразования из пединститута в университет. Выбор именно этого направления в образовании был предопределен интересом к истории, сформировавшимся еще в школьные годы и стимулированным родительской поддержкой. Отличную

¹ Наиболее полный список трудов Л.Д. Макарова содержится в библиографическом указателе, опубликованном в 2012 г. в серии «Библиография учёных УдГУ» (Макаров, 2012, с. 63–134).

учебу удачно совмещал с общественной и организаторской деятельностью, являясь на первом курсе комсоргом, а все последующие годы до окончания обучения – старостой академической группы. С первого курса становится одним из самых активных членов студенческого научного сообщества факультета. Несмотря на весьма разностороннее приложение своего пытливого ума, активно поддержанное преподавателями факультета В.Е. Владыкиным, А.А. Александровым, Леонид «остановил свой выбор на археологии, удачно сочетавшей использование методов как гуманитарных, так и естественных наук с полевой практикой» (Макаров, 2012, с. 40). Позднее, будучи уже авторитетным специалистом-археологом, Леонид Дмитриевич вспоминал, что «до поступления в УдГУ не имел ни малейшего представления об этой науке: в наших сельских библиотеках археологической литературы не было вообще» (там же). «Прекрасные лекции Риммы Дмитриевны, ее рассказы из археологической практики, заметная строгость, но и простота в общении с нами – первокурсниками, сильная помощь в возникавших иногда сложных ситуациях и редкое обаяние способствовали сплочению вокруг неё довольно большой группы студентов...», в числе которых был и Леонид (Макаров, 2012, с. 40–41). Под влиянием огромного личного и профессионального авторитета Риммы Дмитриевны Голдиной – организатора и руководителя Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ), ныне доктора исторических наук, профессора, – очень рано обозначились научные устремления Леонида Дмитриевича. 1974 год стал знаковым в судьбе начинающего исследователя: ему впервые было доверено практически самостоятельно провести стационарные раскопки поселения Белая Лобань II (на площади 130 кв. м исследованы остатки кузнечного комплекса XVII–XVIII вв.) в Богородском районе Кировской области (Макаров, 2012, с. 43), в этом же году он опубликовал свою первую, пусть совсем небольшую, статью, отразившую содержание его научных интересов на начальном этапе формирования как исследователя (Макаров, 1974).

Р.Д. Голдина с самого начала педагогической деятельности в УдГУ заботилась о качественной профессиональной подготовке своих учеников – будущих коллег. Специальные курсы лекций студентам-археологам читали ведущие отечественные специалисты: В.Ф. Генинг², Л.Я. Крижевская³, В.В. Седов⁴, Ю.Л. Щапова⁵ и др. «Их вклад в нашу профессиональную подготовку не оценим: мы познакомились с самыми передовыми новейшими разработками современной науки, новыми методиками и теоретическими овами» – много позднее, применяя на практике полученные знания, с благодарностью отмечал Леонид Дмитриевич. Профессиональной подготовке способствовали и поездки на студенческие научные конференции, позволившие завести знакомства со многими студентами-археологами, научные и дружеские связи со значительной частью которых Л.Д. Макаров сохранил до конца своих дней.

² Генинг Владимир Фёдорович (1924–1993) – д-р ист. наук, археолог, теоретик и популяризатор археологической науки, основатель свердловской археологической школы. В 1974–1993 гг. заместитель директора Института археологии АН Украины, с 1978 г. организатор и руководитель отдела теории и методики археологических исследований данного Института.

³ Крижевская Лия Яковлевна (1916–1995) – д-р ист. наук, археолог, специалист в области каменного века лесной и степной зон Евразии, старший научный сотрудник сектора палеолита ЛОИА, в 1960–1970-е гг. – начальник Южноуральской и Степной экспедиций ЛОИА. Внесла существенный вклад в изучение культур мезолита – раннего бронзового века Приазовья, Прикаспия, Поволжья, Урала, Западной Сибири.

⁴ Седов Валентин Васильевич (1924–2004) – д-р ист. наук, археолог-славист, заведующий отделом полевых исследований ИА РАН, профессор, член-корреспондент РАН (1997), действительный член РАН (2003), академик АН Латвии.

⁵ Щапова Юлия Леонидовна (1930–2019) – д-р ист. наук, Заслуженный профессор МГУ, лауреат Ломоносовской премии, специалист в области славяно-русской археологии, истории стекла и древних производств, морфологии древностей и теории археологической науки.

Огромную роль в формировании профессиональных навыков сыграли также встречи и общение на всесоюзных и региональных научных конференциях (вначале в статусе студента, затем – молодого коллеги) с признанными авторитетами отечественной археологии, по чьим учебникам и научным публикациям познавались секреты этой непростой науки – археологии: А.В. Арциховским, О.Н. Бадером, Д.А. Крайновым, В.И. Матющенко, Б.А. Рыбаковым, Г.А. Фёдоровым-Давыдовым, В.Л. Яниным и др. «И, конечно, примером для нас были контакты с виднейшими представителями уралоповолжской науки: В.Ф. Генингом, В.А. Обориным, В.П. Денисовым, А.Х. Пшеничнюком, А.Х. Халиковым, Е.П. Казаковым, П.Н. Старостиным, Г.А. Архиповым, Г.Б. Здановичем, В.Д. Викторовой, Т.М. Потёмкиной, Г.И. Матвеевой, Э.А. Савельевой и многими другими» (Макаров, 2012, с. 44–45).

С благодарностью вспоминает Л.Д. Макаров и о преподавателях родного ВУЗа, особо подчеркивая при этом роль Р.Д. Голдиной. «Значительную роль в формировании моих научно-исследовательских навыков и в годы студенчества, и в период начала трудовой деятельности, сыграл ряд преподавателей факультета и университета, и одновременно выдающихся ученых, в первую очередь, конечно, Римма Дмитриевна Голдина, привившая и мне, и моим коллегам, ее ученикам, любовь к археологии и науке вообще, научившая грамотно ориентироваться в проблемных ситуациях, обучившая творческому написанию научных публикаций, своим примером показавшая педагогические приемы руководства людьми в экспедиционной практике, сделавшая из нас и квалифицированных специалистов-археологов, и, в общем-то, и я в этом уверен, просто неплохих людей» (Макаров, 2012, с. 48).

После окончания обучения в университете в 1977 г. Леонид Дмитриевич сменил статус студента на преподавательский, неизменно сохраняя при этом статус археолога-исследователя. «Моя преподавательская карьера развивалась как и у большинства работников вузовского образования: ассистент кафедры истории СССР (1977–1981), аспирант Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (1981–1985), старший преподаватель (1986–1987), затем доцент кафедры дореволюционной отечественной истории (1987–1991), старший научный сотрудник кафедры археологии и истории первобытного общества (1991–1993); старший научный сотрудник Лаборатории (затем Института) истории и культуры народов Приуралья (с 1993)» – фиксирует он свои карьерные «подвижки» (Макаров, 2012, с. 49–50).

Бывшие и нынешние студенты, которым повезло учиться у Леонида Дмитриевича, с уважением и благодарностью отмечают его профессионализм и глубокие познания в материалах тех дисциплин и курсов, которые он преподавал. Это: «История СССР», «Отечественная история», «История мировых цивилизаций», «История Урала», «История Удмуртии», «История национальной государственности Удмуртии», курсы по археологии: «Основы археологии», «Методика полевых и камеральных исследований», «Основные проблемы славяно-русской археологии», «История археологических знаний». Помимо исторического факультета (ныне Институт истории и социологии УдГУ) читал «Историю СССР» на филологическом факультете (ныне Институт языка и литературы), «Историю мировых цивилизаций», а затем «Отечественную историю» в Институте психологии, педагогики и социальных технологий, «Историю Удмуртии», «Историю национальной государственности Удмуртии» в Институте права, социального управления и безопасности. Кроме того, курс «История Удмуртии» преподавал и на некоторых других факультетах УдГУ в рамках регионального компонента; аналогичный курс, адаптированный для учителей Республики, вел в Институте усовершенствования учителей (ныне Институт развития образования УР).

В дальнейшем спектр основных научных интересов Л.Д. Макарова составляли средневековая история и археология Камско-Вятского междуречья; региональная историография; славяно-русская колонизация Волго-Уральского региона; межэтнические и межконфессиональные взаимодействия народов региона; археолого-этнографические материалы нового времени; историческая география и картография Прикамья; материальная и духовная культура народов Прикамья; история и культура Удмуртии; краеведение.

Редкостная наблюдательность и нарабатанный с годами большой полевой опыт проявили в Леониде Дмитриевиче талант «разведчика» – первооткрывателя новых, не известных ранее археологических памятников. Это качество оказалось особенно важным в работе на территориях, ранее не подвергавшихся систематическому изучению археологами. В ходе разведочных изысканий Л.Д. Макаровым открыто вновь или обследовано повторно около 400 памятников, расположенных не только в границах современной Удмуртии, но и на сопредельных территориях (Кировская область, Пермский край, Татарстан) – от эпохи мезолита до периода нового времени. Такой плодотворный результат можно, вероятно, объяснить и тем, что еще со времени «самой первой в жизни археологической поездки разведочные исследования стали для меня, пожалуй, наиболее захватывающими и любимыми в полевой работе» (Макаров, 2012, с 42).

К числу наиболее значительных из числа открытых, по мнению самого исследователя, можно отнести стоянки эпохи камня и раннего металла на р. Вале, Верх-Саинский могильник V–IX вв. в бассейне р. Сылвы, Первомайский могильник I–V вв. близ г. Слободского на р. Вятке, а также древнерусские города, городища, селища, Шабалинский могильник на Средней Вятке, Даровской клад монет второй четверти XVIII в. в бассейне р. Моломы.

В ходе полевых стационарных исследований отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством Л.Д. Макарова раскопано более 30 разновременных, преимущественно русских, памятников, давших богатейший материал: городища (Никульчинское, Ковровское, Котельничское, Шабалинское, Хлыновское, Вятское, Подчуршинское, Слободское, Подгорбуновское, Ёлкинское), неукрепленные поселения (Белая Лобань II, Никульчинское II, Худяковское, Первомайское, Искра, Родионовское, Покста, Ильинские I и II и др.), могильники (Шабалинский, Подчуршинский, Первомайский, Покста, Никульчинский II, Михайловский, Воткинский, Хлыновские I и II, Ильинский), города (Ижевск, Воткинск) (Макаров, 2002в).

Основное направление научных исследований Л.Д. Макарова, предопределившее его место в региональной и отечественной археологической науке, – изучение истории русского населения Прикамья первой половины II тыс. н.э., – сложилось к кон. 1970-х гг. Выбор данной темы сам исследователь объясняет следующими обстоятельствами: «...Тема была совершенно новая, известная лишь по практически неопубликованным материалам раскопок Л.П. Гуссаковского⁶ второй половины 1950-х гг... Кроме того, мне из чистого любопытства было важно выявить вопрос о времени и истоках заселения моими русскими предками Вятского края» (Макаров, 2012, с. 53).

После окончания очной аспирантуры Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) 2 апреля 1986 г. в диссертационном совете ЛОИА АН СССР Л.Д. Макаров защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам)» (научный

⁶ Гуссаковский Лев Павлович (1923–1977) – канд. ист. наук, археолог, научный сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, автор раскопок в древнерусских городских центрах Вятского бассейна.

руководитель: д.и.н. А.Н. Кирпичников⁷, официальные оппоненты: д.и.н. И.В. Дубов, к.и.н. В.А. Оборин). В дальнейшем изыскания по теме были продолжены. Из коллекций, публикаций и архивов собран соответствующий материал по Верхнему, Среднему и Нижнему Прикамью, Вятке, Чепце, бассейнам Сылвы, Уфы и Белой, проведены дополнительные археологические раскопки на Средней Вятке. В общей сложности было учтено 293 памятника бассейна р. Камы с древнерусскими материалами, в том числе 86 – в Нижнем Прикамье, 83 – в бассейне р. Вятки (54 – на Средней Вятке, 29 – на Чепце, а также по верхнему течению р. Вятки), 80 – в Верхнем Прикамье, 44 – в Юго-Восточном Прикамье (19 – на Сылве, 16 – в Среднем Прикамье, 9 – в бассейне р. Белой). В числе этих памятников 64 городища, 100 селищ, 48 могильников, 56 местонахождений, 24 клада, 1 пещера. При этом поселенческие материалы обнаружены на 166 памятниках, импортные – на 127 (предметы импорта обнаруживались и на объектах с признаками пребывания на них выходцев с территории Древней Руси). Археологические материалы дополнялись данными письменных источников. В их числе автор исследовал русские летописи, актовые материалы, великокняжеские грамоты и договоры, митрополичьи грамоты, местные исторические сочинения, агиографические источники, переписные материалы. Изучались сочинения восточных и западноевропейских авторов, иностранные карты. Разработки специалистов позволили использовать также данные языкознания, фольклористики, этнографии, антропологии, остеологии, палеоботаники, металлографии (Макаров, 2006а, с. 6–7).

Научное предчувствие, основанное на хорошем знании литературы и материалов не только с изучаемой, но и с сопредельных территорий позволили Л.Д. Макарову в результате исследований восстановить историческую картину жизнедеятельности древнерусского населения Прикамья X–XV вв., представленную в успешно защищенной 20 декабря 2006 г. в диссертационном совете Удмуртского государственного университета диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему "Древнерусское население Прикамья в X–XV веках" (официальные оппоненты: д.и.н. Т.Б. Никитина, д.и.н. К.А. Руденко, д.и.н. Э.А. Савельева).

Итогом многолетних всесторонних исследований стало выяснение истории заселения русскими отдельных регионов Прикамья, прошлого ряда городов и сельских поселений, выявление истоков и времени проникновения древнерусских поселенцев, особенностей их взаимодействия с местными пермскими, поволжско-финскими и тюркскими племенами, специфики материальной и духовной культуры, разработка ее детальной хронологии (Макаров, 1991; 1997а; 1997б; 2000б; 2001а; 2002а; 2002б; 2003б; 2004; 2005б; 2009 и др.).

Кроме того, исследователю удалось проследить эволюцию отдельных категорий русской культуры в Прикамье, преимущественно по материалам Вятской земли, на протяжении почти всего II тыс. н.э. (вторая половина XII – начало XX в.). В числе этих категорий погребальный обряд (Макаров, 2006б), жилище (2006г), ремесленные мастерские (2001б), оборонительные сооружения (2006д) топография поселений, духовная культура (атрибуты язычества и православия, письменности, музыкальной и игровой культур) (2011), материальная культура (орудия труда, оружие, бытовые вещи, украшения, керамика) (2005в). Его стараниями на сегодняшний день достаточно полно исследована история изучения русских археологических памятников и историография русской колонизации Прикамья (Макаров, 1985; 1992а;

⁷ Кирпичников Анатолий Николаевич (1929–2020) – д-р ист. наук, археолог, заведующий отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН.

1998а; 1999; 2008а и др.). Л.Д. Макаровым опубликован ряд статей по персоналиям археологов и историков региона (см., напр.: 1998б; 2000а; 2008а), созданы отдельные источниковедческие исследования по археологическим и письменным источникам (Макаров, 1992б и др.), вспомогательным дисциплинам (2006в).

Начиная с 1980-х гг. еще одним исследовательским направлением Л.Д. Макарова становится археологическое изучение русских памятников позднего средневековья и нового времени в Камско-Вятском междуречье. Первоначально исследования ограничивались материалами сельских поселений. В 1990–2000-х гг. предмет изучения объектов XVI – начала XX вв. значительно расширяется за счет городской (Ижевск, Воткинск), церковной (Алекса́ндро-Невский, Михайловский, Троицкий комплексы в Ижевске, Воткинский комплекс в Воткинске, Каракулинский в Каракулино) и промышленной⁸ (Ижевский кирпичный завод, ОАО «Ижмаш») археологии (Макаров, 2005а; 2008б; 2010; 2018; 2020).

Продолжая традиции, сложившиеся еще в студенческие времена, Л.Д. Макаров результаты своих изысканий регулярно представлял на научных конференциях разного уровня, в том числе и за рубежом, в частности, на VII (Венгрия, г. Дебрецен, 1990 г.) и VIII (Финляндия, г. Ювяскюле, 1995 г.) Международных конгрессах финно-угроведов, IV (Швеция, г. Гётеборг, 1998 г.) и V (Великобритания, г. Борнмут, 1999 г.) Международных конгрессах Европейской ассоциации археологов и др. Он являлся постоянным участником отечественных и региональных научных собраний археологов и этнологов: Уральских археологических совещаний, Всероссийских археологических съездов (с 2006 г.), Конгрессов антропологов и этнологов России (с 1999 г.) и др.

Свою профессиональную компетентность не раз демонстрировал в ходе оппонирования и проведения экспертиз кандидатских и докторских диссертаций, редактирования и рецензирования научных, научно-популярных и учебных изданий. С 1993 г. Л.Д. Макаров являлся членом Диссертационного совета по защите кандидатских, с 2008 по 2017 г. – докторских диссертаций при УдГУ по специальностям «Археология», «Этнология», «Отечественная история» (ДМ 212.275.01).

В Удмуртской Республике и регионе Л.Д. Макаров был хорошо известен как активный пропагандист и популяризатор научных знаний в СМИ (см., напр.: 2003а). На протяжении многих лет он являлся членом Президиума и Экспертного совета республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, входил в состав Ученого совета Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул). В 1997–2007 гг. исполнял обязанности вице-президента Республиканского межнационального культурно-просветительского центра «Многоцветье».

О широте и разнообразии познавательных интересов Леонида Дмитриевича свидетельствовали его несомненная эрудиция и неиссякаемое с возрастом любопытство относительно любого нового начинания. Он всегда щедро делился своими знаниями, к нему можно было обратиться с вопросом, ответ на который он помогал найти или подсказывал направление поиска.

Л.Д. Макаров был активным участником общественной жизни не только родного исторического факультета, но и университета в целом: в составе профкома УдГУ отвечал за спортивную работу среди преподавателей и сотрудников; на протяжении многих лет входил в состав профбюро исторического факультета, организуя спортивно-массовую и оздоровительную работу среди преподавателей, сотрудников и студентов; сам всегда активно участвовал в спортивных и оздоровительных мероприятиях в составе команд факультета и университета.

⁸ Л.Д. Макарова по праву можно считать основоположником промышленной археологии в Удмуртии.

Л.Д. Макаров навсегда останется в нашей памяти как человек на редкость жизнелюбивый, открытый и искренний в общении. Он любил душевный разговор с интересным собеседником, всегда проявляя к нему подчеркнутое уважение. Благодаря эрудиции, исключительному трудолюбию и творческой увлеченности, преданности делу, широкому кругу научных интересов и личным человеческим качествам Леонид Дмитриевич Макаров пользовался огромным уважением среди коллег и студентов.

Уход из жизни Л.Д. Макарова стал совершенно неожиданным, глубоко потрясшим всех, кто был с ним знаком, явился трагедией для его семьи и коллег, с которыми ученый был связан не только профессиональными интересами, но и многолетней дружбой. В дружбе, как и в профессии, он был талантлив!

На память приходят строки стихотворения Беллы Ахмадулиной: «...Да будем мы к своим друзьям пристрастны! Да будем думать, что они прекрасны! Терять их страшно, бог не приведи!»

Список источников и литературы

Макаров Л.Д. Погребальный обряд Агафоновского II могильника // VI Уральская научная студенческая археологическая конференция. Ижевск, 1974. С. 52–53.

Макаров Л.Д. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985. С. 45–54.

Макаров Л.Д. Формирование территории Вятской земли в XII–XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 140–154.

Макаров Л.Д. История Вятской земли XII–XVI вв. в дореволюционной историографии // Актуальные проблемы историографии дореволюционной России. Ижевск, 1992а. С. 81–95.

Макаров Л.Д. Литературные и летописные произведения Вятской земли XVI–XVIII вв. как исторический источник // История, историография и источниковедение Удмуртии. Ижевск, 1992б. С. 60–77.

Макаров Л.Д. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I – начале II тыс. н.э. (по материалам импорта) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию А. Л. Витберга): материалы Международного научного симпозиума. Киров, 1997а. С. 39–57.

Макаров Л.Д. Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв. (по археологическим материалам) // Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. 1. Проблемы славянской археологии. М., 1997б. С. 296–306.

Макаров Л.Д. Из истории археологического исследования русских городских поселений бассейна реки Камы // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998а. С. 137–153.

Макаров Л.Д. П. Н. Луппов о древнерусской колонизации Вятского края // Материалы науч.-практ. конф. «Историк. Время. Архивы»: к 130-летию со дня рождения П. Н. Луппова (1867–1949 гг.). Ижевск, 1998б. С. 27–32.

Макаров Л.Д. История археологического изучения города Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию г. Кирова). Киров, 1999. С. 48–57.

Макаров Л.Д. Гуссаковский Лев Павлович // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Киров, 2000а. Т. 4. История. С. 122.

Макаров Л.Д. Русские поселенцы на берегах Вятки (по данным археологических исследований) // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Киров, 2000б. Т. 4. История. С. 76–91.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001а. 143 с.

Макаров Л.Д. Ремесленные мастерские Вятской земли XII–XVII вв. // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001б. С. 184–207.

Макаров Л.Д. Итоги и перспективы изучения славяно-русских древностей Нижнего Прикамья // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск, 2002а. С. 187–207.

Макаров Л.Д. О проблемах взаимодействия славяно-русского населения с народами Прикамья в первой половине II тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: к 30-летию КВАЭ. Ижевск, 2002б. С. 152–172.

Макаров Л.Д. Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета: хроника исследования // Исследовательские традиции в археологии Прикамья: [к юбилею д-ра ист. наук, проф. Р. Д. Голдиной]. Ижевск, 2002в. С. 188–228.

Макаров Л. Вольный характер: русские поселенцы на реке Вятке // Родина. 2003а. № 12. С. 40–43.

Макаров Л.Д. К вопросу об участии представителей финно-угорского мира в органах управления Вятской республики и Перми Великой // Вест. Удм. ун-та. 2003б. Спецвыпуск. История. С. 134–141.

Макаров Л.Д. Славяно-финно-пермские этнокультурные процессы в Волго-Вятском междуречье в первой половине II тыс. н.э. // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. Йошкар-Ола, 2004. С. 116–125.

Макаров Л.Д. Итоги археологических исследований г. Ижевска (1983–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005а. С. 58–71.

Макаров Л.Д. Связи Вятской земли в XII–XV вв. по археологическим материалам // Finno-Ugrica. 2005б. № 9. С. 131–149.

Макаров Л.Д. Этноопределяющие маркеры в археологии и проблемы славяно-финского этнокультурного синтеза // Вестник Удмуртского университета. 2005в. № 7. История. С. 124–135.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках: спец. 07.00.06 – археология: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2006а. 55 с.

Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2006б. Т. 9. С. 192–232.

Макаров Л.Д. Прикамье на средневековых географических картах немецких авторов // Российские немцы: история и современность: материалы науч.-практ. конф., Ижевск, 3 дек. 2004 г. Ижевск, 2006в. С. 121–133.

Макаров Л.Д. Русское жилище Вятского края XII–XIX вв. (по данным археологии) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск-Омск, 2006. С. 111–116.

Макаров Л.Д. Формирование оборонительной системы Вятской земли (XII–XV вв.) // Чтения по военной истории. СПб., 2006д. С. 99–105.

Макаров Л.Д. А. А. Спицын и проблемы русской колонизации Вятского края // История и практика археологических исследований: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР, проф. А. А. Спицына, Санкт-Петербург, 26–30.11.2008 г. СПб., 2008а. С. 95–101.

Макаров Л.Д. Проблемы городской, индустриальной, церковной и «чердачной» археологии на территории Удмуртии // Археологическая экспедиция: новейшие

достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 35-летию Камско-Вятской археол. экспедиции. Ижевск, 2008б. С. 204–216.

Макаров Л.Д. Среднее Прикамье – объект русской колонизации (XII–XVII вв.) // «100 лет – это повод»: материалы науч.-практ. конф. «Институт культуры: баланс традиций и инноваций»: межрегион. музейн. фестиваль 1909–2009. Сарапул, 2009. С. 237–249.

Макаров Л.Д. Археологическое исследование в исторической части города Ижевска: итоги, утраты, перспективы // Российский город в исторической ретроспективе: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 250-летию г. Ижевска. Ижевск, 2010. С. 266–284.

Макаров Л.Д. Русская духовность в памятниках истории и археологии Прикамья // Онтология и поэтика Традиции: язык и текст. Ижевск, 2011. С. 39–49.

Макаров Леонид Дмитриевич: к 60-летию со дня рождения: биобиблиограф. указ. / Удмуртский государственный университет, Научная библиотека; сост.: Н. Ф. Широбокова, И. Г. Шапран, Л. Е. Зайцева. Ижевск, 2012. 170 с. (Библиография ученых УдГУ).

Макаров Л.Д. Русские города Вятского края в исследованиях археологов // Русские в Прикамье: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (22–23.03.2018, г. Сарапул). Сарапул, 2018. С. 37–49.

Макаров Л.Д. Археологические исследования захоронений у Александро-Невского собора города Ижевска // Актуальные проблемы изучения городов-заводов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (22–23.09.2020, г. Ижевск). Ижевск, 2020. С. 114–118.

И.Г. Шапран

Введение

Предлагаемое вниманию читателей исследование является продолжением аналогичных работ, выполненных учёными Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, Национального музея Удмуртской Республики имени К. Герда (Иванов и др., 2004; Останина, 2004а) и Удмуртского государственного университета (Голдина Р.Д., Черных, 2011). Данная книга содержит свод памятников одного из восточных районов Удмуртской Республики – Воткинского. Автор придерживается ставшей традиционной за прошедшее десятилетие структуры построения материала. Главный раздел издания – каталог памятников археологии с приведёнными в нем научно-справочными статьями об объектах, известных по различным источникам (всего их насчитывается 103⁹) Описанию памятников предшествует введение и история изучения древностей Воткинского района. Следом за каталогом размещен авторский взгляд на основные этапы древней и средневековой истории Среднего Прикамья с опорой на археологические объекты района. История региона периода нового и новейшего времени изучалась комплексным методом: наряду с археологическими материалами были использованы письменные источники, фольклористика, а также данные палеоантропологии (половозрастной и краниологический анализы), палеонтологии ископаемых животных и ономастики (географические названия и пофамильный состав местных жителей).

По насыщенности археологическими памятниками Воткинский район на карте республики занимает весьма заметное место, что вполне объяснимо его расположением на правобережье Камы и по берегам её крупного притока Сивы, т.е. в благоприятных природно-географических условиях. Расположение в южной, прикамской, части региона, в северной оконечности ФГБУ «Национальный парк «Нечкинский» подтверждает немалую значимость исследуемой территории как в научном, так и в туристическом, хозяйственном планах (Научные труды..., 2013). Данное обстоятельство предполагает известную ответственность за обеспечение сохранности не только его природной, но и историко-культурной составляющей, а также и умелое управление этим богатством. И памятники археологии при этом составляют бесспорную доминанту, ибо их возможное повреждение или даже гибель обозначает невосполнимую утрату уникальной части национального историко-культурного наследия.

Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» существенно изменил статус объектов археологического наследия. В соответствии со статьями 4, 18 и 64 данного закона, памятники археологии, состоящие на государственной охране на основании решений, постановлений органов государственной власти, считаются включёнными в единый государственный реестр в качестве объектов культурного наследия федерального значения. Вместе с тем, перераспределение компетенций на разных уровнях власти и управления, изменения в структуре органов охраны памятников на фоне масштабной приватизации земли и хозяйственного строительства не способствуют сохранности памятников археологии. Так, в пределах района в последние годы

⁹ Подготовка рукописи Л.Д. Макарова к печати, как упоминалось выше, выполнена после его кончины. Новые сведения о вновь выявленных объектах археологии на территории Воткинского района, о результатах мониторинга уже известных памятников внесены в каталог доцентом кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского университета, к.и.н. Е.М. Черных (прим. ред.).

сотрудниками кафедры археологии и истории первобытного общества¹⁰, Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ¹¹ зафиксированы неоднократные нарушения законодательства. Несогласованные земляные работы уже привели к разрушению целого ряда объектов культурного наследия. Нельзя не упомянуть о катастрофическом состоянии памятников археологии, расположенных на береговых обнажениях р. Камы, в зоне подтопления Воткинского водохранилища. К сожалению, в бюджете республики средства на выполнение аварийно-спасательных раскопок разрушающихся объектов археологического наследия не предусмотрены. До сих пор не завершена работа по учёту и инвентаризации археологических памятников. Сегодня она должна проводиться на качественно ином уровне. Предусмотренное законодательством нанесение памятников на растровые планы с привязкой границ путем фиксации их географических координат с помощью современного оборудования должно способствовать скорейшему включению их в единый государственный реестр. Составление археологической карты на этом пути является очень важным шагом.

В последние годы неоднократно высказывалось мнение о необходимости расширить фонды источников, в т. ч. за счет привлечения материалов новейшего времени (Решетников, 2004). Эта тенденция нашла отражение в российском законодательстве, касающемся охраны памятников археологии. Так, в статье 6 Федерального закона от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ пунктом «г» определен верхний временной рубеж археологического памятника: «Под культурным слоем понимается слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы». И, как было справедливо отмечено коллегами, эта статья закона уже сегодня подводит под категорию объектов культурного наследия поля сражений Первой мировой войны, памятники революции 1917 г. и следующей за ней Гражданской войны 1918–1922 гг. и, таким образом, делает их объектом археологических исследований (Перевозчикова, Черных, 2014, с. 118; Макаров, 2015). Итак, на повестку дня встаёт учёт археологических следов боевых действий на территории Прикамья в 1918–1919 гг., в т. ч. и на территории Воткинского района. Первые натурные наблюдения уже были проведены в Сарапульском районе сотрудниками Камско-Вятской археологической экспедиции (Перевозчикова, 2017). Таким образом, число археологических памятников в перспективе основательно возрастёт за счет объектов новейшего времени. Пока же эта деятельность незаконно проводится «чёрными» копателями, а сбор экспонатов осуществляется музейными работниками, краеведами и коллекционерами.

Автор надеется, что представленная здесь археологическая карта окажет существенную помощь как специалистам-археологам, так и работникам республиканских и муниципальных органов, в особенности, уполномоченным в области охраны культурного наследия. Надо отметить, что администрациями Воткинского района и города Воткинска немало делается для его пропаганды и сохранения. Примерами могут служить раскопки Воткинского комплекса памятников (кладбище – поселение) – Воткинского городища и Воткинского (Нагорного) кладбища. Исследование комплекса проводилось в 2007 г. на основании договора, заключённого между ГОУ ВПО «УдГУ» и ФГУП «Воткинский завод», за счет средств, выделенных ФГУП «Воткинский завод»¹².

¹⁰ С 2015 г. – кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии (прим. ред.).

¹¹ С 2023 г. – Научно-исследовательский центр «Камско-Вятская археологическая экспедиция» (прим. ред.).

¹² Здесь речь идет о раскопках осенью 2007 г. по ул. Кирова, в ходе которых были выявлены Воткинское кладбище (не Нагорное!) и Воткинское поселение (Перевощиков С.Е., Отчёт 2007). Воткинское городище исследовалось летом 2008 г. (Бернц, Отчёт 2008) (прим. ред.).

В ходе раскопок Воткинского городища в 2008 г. большую помощь оказала Администрация г. Воткинска и завод РТО в лице мэра города А.В. Кузнецова, начальника сектора аппарата Главы муниципального образования «Город Воткинск» Т.В. Кривилёвой, директора отдела Департамента федеральной государственной службы занятости населения по УР в г. Воткинске К.Г. Варламова, начальника отдела по технике безопасности завода РТО С.А. Якимовича. В полевых работах были задействованы учащиеся школ №№ 1, 7, 15, педагогического колледжа, медицинского училища и профессионального училища № 15 г. Воткинска под руководством командира городского школьного поискового отряда «Память» В.В. Суловой (учитель географии МОУ СОШ № 1). Рекогносцировочные исследования на западной окраине Воткинского (Нагорного) кладбища проведены в октябре 2018 г. на основании договора, заключённого между православным приходом храма Преображения Господня г. Воткинска Ижевской и Удмуртской Епархии Русской Православной Церкви (Московский патриархат) и ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Работы проводились силами выпускников и студентов ИИИС УдГУ под руководством с.н.с. Института истории и культуры народов Приуралья С.А. Перевозчиковой (Отчёт 2018).

Физико-географическая характеристика района

Воткинский район расположен на востоке средней части Удмуртской Республики. Территория его с 1780 г. была частью Сарапульского округа Вятского наместничества, а с 1796 г. до 5 января 1921 г. входила в состав Сарапульского уезда Вятской губернии, с 1921 по 1923 гг. – Пермской губернии, 18 апреля 1923 г. переведена в Сарапульский округ Уральской (впоследствии Свердловской) области. 4 ноября 1926 г. впервые образован Воткинский район, вошедший 15 ноября 1936 г. в состав Кировского края. 22 октября 1937 г. район и г. Воткинск переданы из Кировской области в Удмуртскую АССР (Удмуртская Республика, 2008, с. 248, 253, 261).

Рельеф района сложился как результат расположения его на восточной периферии Восточно-Европейской равнины при переходе её к предгорьям Урала и представляет собой волнистую поверхность, расчлененную лишь долинами Сивы и ее притоков, в т. ч. таких крупных как Вотка и Шаркан, а также верховьями Позими (приток Ижа) и мелкими притоками Камы. Средние отметки высоты на равнинах района колеблются в пределах 130–160 м от уровня моря, в долинах рек – 75–90 м, максимальная абсолютная высота расположена в 1,5 км к северо-западу от с. Галёво (224,6 м). Важное значение в формировании рельефа сыграла р. Кама, протекающая в пределах района на протяжении 12 км (Первошиков А.П., 1992, с. 7–8). На границе с Пермским краем на Каме сооружены Воткинское водохранилище и ГЭС. Подъем уровня воды в водохранилище дал 1 млн киловатт электроэнергии, но в то же время вызвал

Схема расположения Воткинского района на карте Удмуртской Республики

существенные разрушения берегов, нанеся урон сельскохозяйственной деятельности, транспортным коммуникациям, жилым поселениям, привел к размыву и уничтожению природных и исторических памятников. В частности, подверглись затоплению традиционные нерестилища некоторых видов рыб, в т. ч. промысловых; в результате обрушения высоких берегов пострадали места гнездования птиц, особенно редких хищников, безвозвратно потеряны многочисленные древние поселения, как, например, у с. Степаново. Судя по всему, аналогичные утраты произошли и в процессе сооружения Воткинского пруда в 1757–1759 гг., а также по мере строительства завода, жилых и хозяйственных построек. Помимо ущерба объектам природы и памятникам истории и культуры района всё более тревожной становится экологическая обстановка, что связано с загрязнением Воткинского пруда промышленными и городскими стоками, последствиями молевого сплава леса во время Великой Отечественной войны, попаданием в воду нефтепродуктов (Перевошиков А.П., 1992, с. 14, 20, 21; Удмуртская Республика, 2008, с. 248, 253). Эта же проблема касается Воткинского водохранилища, воды которого насыщены отходами промышленных предприятий, стоков с территорий городов и сельских поселений, расположенных на территории Пермского края, многолетнего лесосплава.

Климат района умеренно-континентальный с продолжительной холодной многоснежной зимой, теплым летом и хорошо выраженными временами года. Средняя температура января $-14,6^{\circ}\text{C}$, июля $+17,8^{\circ}\text{C}$, самая низкая отмечена в январе 1980 г. -50°C , самая высокая обычно бывает в июле, доходя до $+38^{\circ}\text{C}$. По многолетним наблюдениям среднегодовое количество осадков в Воткинске составляет 524 мм, но бывает как засушливое, так и дождливое лето. Устойчивый снежный покров устанавливается в середине ноября, а окончательный его сход происходит в среднем к 15 апреля. Число дней со снежным покровом в среднем за год составляет около 170. Изредка происходят стихийные бедствия. Так, 19 июля 1989 г. 8 районов Удмуртии подверглись воздействию урагана с силой ветра в 35–42 м/с. Главный удар пришелся на Воткинский район: было повреждено более 1500 жилых и хозяйственных построек, уничтожены посевы на сотнях гектаров, повален лес, сломано 40 металлических опор ЛЭП (!) (Перевошиков А.П., 1992, с. 9–12).

На территории района наибольшее распространение имеют дерново-среднеподзолистые почвы и их разновидности. На выпуклых склонах сформировались дерново-карбонатные и дерново-слабоподзолистые почвы. В долинах склонов – средне- и сильноподзолистые, реже – светло-серые. В неглубоких понижениях низких частей склонов сложились серые, темно-серые и дерново-глеевые почвы. В низких поймах рек образовались пойменно-болотные торфяные почвы. На юго-востоке района в пойме Камы скопился мощный массив аллювиальных (наносных) почв вместе с болотными. Наиболее плодородные серые лесные почвы сосредоточились на незначительной части юга района. В целом почвы Воткинского района вполне пригодны для выращивания всего спектра сельскохозяйственных культур умеренной зоны. Но для сохранения их плодородия необходимо внесение органических и минеральных удобрений, для снижения кислотности почв требуется их известкование, а на почвах, подверженных эрозии, – проведение мелиоративных работ полного цикла (Перевошиков А.П., 1992, с. 16).

Природные условия Воткинского района благоприятны для произрастания лесов. Его территория входит в подзону южной тайги. Большая часть региона поросла смешанными лесами, южнее Воткинска залесенность слабая, здесь имеются признаки остепнения. Растительные ресурсы представлены четырьмя группами: лесной, луговой, кустарниковой и полевой. Основной массив лесов сосредоточен к северо-востоку от Воткинска (три четверти всех лесов района), причем господствуют елово-берёзовые водораздельные

леса. К югу от города леса вырублены и сохранились небольшими массивами вдоль мелких рек и балок. Всего лесом занято 28% территории района. Основные породы хвойные, составляющие половину лесопокрытой площади района, при этом абсолютно (до 32%) преобладает сосна. Из лиственных пород господствует береза (18%). Заметно присутствие широколиственных пород: дуба обыкновенного, клёна платановидного, липы мелколистной, вяза гладкого, ильма шершавого, лещины обыкновенной (орешника). Именно здесь проходит северная граница произрастания дуба и орешника. Кустарники распространены по берегам рек, по склонам оврагов и балок, в лесах в виде подлеска. Среди лекарственных растений выделяются тимофеевка, мятлик луговой, зверобой, душица, ромашка и многие другие (Перевошиков А.П., 1992, с. 17–18).

Животный мир Воткинского района весьма разнообразен, что обусловлено богатой растительностью и его географическим местоположением: большинство диких животных принадлежат к представителям как таёжной зоны, так и к обитателям лесостепи. Из крупных хищников обитают бурый медведь, волк, лиса, рысь, из мелких – черный хорек, горноста́й, ласка, куница. Обычны грызуны (зайцы, белки, бурундуки) и насекомоядные (кроты, ежи, летучие мыши). Нередки встречи с парнокопытными – лосями, кабанам. Многообразен мир птиц: хищников (коршуны, ястребы, соколы, совы), промысловых из отряда куриных (глухари, тетерева, куропатки, рябчики), водоплавающих (несколько отрядов), враньих, певчих и т.д. Здесь встречаются представители пресмыкающихся (ящерицы, ужи, гадюки и др.), земноводных (жабы, лягушки, тритоны и др.), множество отрядов рыб, моллюсков, насекомых. Значительное количество растений и животных попали в Красную книгу редких и исчезающих видов Удмуртии и нуждаются в охране (Перевошиков А.П., 1992, с. 18–19). В этом плане чрезвычайно важную роль играет созданный в 1998 г. по правобережью Камы национальный парк «Нечкинский», охвативший в том числе южную часть Воткинского района (Научные труды..., 2013).

Полезные ископаемые района разнообразны. В 1966 г. к северу от Воткинска обнаружено Мишкинское месторождение нефти и попутного газа, занимающее обширную территорию Воткинского и Шарканского районов Удмуртской Республики. Еще раньше, в 1964 г., на границе Воткинского и Завьяловского районов было выявлено Гремихинское месторождение нефти – первое в районе. Известны и другие месторождения. В долине Сивы открыты большие запасы торфа на площади свыше 2 тыс. га с запасами в 36 тыс. м³. Наибольший уровень добычи торфа был достигнут в 1988 г. и составил 93,1 тыс. т. Торф используется как топливо, в качестве удобрения и подстилки для скота на фермах. Из строительных материалов имеются крупные запасы песка, гравия, глин, известняка, а близ д. Косачёво – месторождение известкового туфа (Перевошиков А.П., 1992, с. 8–9, 68–71). Еще в 1877 г. на левом берегу Камы обнаружили железную руду, но содержание в ней металла оказалось невелико, поэтому добыча и переработка её были нецелесообразны (там же, с. 9). Известно также Фертиковское месторождение минеральной краски охры (География Удмуртии, 1992, с. 196).

Структура научно-справочного описания археологического объекта

Принцип расположения статей следующий: памятники археологии распределены по категориям (типам памятников), внутри которых отдельные памятники располагаются в алфавитном порядке. Каждый памятник имеет свой порядковый номер, который соответствует его номеру на приводимой карте расположения памятников.

В пределах района археологические памятники группируются в следующем порядке: открытые поселения, селища, стоянки; городища; могильники; отдельные находки, местонахождения и клады; местонахождения палеофауны. При выделении типов памятников, что закреплено в их названиях, использована распространенная

в археологической литературе терминология. Остатки кратковременных поселений каменного и бронзового веков названы *стоянками*. Многослойные поселенческие памятники именуются *поселениями*. Неукрепленные поселения раннего железного века и средневековья обозначены *селищами*, укрепленные – *городищами*. Остатки древних кладбищ названы *могильниками*. Находки отдельных археологических предметов, связь которых с культурным слоем поселений или могильниками точно не документирована и не установлена, именуются *местонахождениями (отдельными находками)*, а комплексы, включающие предметы из драгоценных металлов или монет, – *кладами*. Было решено выделить в отдельную группу места обнаружения ископаемых костей животных эпохи плейстоцена, хронологически совпадающие с периодом древнекаменного века (палеолита) – *находки палеофауны*. Встречаются объекты, имеющие двойную категориальную принадлежность, например, *Шалавенское I селище (могильник)*. Сохранение двойной принадлежности вызвано закрепившейся статусностью объекта в официальных документах.

Статья начинается с порядкового номера объекта. Нумерация памятников сплошная, номер в тексте соответствует номеру объекта на карте.

Далее полужирным шрифтом приведено его закреплённое официальное название, данное в соответствии с названием расположенного рядом (или ранее располагавшегося) населённого пункта. В скобках, при необходимости, указаны другие известные и вошедшие в научную литературу названия объекта. Если одноимённых и однотипных памятников несколько, после его официального названия римской цифрой указан его номер.

После названия объекта перечислены его принадлежность к определённому историческому периоду (относительная дата), принадлежность к конкретной археологической культуре и абсолютная дата, указанная в веках римскими цифрами. Если культурно-хронологическое определение памятника неизвестно или спорно, вместо них или рядом ставится знак вопроса – соответственно ? или (?).

Следом через точку с запятой указана привязка объекта к населённому пункту (чаще всего отражённая в названии объекта) и ближайшему водному источнику. Написания названий всех населённых пунктов и рек уточнены по имеющимся справочникам. Описание водной системы доводится до р. Камы. Если сведения о населённом пункте и водном источнике не совсем точны и требуют проверки, это указывается расположенным рядом знаком вопроса в скобках.

Пример: Степановское I городище (Лёвина гора). А.к., IV–III вв. до н.э., Ч.к., XVIII–XIX вв.; с. Степаново, правый берег р. Камы.

Принятые условные обозначения для культурной принадлежности памятников следующие:

А.к. – ананьинская археологическая культура;

ЖВ – железный век;

М. тип – мазунинский тип чегандинской археологической культуры;

РЖВ – ранний железный век;

Ч.к. – чегандинская археологическая культура.

Далее следует краткая характеристика археологического объекта, включающая описание его местонахождения относительно населённых пунктов и водных источников, ландшафтно-топографические особенности его расположения, линейные и площадные размеры объекта и его отдельных частей, сведения о степени изученности памятника, когда и кем исследован, краткие данные о мощности культурного слоя, о открытых объектах и обнаруженном вещевом материале. Данные о местоположении археологических памятников проверены и уточнены по современным топографическим картам:

использован картографический материал ФГУП «Уралаэрогеодезия» масштаба 1:100 000 (общегеографический атлас «Удмуртская Республика»).

Статья по каждому объекту заканчивается указанием на место хранения коллекций памятника, номерами этих коллекций и библиографическими сводками. В библиографию включена литература и архивные источники, в которых так или иначе отражены описания и характеристики объекта или его отдельного комплекса. Архивные материалы учтены пока не полностью: остались не изученными, например, архивы ГИМ, МАЭ, ГАКО, КОКМ. В библиографию не включена часть газетных статей и заметок. В тексте и в научно-справочных статьях об объектах использованы сокращения, список которых приводится в конце книги.

Первичный сбор информации о памятниках района проведён В.К. Ткаченко, Т.К. Ютиной. Картографические материалы выполнены Т.Р. Сабировым, прорисовка археологических находок – автором и А.Е. Митряковым, их обработка, компоновка и оформление иллюстраций – художником кафедры археологии и истории первобытного общества Н.Ф. Шишкиной, оформление обложки осуществлено художником И.Г. Соловьёвой, компьютерная обработка текстовых и иллюстративных материалов А.Ю. Емельяновой, А.М. Вязниковым, Н.Ф. Широбоковой, И.Г. Шапран.

Издание «Археологической карты Воткинского района Удмуртской Республики» обобщает бесценный опыт многих ученых, преподавателей, студентов, краеведов, изучавших древности края на протяжении не менее 150 лет.

Нам хотелось бы выразить огромную благодарность всем местным краеведам, учителям, работникам культуры – нашим главным помощникам в деле охраны археологических богатств Прикамья. Особая признательность руководителям района, хозяйствующим организациям и всем, кому небезразлична история края и его будущее.

Автор признателен преподавателям и сотрудникам кафедры археологии и истории первобытного общества, Института истории и культуры народов Приуралья, музея древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья¹³ Удмуртского государственного университета, художникам, редакторам, картографам – всем тем, чей труд вложен в издание этой книги.

¹³ После реэкспозиции в 2022–2023 гг. – музей археологии и этнографии народов Прикамья (прим. ред.).

I. Из истории археологических исследований в Воткинском районе Удмуртской Республики

Воткинский район Удмуртской Республики является одной из самых изученных археологами территорий региона, что во многом объясняется его благоприятным расположением на географической карте. В свою очередь, это обстоятельство привлекало внимание к нему краеведов, учёных-естественников, историков и археологов. Постепенное накопление сведений о древних находках потребовало их обобщения и привело, в конечном итоге, к созданию сводных каталогов памятников, сопровождавшихся очерками по истории их изучения.

История изучения древностей Воткинского района начинается в первой половине XIX в. В июне 1829 г. при Воткинском заводе открыт минералогический кабинет с 77 образцами, созданный выдающимся русским металлургом С.И. Бадаевым. Постепенно экспозиция пополнялась изделиями завода, и кабинет был преобразован в «заводской музей» (Ломаев, 2012, с. 320). В 1837–1848 гг. горным начальником Камско-Воткинского завода был подполковник корпуса горных инженеров И.П. Чайковский, отец будущего великого композитора. При нём в августе 1837 г. на заводе учреждено Учёное общество (Перевошиков А.П., Жуйкова, 2008, с. 248). Слова документа уточняют ситуацию: «Во исполнение воли высшего начальства я на прежнем основании назначаю восстановить в здешнем заводе Учёное общество» (Хрестоматия..., 2007, т. 1, с. 316, № 231). Примечание к документу содержит важные сведения: «Учёное общество ... было учреждено предписанием управляющего Департаментом горных и соляных дел от 8 апреля 1825 г., но вследствие «недостатка чиновников» быстро пришло в упадок и распалось (там же, с. 720, прим. 214). Научный сотрудник Музея истории и культуры г. Воткинска А.П. Скачкова приводит некоторые уточнения из указа И.П. Чайковского, отличающиеся от цитируемых выше: «Деятельность Учёного Комитета возобновить, Комитету предписано, если древности, коими так богата земля, обнаружены будут, немедленно сообщать...». Именно в то время Учёным Комитетом было предписано, что древности, найденные на Городище, следует передать в заводской музей, созданный при заводе в 20-е годы XIX века. Об интересных находках Учёный Комитет сообщал в Петербург и Екатеринбург, чтобы специалисты изучили найденное «тщательно» (Скачкова, 2013). Эти данные, очевидно, требуют подтверждения материалами архивов упомянутых городов.

Вскоре в губернской печати впервые появилось описание Воткинского городища. Его автор, В.Е. Блинов, священник Воткинского завода, пишет следующее: «Заводские старожилы говорят, что здесь издревле обитала чужь белоглазая... Прежде находили железные орудия, и назад тому лет 30 ... при раскопке земли вырыли два топора особенной формы, подобной форме топоров, какие в прошедшие годы работались на этом заводе для американской компании (О курганах..., 1838, № 25). Описание это перекочевало затем в публикацию П.В. Алабина (1859, № 30), в отчёте ВГСК дополнилось некоторыми деталями (Отчёт о действиях..., 1874, с. 27), а позднее попало на страницы книги Г.Е. Верещагина (1886, с. 101). В 1881 г. раскопки Воткинского городища провел П.А. Пономарёв, который, по словам А.А. Спицына, знал о случайной находке «бронзовой секиры (приобретённой, по предположениям, из Воткинского завода)» (Спицын, 1893, с. 108–109; Берлин, 2010, с. 151, табл. 1–3), и выявил здесь

вещи «добулгарского времени» – лепную керамику с примесью раковины, а также «черепки жёлтой глины, позднейшие» (очевидно, поздняя русская керамика – Л.М.), кости животных, а под городищем «длинное, узкое, трехгранное костяное копье» (Спицын, 1893, с. 109; Талицкая, 1952, с. 87). В 1887 г. А.А. Спицын осмотрел городище и в шурфах обнаружил обломки лепной керамики, шлак, гальки со следами употребления и обломок жёрнова. Вскоре тут же побывал Ф.А. Уваров, который «здесь не нашёл ничего любопытного» (Спицын, 1893, с. 107–109). А.А. Спицын обнаружил также городище при д. Горы, но обозрел его лишь с парохода, тем не менее сумел зафиксировать рельеф (там же, с. 109). Судя по всему, это Паздеровское городище, обследованное позднее Л.А. Беркутовым и упомянутое Ф.В. Стрельцовым, затем основательно (на 80 лет) забытое и вновь обнаруженное лишь в 2007 г. Т.А. Цыгвинцевой¹⁴ (Отчёт со дня основания..., 1915, с. 18; Шабердин, 1928, с. 69 – прим. 1 Ф.В. Стрельцова).

В 1890 году в «Вятских губернских ведомостях» опубликованы данные вятского статистика П.М. Сорокина сразу о нескольких памятниках: Большекиварском II, Дубровинских I и II, Куралихском (Чучковом), Сидоровском, Шалавенском селищах, Дубровинском, Малокиварском, Среднекиварском и Шалавенском городищах, Бакайских, Большекиварских I и II, Дубровинских, Лып-Гари и Фёдоровских находках, Шалавенском кладе (ВГВ, 1890, № 90, 92, 96, 97). Вскоре после этого информация о древних памятниках появилась в «Материалах по статистике Вятской губернии» – упоминались такие: Дубровинское I, Большекиварское II, Куралихское селища, Большекиварское II (Лазарево поле), Дубровинское, Малокиварское, Воткинское, Шалавенское городища, Куралихский клад, Болгурские, Артимонские, Бакайские, Большекиварские I и II, Епифановские, Кокуйские, Лып-Гари, Нижнеосиновские, Романовские, Черновские находки (Материалы..., 1892, с. 56, 67–70, 114–117). Практически все эти данные учел и А.А. Спицын (1893, с. 125–127). В 1892 г. в Перевозинской волости были найдены древнерусские монетные серебряные слитки новгородского типа (Ильин, 1921, с. 19). В 1914 г. по поручению Общества изучения Прикамского края Л.А. Беркутов обследовал Паздеровское¹⁵, Перевозинское и три Воткинских городища (в т. ч. Воткинское, а какие именно два других – не указано) (Отчёт музея..., 1915, с. 5; Отчёт со дня основания..., 1915, с. 18; Шабердин, 1928, с. 64, 65, 69 – прим. 1 Ф.В. Стрельцова).

После Октябрьской революции и Гражданской войны один из руководителей Научного общества по изучению Вотского края Ф.В. Стрельцов собрал сведения не только об известных, но и вновь открытых памятниках края: Большекиварском I, Дубровинском I, Черепановском I селищах, Большекиварском II, Воткинском, Малокиварском, Перевозинском городищах, Болгурских, Епифановских, Романовских и Черновских находках.

В 1928 году опубликована статья биолога и краеведа, бывшего в 1919–1929 гг. директором Сарапульского музея, Д.В. Шабердина (Запорожцева, 2016) "Памятники старины Среднего Прикамья", основанная на материалах анкетирования, проведённого музеем в 1913 г., а также личных опросов и обследований автора и дополнительных

¹⁴ В результате исследований 2025 г. сотрудниками ООО «НПЦ ПрикамАрхеология» выяснено, что обнаруженное А.А. Спицыным «Городище при д. Горы», а позднее Т.А. Цыгвинцевой «Паздеровское» (№ 64) и обследованное Л.А. Беркутовым «Городище близ деревни Сидоровы Горы» – два разных памятника, последнее получило название Сидоровы Горы (Сидоровогорское), городище (№ 66). В главе I оставлен авторский текст с учетом сведений, имеющихся на тот момент в распоряжении Л.Д. Макарова (прим. ред.).

¹⁵ Обследование Паздеровского (в наст. время городища Сидоровы Горы (Сидоровогорского), № 66) в 1914 г. приводит Ф.В. Стрельцов в примечании к ст. Д.В. Шабердина (1928) со ссылкой на Отчёт Общества изучения Прикамского края (Отчёт со дня основания..., 1915). В самом отчёте точного указания на 1914 год нет. В материалах ЦГА УР, касающихся «городища близ деревни Сидоровы Горы» указан 1913 год (прим. ред.).

сведений Ф.В. Стрельцова, приведенных им в примечаниях. По Воткинскому району указаны: кладбище на "Купыше"; "изразцы и другие находки, вывезенные из Болгур" в Сарапульский музей М.С. Тюниным; "чучкие" предметы (Епифановские и Романовские); обследованные Л.А. Беркутовым в 1914 году. "три воткинских городища и одно около с. Перевозное"; Воткинское городище, обследованное А.А. Спицыным, в 1926 г. – Ф.В. Стрельцовым, а также осмотренное автором; городища Дубровинское, Малокиварское (Чучковское) и Большекиварское II (Лазарево поле), в примечании I на с. 69 Ф.В. Стрельцов указал также Паздеровское городище, обследованное Л.А. Беркутовым в 1914 г. (Шабердин, 1928, с. 64, 65, 69). Почти все вышеперечисленные объекты вошли в сводку И.А. Талицкой (1952, с. 86–89, №644–649, 658–666, 670–673).

В 1953 году разведгруппа Камской археологической экспедиции Пермского университета под руководством её сотрудника А.В. Кокарева провела обследование в зоне затопления Воткинской ГЭС на территории современного Воткинского района в окрестностях сёл Степаново, Камское и лесоучастка Волковский. К сожалению, соответствующие листы из отчёта КАЭ ПГУ за 1953 г., хранящегося в архиве экспедиции отсутствовали, но в списке кабинета археологии указаны 4 обнаруженных разведкой памятника, а у трёх из них упомянуты номера коллекций (Список КАЭ ПГУ за 1953 год). Согласно сведениям из отчета А.В. Кокарева, хранящегося в архиве ИА РАН¹⁶, здесь было обнаружено 5 новых памятников: Степановские городище (в настоящем каталоге это Степановское I городище) и селище (Степановское XXI селище), отнесенные, соответственно, к железному веку и ананьинскому времени, а также селища Гамы (Гамское) и Волковское эпохи железа и Заболотовское (по нашему каталогу – Заболотовское III) ананьинское.

В 1956 году В.А. Семенов обследовал большую часть уже известных памятников и открыл первый в районе могильник – Нивский (III–V вв.) (Отчёт 1956, с. 2–20). В 1958 г. В.Ф. Генинг опубликовал почти все собранные к тому времени сведения в книге "Археологические памятники Удмуртии" (1958, с. 182–186, № 330–336, 345–355, 359, 360).

Обширные археологические работы провела здесь в 1972–1974, 1976, 1979 гг. старший научный сотрудник Удмуртского республиканского краеведческого музея Т.И. Останина. Ею открыты Паздеровское, Кремлевское, Сидоровогоорское, Черепановское II, Шалавенское II селища и Гавриловское поселение, дважды осматривалось известное уже Шалавенское I селище, обследовано и Воткинское городище, а стационарно раскапывались Нивский могильник и Гавриловское поселение (Останина, Отчёты 1972, с. 5–6; 1973, с. 3–7; 1974, с. 1–57; 1976, с. 22–36; 1979, с. 29–32). Раскопки Нивского могильника III–V вв. предприняты в 1972 и 1974 гг.; на площади 1160 кв. м найдено 156 погребений со 172 костяками. Умершие были похоронены в длинных, узких, неглубоких ямах вытянуто на спине в гробах-колодах и $\frac{3}{4}$ их сопровождалась вещами – кожаными поясами с пряжками, накладками и наконечниками, бабочковидными фибулами, височными подвесками, бусами, ножами и шильями. В 19 могилах у изголовья покойного в берестяных туесках находились жертвенные комплексы (Генинг, Отчёт 1972, с. 1–15; Останина, 1974, с. 166–167; 1975, с. 168; 1978). В 1976 г. раскопано Гавриловское поселение (1405 кв. м). При этом выявлена каменная кладка сложной конфигурации площадью 758 кв. м, имевшая по центру плоское возвышение высотой 44 см и диаметром 4,8 м, окаймленное плитками. В 1 м от этого возвышения зафиксировано кольцо диаметром 6,6 м, отделенное от него ровиком глубиной до 10 см. Судя по всему, это ритуальное сооружение, к тому же на раскопе найдено три погребения животных, 24 очага, 19 хозяйственных и 28 столбовых ям. Культурный слой (до 50 см) беден находками. В нижней

¹⁶ Выражаю благодарность за содействие сотруднику архива Е.К. Столяровой.

его части обнаружены кремнёвые изделия эпохи мезолита (скребок, нуклеусы, пластины) и лепная керамика ананьинской культуры со шнуровым и ямочным орнаментом, примесью раковины в тесте. В верхнем слое найдены 2 медные монеты XVIII в., фрагмент круговой керамики, обломок железной пластины и нож (Останина, Отчёт 1976, с. 22–36; 1977, с. 169; 2004б, с. 67–89). Время функционирования кладки – первая половина XVIII в. Автор связывает её и весь поздний комплекс с русским культовым святилищем, посвящённым Перуну – Илье Пророку (Останина, 2004б, с. 81–86). Все вышеназванные памятники были включены в каталоги памятников истории и культуры Удмуртии (Памятники..., 1979, с. 82, 83, 95, 96, 105, 115; Памятники..., 1990, с. 55–58).

В 1978 году от школьника Андрея Щуклина, родители которого имели садово-огородный участок в с. Степаново, поступила информация о костях мамонта и размытых Воткинским водохранилищем поселениях. Вместе с ним я осмотрел обрыв и отмель у юго-восточной оконечности полуострова, образованного заливом р. Степановки и водохранилищем, где обнаружились разрозненные кости мамонта (зубы, обломки позвонков, рёбер и бивней), других находок здесь не выявлено. На пашне в 20 м к северу от обрыва найден фрагмент лепной средневековой керамики. На отмели к югу от села выявлена цепочка из 8 скоплений находок (лепная керамика, бусы, железные и бронзовые вещи, кремь), которые были условно объединены в 6 поселений ананьинско-пьяноборского времени. Но на VI поселении, помимо ананьинской керамики и фрагментов тигля, обнаружено 2 скопления изделий из кремня и доломита, в том числе 3 нуклеуса, 2 пластинки, угловой резец, 2 скребка на отщепах, 14 отщепов, 12 больших кусков кремня. Судя по характеру инвентаря, это остатки стоянки-мастерской эпохи раннего неолита (рубеж VI–IV тыс. до н.э.). За исключением I селища, где культурный слой отчасти сохранился (3–8 см), на остальных поселениях он полностью размыт (Макаров, Материалы 1978).

В 1985 году в Воткинском районе работали две разведочные группы КВАЭ. Одна провела обследование правобережья среднего течения р. Сивы между низовьями её притоков Большой Кивары и Кивары. В процессе работ проведено доисследование практически полностью разрушенного Среднекиварского (Таракановского) городища. Кроме того, был обнаружен новый памятник – Пихтовское селище, также мазунинского времени (Васильева, Материалы 1985). Группа, руководимая О.А. Казанцевой, осматривала территорию района в 4 местах: устья рек Сива и Перевозная, правый берег р. Камы на участках д. Сидоровы Горы – с. Перевозное и д. Евсино – с. Камское (Казанцева, Отчёт 1985, с. 13).

Повторные исследования в окрестностях с. Степаново, проведенные в 1989 г. разведгруппой И.С. Широковой при активном участии автора, позволили выявить остатки размытых селищ (причем неолитическая стоянка была уничтожена без остатка – ни один кремнёвый предмет на Степановском X поселении (нумерация памятников изменена) не обнаружен) на протяжении 5,5 км – от северной окраины села до пионерского лагеря «Пламя». Это поселения Степановские I–XIV и Пламя I–III (17 памятников) с позднеананьинскими находками, на 6 из которых найдена и позднерусская керамика. На полуострове исследована и степень сохранности местонахождения палеофауны – на глубине 2–2,25 м от поверхности обрыва найден фрагмент кости конечности мамонта. На месте находки средневековой керамики (1978 г.) выявлен еще один подобный обломок и 3 фрагмента круговой русской посуды (Степановское XVI поселение). К западу на отмели обнаружена керамика двух русских поселений (XV и XIX) – очевидно, окраина затопленного села, располагавшегося к ЮВ от современного. Русская керамика была найдена ещё на двух распаханых средневековых селищах (XVII и XVIII). Впервые после А.В. Кокарева (1953 г.) было

обследовано Степановское I городище ("Лёвина гора"), уже известное местному краеведу Д.Г. Исупову и осмотренное сотрудником КВАЭ Н.В. Водолаго, а по разведочным материалам предварительно отнесённое к раннему средневековью (Широбокова, Отчёт 1989, с. 14–15). Стационарные раскопки, проведенные на городище Е.М. Черных в 1993 г., позволили скорректировать датировку памятника, значительно расширив её. На четырех раскопах (308 кв. м) выявлены разновременные остатки. На южном краю мыса в раскопе исследованы остатки оборонительных укреплений позднего периода ананьинской КИО (IV–III вв. до н.э.). В верхних горизонтах найдена пьяноборская керамика. На внешней площадке обнаружены остатки каркасно-столбовой постройки сезонного характера с находками круговой керамики, грузил и бытовых металлических вещей XVIII–XIX вв. (Черных Е.М., Отчёт 1993; 2000).

В 1997 году к северу от с. Степаново разведкой Д.А. Салангина обнаружено еще одно позднеананьинское городище – Степановское II, а через залив к западу от него – Степановское XX поселение с находками этого же времени и позднерусскими артефактами (Салангин, Отчёт 1997, с. 32–33). Тогда же им были обследованы берега водохранилища вниз от с. Степаново, где у бывших деревень Косачёво и Неумоина (южная окраина с. Камского) собрана круговая керамика двух позднерусских селищ. К югу от с. Камского научным сотрудником Кудымкарского краеведческого музея Э.Ю. Макаровым обнаружено Камское местонахождение кремня, вероятно, связанное с верхним палеолитом. В низовьях р. Сивы в 1,2 км к ЮВ от выселка Нива группой Д.А. Салангина обнаружено Нивское поселение с находками керамики мазунинского типа и фрагментом русского горшка. Ещё ниже по течению реки найдены I и II Сивинские поселения: первое располагалось на правом берегу в 1,5 км к югу от устья р. Перевозной, второе – на левобережье устья Сивы. На обоих памятниках обнаружена лепная керамика раннего железа и русская круговая посуда (Салангин, Материалы 1997). Судя по всему, русская керамика Сивинского II поселения фиксирует следы былого расположения одного из древнейших русских поселений региона – деревни Сива, известной в переписных материалах конца XVI – середины XVII в. и погибшей во время одного из башкирских набегов (Лапин., 2015, с. 190–198). В 1999 г. разведгруппой УОПИК под руководством Г.А. Степановой, согласно охранным договорам под строительство объекта № 800, открыты и обследованы два русских поселения: Урочище Костёнки и Урочище Малиновка XVII – середины XX в. (Степанова., Отчёт 1999, с. 52–57, прил. 65–90).

В 2001 году учащиеся 6 класса школы № 3 г. Воткинска под руководством учителя истории А.Ф. Петрова выезжали на побережье водохранилища близ бывшей д. Косачево, где и обнаружили в обрыве следы могильника. Об этом сообщил местный краевед Н.Я. Лапин, с помощью которого мною проведено исследование памятника. Удалось вскрыть три нарушенных обрывом захоронения (два детских, одно взрослое), имевших могильные ямы глубиной от 65 до 112 см, ориентированных на ЮЮЗ и ЗЮЗ. Крестик, найденный школьниками под могилами в обрыве, является мужским (старообрядческим?) тельником XVII–XVIII вв., что и определяет время функционирования Косачёвского могильника. Одновременно в слое над погребениями были обнаружены: круговая керамика, кости животных и железные вещи – остатки Косачёвского II селища XVIII–XIX вв., оставшегося, очевидно, от бывшей здесь деревни (Макаров, Материалы 2001).

В 2003 г. отрядом КВАЭ (рук. Д.А. Салангин), на основании договора между Министерством культуры УР и Удмуртским госуниверситетом, осмотрены Шалавенское и Перевознинское городища. Выяснилось, что оборонительные укрепления и культурный слой первого разрушены, состояние второго удовлетворительное (Салангин, Отчёт 2003).

В 2006 г. с целью предотвращения коммерческого использования памятника природы и археологии близ с. Болгуры – холма «Пупыш» – была проведена научная экспертиза объекта, осуществленная научным сотрудником УИИЯЛ УрО РАН А.Г. Ивановым. Состояние холма оказалось удручающим, поэтому какие-либо земляные строительные работы здесь были запрещены (Иванов, Акт обследования 2006). В этом же году разведгруппой КВАЭ под руководством С.Е. Перовощикова в ходе осмотра территории реконструкции тракта Ижевск – Воткинск обнаружено Болгурское (Болгуриновское) русское селище XVIII–XIX вв. (Отчёт НИР 2006, с. 18–19; Перовощиков С.Е., Отчёт 2006, с. 21–22).

В 2007 году Т.А. Цыгвинцева повторно открыла известное ещё со времён А.А. Спицына (у д. Горы) Паздеровское городище позднеананьинско-раннепьяноборского времени, а также осмотрела селище Сидоровы Горы. С её участием мы проверили состояние Воткинских городища и Нагорного кладбища, а А.М. Вязников обследовал Перовознинское городище. В июле этого же года поступило сообщение строителей, вскрывших котлован для возведения жилого дома в центре Воткинска по ул. Кирова (к западу от Школы искусств), об обнаружении следов кладбища. Прибывшая сюда разведгруппа КВАЭ под руководством автора и при участии Т.А. Цыгвинцевой обследовала край котлована, выявила и раскопала пять православных захоронений первого кладбища Воткинска (1758–1812 гг.) и углублённое сооружение поселения на месте некрополя с находками середины XIX в. В августе-сентябре отряд археологов УдГУ под началом Л.Д. Макарова и С.Е. Перовощикова провёл стационарные раскопки (148 кв. м) на нетронутой площадке и вдоль края котлована (он был расширен в СВ части). Выявлено: 31 погребение с 33 умершими, располагавшимися 12 рядами, а также 5 сооружений, 18 хозяйственных ям, 2 канавы Воткинского поселения (после 1812 – 1970-е гг.). Запланированное дальнейшее изучение этого интереснейшего комплекса памятников, оставленных воткинцами во второй половине XVIII – XX в., к сожалению, не состоялось.

Летом 2008 года отрядом КВАЭ под руководством В.А. Бернц на Воткинском городище проведены рекогносцировочные раскопки, охватившие 200 кв. м в СВ части памятника. Площадка городища сохранилась лишь на четверть от первоначального размера в 20 тыс. кв. м, оборонительные укрепления и значительная часть культурных напластований уничтожены заводом РТО (в ходе строительства, перестройки, частичной перепланировки) и стрельбищем при нём, а также нарушены кладоискательскими ямами. На раскопе удалось исследовать остатки сооружений и хозяйственных ям мазунинского времени (IV–V вв. н.э.), сопровождавшихся находками значительного числа фрагментов лепной керамики (около 500) от 125 сосудов, а также кусками обмазки, сырыми и кальцинированными костями, зубами животных. На поселении выявлен также русский комплекс находок (круговая неполивная и глазурованная керамика, фрагменты фаянсовых изделий, обломок керамической плитки, кусок кирпича, 8 кованых железных гвоздей) XIX–XX вв. (Бернц, Отчёт 2008; Бернц и др., 2011, с. 340–341).

В начале мая 2011 года разведгруппа КВАЭ (А.М. Вязников, И.Ю. Пастушенко, С.Е. Перовощиков, С.А. Перовощикова, Т.Р. Сабиров, Е.М. Черных) обследовала сохранившуюся от затопления северную часть Заболотовского I поселения. При этом в ходе зачистки обрывистых берегов обнаружен культурный слой с лепной неорнаментированной керамикой ананьинского облика. Датировка подтверждена находкой бронзовой подвески в виде лука и стрелы, хранящейся в музее школы с. Камское, созданном учительницей истории Н.Ю. Новосёловой и её учениками. Кроме того, в разрушенном слое русской деревни археологами собран многочисленный материал XVII–XX вв.: круговая керамика и фрагменты фаянсовой посуды, а в школьном музее хранятся православные крестики, фрагменты окладов икон, украшения, монеты,

пуговицы, напёрстки, замочные ключи, жернова, тележные колёса, накладки на конскую сбрую, подковы, ножницы, вилы, гвозди и прочий инвентарь, гильзы и патроны периода Гражданской войны. В 180 м к ЮВ от этого поселения на песчаной отмели И.Ю. Пастушенко и С.Е. Перевощиков обнаружили Заболотовское II селище, представленное круговой неполивной и глазурованной русской керамикой XVIII–XX веков. Культурный слой поселения почти полностью уничтожен водохранилищем (Черных и др., Материалы 2011).

В 2015 году на Черепановском I селище XVII–XIX вв. провёл договорные работы сотрудник ООО "Центр реставрации и сохранения памятников" (г. Саратов) А.Н. Кириллов. Он осуществил инструментальную съёмку, разведочную шурфовку восточной части селища, сбор артефактов с поверхности (фрагменты круговой керамики, обмазка, кости животных) и поиск их с помощью металлодетектора (найдено 7 медных монет, 3 из них наиболее ранние "денги" 1739–1741 гг., а также железные гвозди) (Кириллов, Отчёт 2015, с. 1–4). В сентябре этого же года разведочная группа КВАЭ (в составе А.М. Вязникова, О.А. Карпушкиной, И.Ю. Пастушенко, С.Е. Перевощикова, Т.Р. Сабирова, А.Е. Митрякова, Т.А. Цыгвинцевой) обследовала Черновское месторождение нефти. На трассе нефтепровода, что в 1,8 км к востоку от пос. Черновский лесоучасток и 250 м к ЮЗ от р. Вотка, обнаружено новое селище III–V вв. н.э. с находками лепной керамики мазунинского типа и железной "косы-горбуши" (Перевощиков С.Е., Пастушенко, 2006, с. 105–121; Отчёт НИР 2015). В июне 2016 г. автор посетил и обследовал к северу от с. Болгуры высокий холм "Пупыш", с которым местное население связывает место первого деревенского кладбища. Каких-либо новых следов нарушения поверхности памятника, в сравнении с предыдущими его осмотрами, не замечено (Макаров, Материалы 2016).

На территории района отряды КВАЭ УдГУ периодически проводят научно-исследовательские хоздоговорные изыскания, связанные со строительством, обустройством и реконструкцией нефтяных месторождений по согласованию с ОАО "Удмуртнефть": Мишкинского (Отчёты НИР 2002, 2003, 2008, 2009а, 2009б, 2009в), Гремихинского (Отчёты НИР 2005, 2009г; 2009д), Черновского (Отчёт НИР 2015). Каких-либо объектов историко-культурного наследия не найдено, за исключением работ 2015 г. на Черновском месторождении, когда было обнаружено упомянутое выше Черновское (Черновский Лесоучасток) селище мазунинского времени. Кроме того, хоздоговорные работы осуществлялись в связи со строительством мачтовых сооружений (Отчёт НИР 2007а), заменой участка магистрального нефтепровода «Киенгоп–Набережные Челны» (Митряков, Отчёт 2015–2016), но каких-либо объектов ИКН здесь не было выявлено. На основании договоров 2007 г. с ООО "АСПЭК-Речфлот" и ООО "Монолитстрой" обследованы территории в окрестностях д. Сидоровы Горы, отведенные под трассу ЛЭП, а также для выгрузки нерудных материалов и под складирование с последующей отгрузкой песчано-гравийной смеси на берегу р. Камы. В исследовании участвовали: Т.А. Цыгвинцева, Т.Р. Сабиров, А.М. Вязников (Отчёт НИР 2007б). При этом удалось повторно открыть Паздеровское городище (I тыс. до н.э.), известное ещё А.А. Спицыну, Л.А. Беркутову и Ф.В. Стрельцову (Цыгвинцева, Отчёт 2007, с. 25, рис. 2, 3, 30–36), а границы Паздеровского селища, найденного в 1972 г. Т.И. Останиной (IV–III вв. до н.э., XVII–XX вв.), значительно (до 4 га) расширить на запад (Цыгвинцева, Отчёт 2007, с. 26–29, рис. 2, 5, 37–57).

В 2018 г. усилиями коллектива ООО «НПЦ ПрикамАрхеология» по согласованию с Агентством по государственной охране объектов культурного наследия Удмуртской Республики проведены хоздоговорные работы на двух памятниках района: осуществлена инструментальная топосъёмка Гавриловского поселения (Вязников,

Отчёт 2018) и произведен осмотр состояния Кремлевского селища (Вязников, Материалы 2018).

В последние годы в отечественной науке большое внимание уделяется церковной археологии. В рассматриваемом районе этот научный раздел в основном связан с изучением православных погребальных памятников. В их числе Воткинский могильник – первое кладбище Воткинска, – на котором в 2007 г. исследовано 31 погребение с 33 покойными второй половины XVIII – начала XIX в. (Перевощиков С.Е., Отчёт 2007; Макаров, Перевощиков С.Е., 2010, с. 137–139). В 2018 г. рекогносцировочные раскопки на Воткинском (Нагорном) кладбище, по согласованию с епархиальным руководством, провёл отряд КВАЭ УдГУ, исследовавший парное захоронение семьи Чернышёвых (протоиерея Николая и его дочери Варвары), расстрелянных в январе 1919 г. и, по решению РПЦ, канонизированных в 2018 г. в чине новомучеников (Перевозчикова, Отчёт 2018).

Таким образом, в последние десятилетия археологические изыскания на территории Воткинского района УР носят практически полностью охранной характер, что в основном обусловлено минимумом бюджетного финансирования и необходимостью спасения древних памятников в условиях их ускоренного разрушения хозяйственной деятельностью человека, грабительскими раскопками "чёрных" копателей и природными факторами, в том числе и искусственно спровоцированными, в частности, созданием Воткинского водохранилища.

В течение полутора веков в музейные коллекции поступали ископаемые кости животных эпохи плейстоцена, совпадающей с периодом палеолита, однако на территории Удмуртии, в т. ч. в Воткинском районе, они ни разу не сопровождались находками каменных орудий труда. Отсутствие последних пока не позволяет быть уверенным в достоверности утверждения известного ижевского палеонтолога Эрнестины Витальевны Алексеевой о палеолитическом возрасте хранящихся в музеях примитивных костяных изделий (Крупенин, 2001; Кожевников, 2001б). Ссылка на расколотые кости, возможно, имеющие следы человеческого воздействия (Алексеева и др., 2006, с. 122–124), требуют тщательного трасологического анализа, который более надежно позволил бы выявить следы использования человеком орудий труда. Во всяком случае, сбор палеонтологических материалов, осмотр места их обнаружения, научное определение видовой принадлежности и возраста костей оставляют нам надежду на открытие палеолитической страницы в истории Среднего Прикамья и в целом Удмуртии. Всего в пределах республики насчитывается около сотни пунктов обнаружения ископаемых костей эпохи плейстоцена.

II. Археологические памятники Воткинского района

Древние поселения (стоянки, селища)

1. Болгурское (Болгуриновское) селище. XVIII–XIX вв.; с. Болгуры, верховья ручья Шумиха, правого притока р. Лынывайка, правого притока р. Малая Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Обнаружено в 2006 г. С.Е. Перевошиковым в 1 км к ССЗ от с. Болгуры на пологом склоне высокого холма близ поворота с тракта Ижевск – Воткинск на село. С распаханной поверхности площадью 20000 кв. м (200×100 м) на возвышенном междуречье высотой до 215 м (по БСВ), близ опушки смешанного леса, собраны фрагменты круговой керамики, куски глиняной обмазки и шлак. Шурфовкой под пахотным слоем выявлен коричнево-опесчаненный суглинок мощностью до 10 см с включениями угля и обмазки; в нем же найдена железная втулка ручной ковки от какого-то инструмента. Ниже выявлена прослойка серой супеси с углем и золой толщиной до 3 см. Круговая керамика представляет собой мелкие фрагменты серого и коричневого цвета с примесью песка в тесте. Материал селища отнесен ко времени не ранее последней четверти XVIII (время после основания Камских – Ижевского и Воткинского – заводов) – XIX в. По IV ревизии (1782 г.) починок Болгуры отмечен как новопоселённый.

По сведениям С.Е. Перевошикова, памятник был засыпан слоем грунта мощностью 1,5–2 м, срезанного при строительстве дороги Ижевск – Воткинск. В ходе мониторинга 2023 г. установлено, что на территории селища проведены строительные работы, не согласованные с АОКН УР – складирован строительный материал, размещена техника, выстроена деревянная крепость.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 03.11.2023 №137).

Колл. УдГУ, № 2175.

Отчёт НИР 2006, с. 18–19, 21, прил. 3, 23–29; Перевошиков С.Е., Отчёт 2006, с. 21–22, 24, рис. 122–128; Макаров, 2013, с. 31–32; Пислегин, 2016, с. 81; Хайруллина и др., 2024, с. 7.

2. Большекиварское I селище. XVII–XVIII вв.; с. Большая Кивара (поч. Русанов, д. Большая Кивара), левый берег р. Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Селище открыто в 1956 г. В.А. Семеновым в 50 м к СВ от восточной окраины села на юго-западной части овальной возвышенности береговой террасы р. Кивара, высотой 6–9 м от уровня поймы реки. Поверхность поселения распахивается, с площади около 4500 кв. м собраны фрагменты керамики (10 единиц) с примесью песка, выполненной на гончарном круге и предварительно датированные XV–XVII вв. В 1979 г. было осмотрено Т.И. Останиной. В 1997 г. состояние памятника обследовано разведгруппой КВАЭ под руководством Д.А. Салангина. При этом скорректирован топографический план: нанесено 6 усадеб села, отмечено отсутствие распашки памятника (поверхность задернована), на поверхности возвышенности зафиксирован песчаный карьер с неровным абрисом края и общим размером 60×47 м, разрушивший северо-восточную часть поселения, уточнена его площадь – 2400 кв. м (60×40 м). Т.И. Останина привела более подробное описание керамики: сосуды темно-серого и коричневого цвета, с незначительной высоты валиком по плечу – на одном фрагменте, и линиями

желобков – на другом. Уточнены этнокультурная принадлежность и датировка памятника: русское поселение конца XVII – XVIII вв.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 № 121).
Колл. НМУР, № 135.

Семёнов, Отчёт 1956, с. 8–9; *Генинг*, 1958, с. 184, № 348; *Памятники...*, 1979, с. 82, № 55; *Памятники...*, 1990, с. 55, № 520; *Останина*, Отчёт 1979, с. 29, рис. 59; *Салангин*, Материалы 1997; *Останина*, 2004а, с. 93–94, 219, № 277; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 11, 70, № 24; *Макаров*, 2013, с. 34.

3. Большекиварское II селище¹⁷. М. тип¹⁸, III–V вв.?. с. Большая Кивара (поч. Русанов, д. Большая Кивара), правый берег р. Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Селище расположено на южной окраине села, на невысокой возвышенности, образуемой с запада оврагом, с юга и ЮВ пологим склоном террасы р. Кивара. Поверхность распаханна и занята хозяйственными постройками. Обследовано в 1956 г. В.А. Семеновым. Ранее известно в литературе (по данным П.М. Сорокина, А.А. Спицына, И.А. Талицкой) как Больше-Киварское I городище (см. № 59), однако в 1956 г. оборонительные сооружения не были обнаружены, следствием чего поселение лишено статуса укрепленного. Площадь около 6660 кв. м. Культурный слой мощностью до 50 см насыщен находками. Обнаружены: фрагмент пряслица, обломок плиты-зернотерки, 39 фрагментов лепной керамики толщиной от 4–6 до 8–9 мм с примесью песка и растительности в глиняном тесте, с ямочным орнаментом (3–4 ряда овальных ямок) по шейке и плечу. В дальнейшем поселение обследовалось в 1979 г. Т.И. Останиной и в 1997 г. Д.А. Салангиным. В 2021 г. осмотрено сотрудниками АОКН УР, установлено частичное нарушение территории памятника ямами различного происхождения.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. НМУР, № 132.

Сорокин, 1890, № 90; *Материалы...*, 1892, с. 67; *Спицын*, 1893, с. 126; *Талицкая*, 1952, с. 88, № 660; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 8–9; *Генинг*, 1958, с. 184, № 347; *Памятники...*, 1979, с. 82, № 54; *Памятники...*, 1990, с. 55, № 519; *Останина*, Отчёт 1979, с. 29, рис. 57а; *Салангин*, Материалы 1997; *Останина*, 2004а, с. 32, 214, № 69; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 11, 71, № 25; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Хайруллина и др.*, 2022, с. 5.

4. Волковское селище. ЖВ; пос. Волковский, правый берег р. Кама.

Памятник обнаружен в 1953 году разведгруппой КАЭ ПГУ под руководством А.В. Кокарева в 2 км к северу от Волковского лесоучастка (ныне – пос. Волковский) и приблизительно на таком же расстоянии к востоку от пос. Новый (возник во второй половине 1950-х гг. в связи со строительством Воткинской ГЭС). Селище располагалось на боровой террасе высотой не менее 5 м от уровня поймы. Поверхность террасы ровная, поросла сосновым лесом и слабо задернована, вдоль её края с севера на юг шла дорога на лесоучасток. В 30–35 м к западу от дороги отмечены следы противопожарной опашки (судя по плану – углублённой канавы), в двух местах которой была произведена зачистка края. При этом зафиксирована следующая стратиграфия: слой дёрна толщиной до 10 см,

¹⁷ В.Ф. Генинг по ошибке назвал его Большекиварским I селищем, эта оплошность перешла в справочники 1979 и 1990 гг. и публикацию автора 2013 г. Данную ошибку обнаружила и исправила Т.И. Останина в 2004 г.

¹⁸ Памятники III–V вв. относятся к мазунинской археологической культуре, выделенной в 1958 г. В.Ф. Генингом (1967), изучалась Т.И. Останиной (1997). Л.Д. Макаров придерживался культурно-хронологической схемы Р.Д. Голдиной, предложившей рассматривать мазунинские памятники в рамках позднего этапа чегандинской (тарасовской) культуры II в. до н.э. – V в. н.э. (прим. ред.).

перекрывающий светло-коричневый песок мощностью до 50 см с находками мелких косточек и керамики, подстилающий слой – красноватый песок. Расстояние до реки, судя по указанному на плане дому бакенщика, составляло (до затопления поймы Воткинским водохранилищем) 1 км. Автор отчёта датирует памятник железным веком и указывает на необходимость проведения здесь раскопок. Современное состояние памятника неизвестно.

Сведений о хранении коллекции в КА ПГУ¹⁹ не обнаружено.

Кокарев, Отчёт 1953, с. 5–6, рис. VII, VII; Перевозчиков А.П., 1992, с. 97–100; Справочник..., 1995, с. 184.

5. Воткинское поселение. После 1812–1970-е гг.; г. Воткинск, левый берег р. Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Памятник входит в состав Воткинского археологического комплекса, состоящего из двух разновременных объектов – кладбища (оно описано ниже) и занявшего его место поселения. Строительство Воткинского железодобывающего завода началось 3 апреля 1758 г. Наряду с производственными корпусами и плотиной на правом берегу р. Вотки были возведены жилые и надворные постройки, выделены огороды для рабочих завода.

На левом берегу построены заводская контора и дом управителя, а жилая застройка охватила значительную площадь: уже через 5–10 лет (1764–1769 гг.) расстояние от крайних восточных домов до границы кладбища (а оно располагалось в 1 км от заводского пруда) равнялось 350 м. К концу века практически вся эта площадь была застроена. По распоряжению начальника Камских заводов А.Ф. Дерябина кладбище в 1808 г. должны были закрыть, одновременно было выделено место под новое кладбище (Нагорное) и приказано выровнять поверхность старого под застройку, однако реально это распоряжение было выполнено лишь в 1812 г.

Таким образом, территория первого Воткинского некрополя была быстро занята усадьбами местных жителей. В 1980-х гг. западнее современной Школы искусств и к югу от ул. Кирова частные постройки были снесены, а поверхность выровнена. Северо-восточный фрагмент этой площадки заасфальтировали для автостоянки, а южную часть готовили под строительство многоэтажного

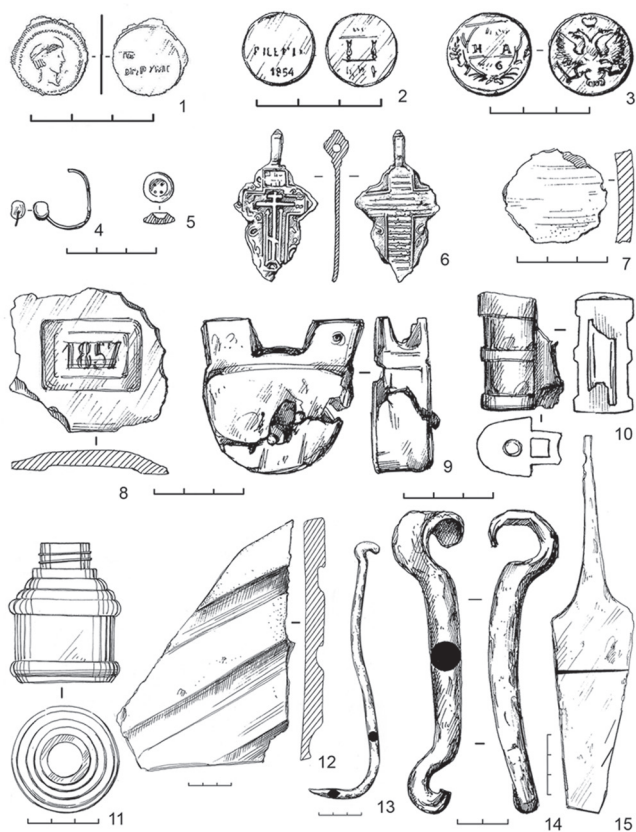

Рис. 1. Воткинское поселение. Вещи: 1 – медный жетон; 2, 3 – медные монеты; 4 – серебряная серьга; 5 – пластмассовая пуговица; 6 – медный крест-тельник; 7 – заготовка пряслица из стенки сосуда (глина); 8 – фрагмент дна стеклянного сосуда с клеймом; 9, 10 – железные замки; 11 – стеклянная чернильница; 12 – фрагмент глиняной черепицы; 13 – железный дверной крючок; 14 – железное звено конских удили; 15 – железный нож

¹⁹ Современ. – ПГНИУ.

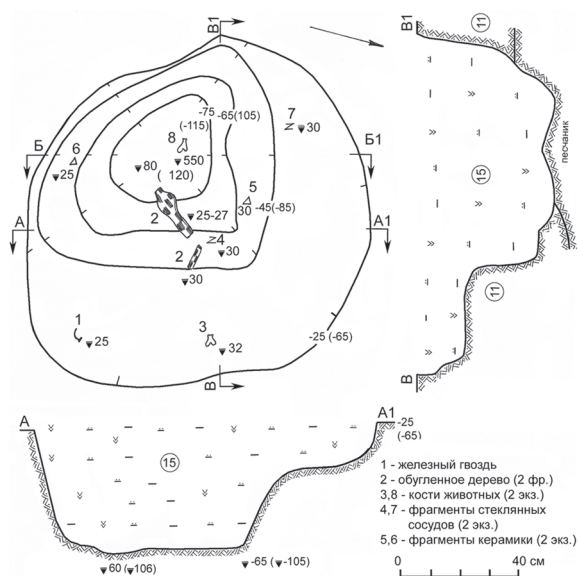

Рис. 2. Воткинское поселение.
План и разрез ямы № 5

Администрации города, по краям котлована (зачистки длиной 110 м) и на двух раскопах (109 кв. м). Раскопки в городе вызвали интерес общественности, предварительные их итоги были опубликованы в средствах массовой информации и научной печати (рис. 1–3).

На поселении исследованы 24 ямы (рис. 2), остатки 6 сооружений и 2 канавы. Из 6 сооружений 4 имели подквадратную форму со стороной 1,5–2,5 м, глубину

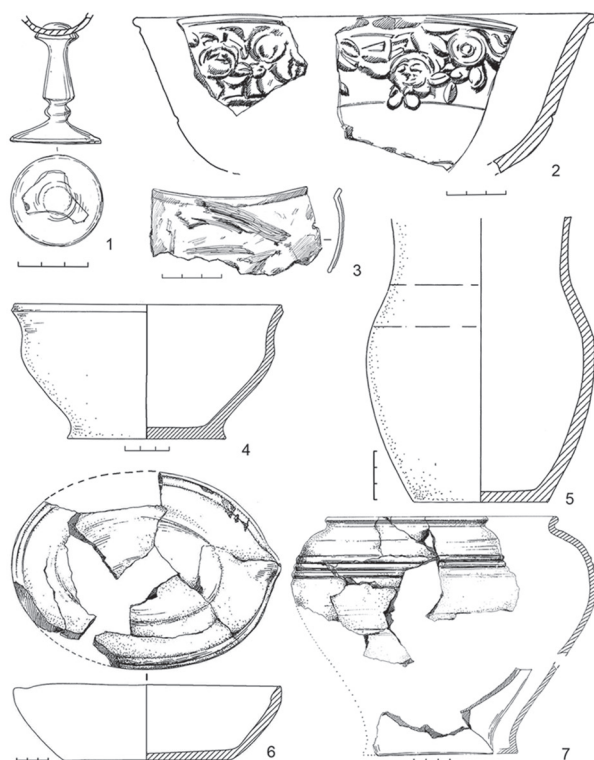

Рис. 3. Воткинское поселение. Бытовая посуда:
1 – стекло; 2 – глазурированная керамика;
3 – железо; 4–7 – глина

дома: были вбиты железобетонные сваи фундамента, но в начале 1990-х гг. стройку заморозили. По новому плану на этом месте вновь спроектировали возведение жилого дома, но на этот раз на фундаменте в глубоком (до 3,0 м) котловане. В процессе сооружения котлована в 2007 г. строители обнаружили захоронения (было разрушено несколько рядов могил). Сообщение об остатках кладбища поступило к археологам УдГУ.

В 2007 г. отрядом КВАЭ УдГУ под руководством С.Е. Перевощикова и при участии Л.Д. Макарова, Т.А. Цыгвинцевой, Н.Ф. Ширококовой и других сотрудников проведены охранные исследования комплекса памятников на месте строительства. Работы велись за счет средств, выделенных ФГУП «Воткинский завод» по инициативе Управления культуры

Администрации города, по краям котлована (зачистки длиной 110 м) и на двух раскопах (109 кв. м). Раскопки в городе вызвали интерес общественности, предварительные их итоги были опубликованы в средствах массовой информации и научной печати (рис. 1–3). На поселении исследованы 24 ямы (рис. 2), остатки 6 сооружений и 2 канавы. Из 6 сооружений 4 имели подквадратную форму со стороной 1,5–2,5 м, глубину от 44 до 107 см, вертикальные стенки, облицованные бревенчатыми венцами или вертикально установленными досками. В заполнении сооружений обнаружен многочисленный инвентарь бытового и хозяйственного назначения (рис. 1, 3): фрагменты глиняной, стеклянной, фарфорово-фаянсовой, железной посуды, черепицы, кирпичей, оконного стекла, многочисленные металлические изделия, медный женский нательный крест, кости животных и рыб. Под нижним венцом сооружения 1 найден медный жетон с нечитаемой надписью на латинице, а в придонном слое – осколок дна стеклянной бутылки 1857 года. В углу сооружения 2, в верхней его части, найдена медная монета – «денежка» – ½ копейки 1854 г. Сооружения интерпретированы как подполья домов. В сооружении 3 исследована предпечная яма. Остальные ямы поселения имели небольшие размеры, разную глубину и назначение. Две канавы содержат исключительно находки второй половины XX в. Материалы

исследованного памятника характеризуют формирующуюся городскую культуру Воткинска XIX–XX вв.

Летом 2024 г. территория памятника была осмотрена сотрудниками АОКН УР; поселение внесено в перечень выявленных объектов Приказом АОКН УР № 03-02/242 от 01.11.2024 г.

Колл. УдГУ, № 2182.

Воткинские были, 1959, с. 10–11; *Воткинск*, 1999, с. 11, 21, 31; *Перевозицков А.П.*, 2000, с. 243; *Воткинск*, 2005, с. 65; *Васина*, 2006, с. 86, 225; *Миролюбова*, 2007; *Холмогорова*, 2007, с. 13; *Перевозицков С.Е.*, Отчёт 2007; *Макаров*, 2008а, с. 5; 2008б, с. 185–186; 2008в, с. 214–215; *Перевозицков С.Е. и др.*, 2010, с. 380–381; *Макаров, Перевозицков С.Е.*, 2010, с. 137–140; *Макаров*, 2013, с. 32; *Хайруллина и др.*, 2025, с. 8–9.

6. Гавриловское поселение. Мезолит, А.к., IV–III вв. до н.э., XVIII в.; д. Гавриловка, левый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Расположено в 0,5 км к ЮЗ от деревни по нижней дороге дд. Гавриловка – Метляки в пойме р. Сивы, в 42 м от неё, на невысокой (до 4 м), относительно ровной возвышенности неправильной формы. Центральная часть её задернована и частично поросла кустарником, восточная часть и склоны залесены. Площадь памятника около 2000 кв. м. Поселение открыто в 1973 г. Т.И. Останиной. В 1976 г. ею же вскрыта почти вся его площадь (1405 кв. м). На памятнике зафиксировано три хронологических комплекса. На поверхности (в дёрне и под ним) обнаружены следы каменной кладки, образующей сложную фигуру площадью 758 кв. м (рис. 4). Кладка выполнена плитками известняка толщиной 5–30 см. Почти в центре сооружения расположено плоское возвышение круглой формы высотой 0,44 м и диаметром 4,8 м, окаймлённое плитками. В 1 м от этого кольца зафиксировано второе кольцо диаметром 6,6 м. Между кольцами прослеживается ровик глубиной до 10 см. Кроме того, с этим комплексом связаны три захоронения животных, 5 очагов, 3 хозяйственные и 28 столбовых ям, а также отдельные находки: две медных монеты («полушка» 1737 г. и «денга» 1748 г.), нож с деревянной ручкой, железная

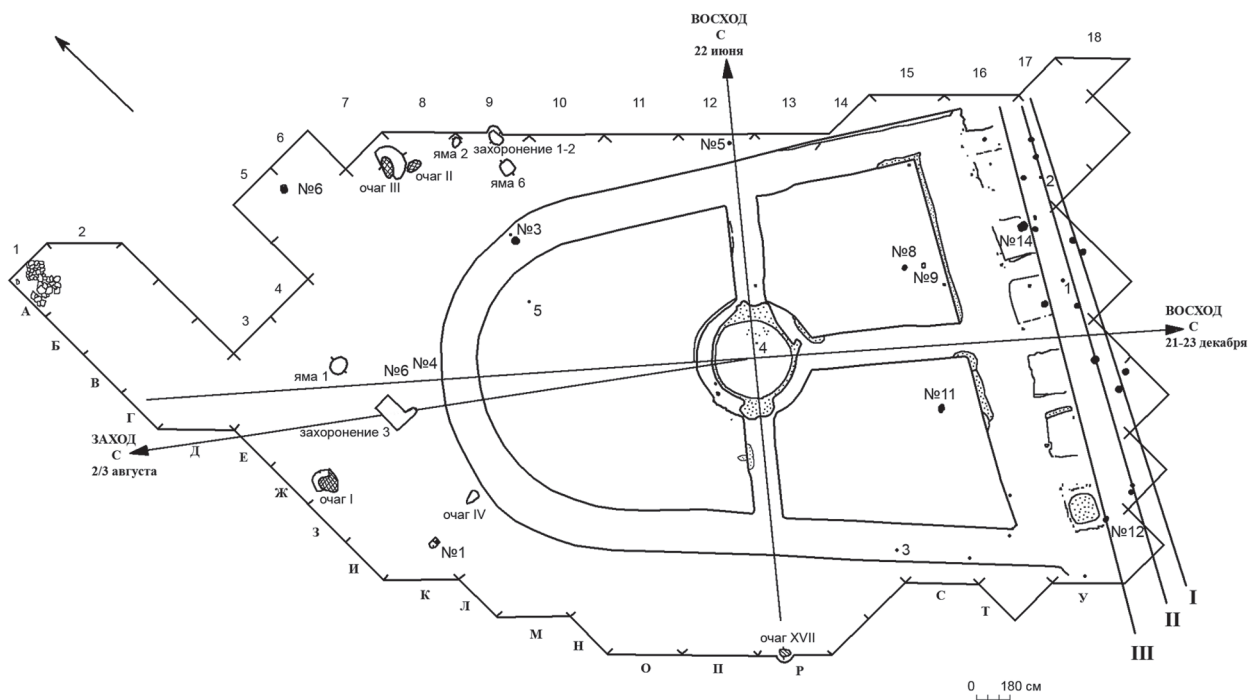

Рис. 4. Гавриловское поселение. Археологические объекты первой половины XVIII в. (по: Останина, 2004)

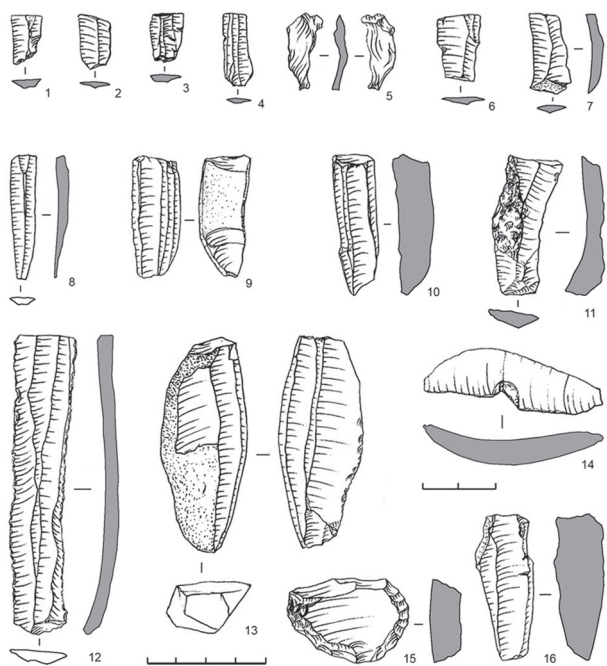

Рис. 5. Гавриловское поселение.
Кремнёвый инвентарь
(по: Останина, 2004)

раскопа 1976 г. к ЮВ от него обнаружен шурф (4×4 м), не отмеченный в отчетах Т.И. Останиной (явно прослеживается работа человека, принимавшего участие

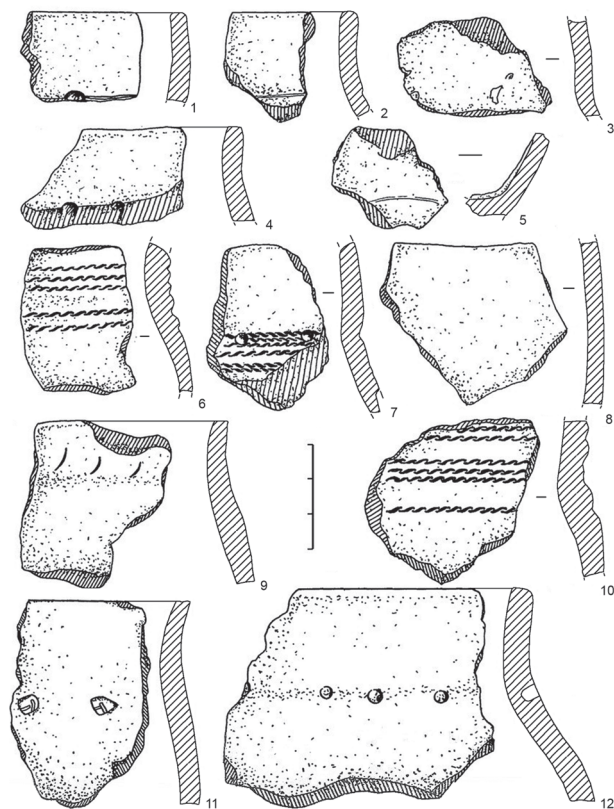

Рис. 6. Гавриловское поселение.
Керамика (по: Останина, 2004)

пластина, фрагмент круговой посуды. Назначение данных культурных остатков XVIII века пока остается неясным, хотя предположение Т.И. Останиной о языческом характере сооружения местных русских поселенцев, достаточно убедительно. Два нижележащих культурных слоя мощностью до 50 см бедны находками. В нижнем слое найдено около двух десятков кремнёвых изделий эпохи мезолита (скребок, скобель, комбинированное орудие, пластины, нуклеусы, сколы) (рис. 5). С верхним слоем связаны 19 очагов, 16 хозяйственных ям, а также позднеананьинская посуда со шнуровым и ямочным орнаментом с примесью раковины в глиняном тесте (57 фрагментов) (рис. 6) и песты-тёрочки.

В 2018 г. по договоренности с АОКН УР состояние памятника было проверено сотрудниками ООО «НПЦ ПрикамАрхеология». Наряду со следами шурфа (4×4 м), не отмеченный в отчетах Т.И. Останиной (явно прослеживается работа человека, принимавшего участие в археологических раскопках). Осмотр поверхности не привел к выявлению каких-либо находок. Геодезистами ООО «Граунд» были проведены топографо-геодезические работы и выполнена инструментальная съемка памятника. В 2023 г. памятник осмотрен сотрудниками АОКН УР в рамках мониторинга; установлено, что юго-западный и северный склоны территории памятника разрушаются осыпями.

Объект культурного наследия федерального значения (учетный номер в ЕГРОКН – 181540371970006, приказ от 29.12.2015 г. № 28269-р).

Колл. НМУР, № 309, 321.

Останина, Отчёт 1973, с. 6–7; 1973, с. 166–167; Отчёт 1976, с. 22–36; 1976, с. 169; Памятники..., 1979, с. 83, № 56; Памятники..., 1990, с. 55, № 521; Останина, 2004а, с. 11, 18, 95, № 2, 21, 283, рис. 3, 6; 2004б, с. 67–89; Останина, Широбокова, 2012, с. 10, 62, 69, № 6; Макаров, 2013, с. 30–33; Вязников, Отчёт 2018; Хайруллина и др., 2024, с. 6.

7. Гамы (Гамское), селище. ЖВ; бывш. поч. (д.) Гамы (Гамова), с. Забегаево (Забегалово), с. Степаново, правый берег р. Кама.

Памятник упомянут в числе поселений, открытых в 1953 г. отрядом КАЭ ПГУ под руководством А.В. Кокарева. Отчёт об этой разведке в Перми не обнаружен, а в списке исследованных объектов в кабинете археологии ПГУ отсутствуют его датировка и номер коллекции. Впервые починок Гамы фигурирует в ревизии 1710 г., в нём насчитывалось 7 дворов монастырских крестьян, приписанных к храму Рождества Пресвятой Богородицы, что в с. Степаново. На одной из дореволюционных карт (карта Генштаба 1913 г.), приблизительно в 2 км к югу от прежней границы села, отмечена д. Гамова. В списках селений Камского сельсовета за 1955 и 1957 гг. д. Гамы упоминается. Позднее она в документах отсутствует, что объясняется просто: попала в зону подтопления Воткинского водохранилища. Последнее подтверждается картой проектируемого затопления земель, на которой деревня отмечена на залитой водой территории (с этой картой удалось познакомиться благодаря любезности учительницы истории средней школы с. Камского Н.Ю. Новосёловой).

В 2018 г. была получена копия отчёта А.В. Кокарева, что позволило установить местоположение памятника и ознакомиться с выводами исследователя. Селище было обнаружено в 0,5 км к ЗЮЗ от д. Гамы на краю невысокой (до 2 м) ровной террасы, частью поросшей сосновым лесом, но в основном распаханной. Вдоль южного и восточного края селища в деревню проходила полевая дорога, разрушившая культурный слой, из которого собран подъёмный материал, преимущественно фрагменты керамики. Исследователь даёт её описание и делает соответствующие выводы: «Керамика неорнаментированная, плотная, хорошей сохранности. По облику керамики селище можно отнести к железному веку. О более же точной датировке селища говорить не приходится ввиду крайней ограниченности материала». Судя по отсутствию в списке исследованных экспедицией ПГУ памятников номера коллекции с поселения Гамы, собранная там керамика либо не была зашифрована, либо, являясь обломками поздней гончарной посуды, вообще осталась в поле.

Кокарев, Отчёт 1953 г., с. 5, рис. V, VIII; *Список КАЭ ПГУ за 1953 г.; Справочник...*, 1995, с. 240–241; *Лапин*, 2015, с. 191, 200, 202.

8. Дубровинское I селище. М. тип; д. Дубровино, правый берег ручья Суковатка, правого притока р. Лып, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Находится в 0,5 км к ЮЮЗ от деревни, в 0,21 км от ручья Суковатка, в 0,25 км к ЮЗ от р. Лып, в местности, называемой «Городище». Поселение занимает низкий пологий склон правого берега р. Лып, поверхность его разрушена омшаником и частично распахивается. Памятник был известен в литературе как Дубровинское городище X–XIV вв., где когда-то находили топорики. Обследован в 1956 г. В.А. Семёновым, однако каких-либо укреплений им не было обнаружено. Находки лепной керамики очень редки, это 3 фрагмента светло-коричневого и темно-серого цвета, в состав теста входит растительность и песок. В 1979 г. селище осматривала Т.И. Останина, выявившая под дёрном слой пестроцвета с преобладанием тёмно-серой супеси мощностью до 25 см без находок. В 1997 г. Д.А. Салангин зафиксировал полную задернованность поверхности объекта. Судя по всему, обследованное В.А. Семёновым поселение не имеет отношения к упомянутому выше городищу, поскольку обладает другими топографическими особенностями и иным расстоянием от деревни (см. № 62).

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. НМУР, № 67.

Сорокин, 1890, № 90; *Материалы...*, 1892, с. 67; *Спицын*, 1893, с. 125; *Талицкая*, 1952,

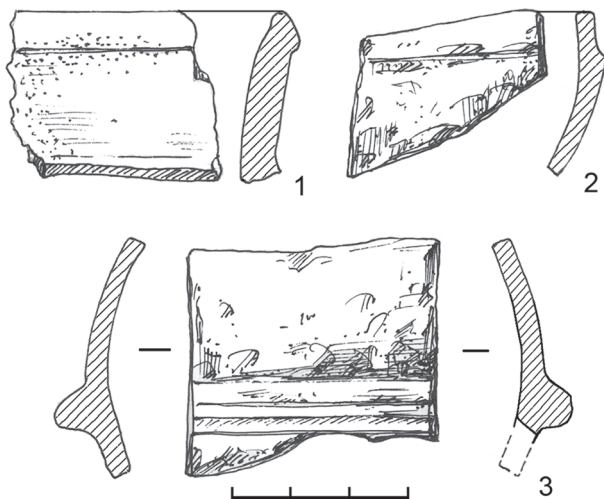

Рис. 7. Дубровинское II селище.
1 – фрагмент кругового сосуда (глина);
2, 3 – фрагменты чугушка (железо).
Сборы Д.А. Салангина (1997)

с. 89, № 670; Семёнов, Отчёт 1956, с. 11–12; Генинг, 1958, с. 185, № 354, 355; Останина, Отчёт 1979, с. 31, рис. 60, 60а; Памятники..., 1979, с. 83, 95, № 57, 241; Памятники..., 1990, с. 55–57, № 522, 534; Салангин, Материалы 1997; Останина, 2004а, с. 35–36, 214, № 81; Останина, Широбокова, 2012, с. 11, 70, № 21; Макаров, 2013, с. 29, 34.

9. Дубровинское II селище. XVI–XVIII вв.; д. Дубровино, правый берег р. Лып, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Расположено на северном конце деревни, на крутом берегу р. Лып, над прудом. Площадка его полого спускается к югу и занята огородами. На поверхности видны остатки старых построек и карьеров.

Мощность культурного слоя 13–15 см. Селище открыто в 1956 г. В.А. Семёновым к северу от ранее известного в литературе места находок медных блях и стеклянных бус синего и зелёного цвета, обнаруженных при насыпи мельничной плотины (см. №86). На селище найдены: железный нож и мелкие фрагменты круговой керамики (12 обломков) темно-коричневого цвета с примесью мелкого песка в тесте. На одном обломке горшка – 2 ряда невысоких валиков. В 1979 г. селище обследовала Т.И. Останина, а в 1997 г. осмотрел Д.А. Салангин, обнаруживший на поверхности три фрагмента круговой посуды темно-коричневого цвета (в т. ч. один с вертикальной высокой горловиной и приостренным венчиком и наплывом наружу, другой – с коричневой поливой изнутри), а также два осколка чугушка (рис. 7). Поселение русское, датируется в рамках XVI–XVIII вв.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. НМУР, № 134.
Колл. УдГУ, № 2097.

Сорокин, 1890, № 97; Спицын, 1893, с. 126; Талицкая, 1952 с. 89, № 671; Семёнов, Отчёт 1956, с. 12; Генинг, 1958, с. 185, № 353; Останина, Отчёт 1979, с. 29, рис. 61; Памятники..., 1979, с. 83, № 58; Памятники..., 1990, с. 56, № 523; Салангин, Материалы 1997; Останина, 2004а, с. 95, 220, № 284; Останина, Широбокова, 2012, с. 11, 71, № 26; Макаров, 2013, с. 29, 34.

10. Заболотовское I поселение. А.к., XVII–XX вв.; бывш. д. Заболотово (поч. Заболотный, д. Заболотная), с. Камское, устье ручья Заболотовка, левый берег р. Лузьянка, правого притока р. Кама.

Поселение расположено на месте бывшей д. Заболотово (исключена с учёта указом 1963 г.), в 2,5 км к ЮВ от с. Камское, в 1,3 км к ВЮВ от базы отдыха, что на правом берегу р. Лузьянки и в 1 км от её устья при впадении в водохранилище (нижнее течение этого правого притока р. Камы, впадавшего в неё у д. Усть-Речка, что близ с. Галёво, было затоплено водохранилищем). Памятник занимает оба пологих берега ручья Заболотовка, занятых залежными землями и по границам залесенными, площадью более 20000 кв. м (около 700×300–400 м). Западную часть поселения по диагонали пересекает просёлочная дорога (бывшая улица), уходящая на восток

вдоль берега. На поверхности обеих частей памятника хорошо различимы впадины от подпольев изб и хозяйственных построек. Степень разрушенности напластований значительна, особенно на западной половине, пересечённой большой промоиной (180×10–12 м) и следами земляных работ, в том числе грабительских раскопок. К западу от границы памятника близ обрыва расположена водочапка, в центре на низменном берегу – памятник погибшим землякам. Приустьевая часть ручья перегорожена бобровой плотиной, вследствие чего разлившаяся вода образовала обширное болото размером около 200×20–75 м. Благодаря Н.Ю. Новосёловой удалось познакомиться с планом деревни начала XX в., а также картой проектируемого затопления земель. В итоге мы имеем представление о масштабах уничтожения южной части д. Заболотово в 1959 г., составившего, очевидно, около трети её первоначальной площади.

Памятник впервые упомянут в числе поселений, открытых в 1953 г. отрядом КАЭ ПГУ под началом А.В. Кокарева. Отчёт об этих работах не выявлен, но в списке исследованных объектов фигурирует номер коллекции (№ 354) без указания датировки. Вероятнее всего, основная площадь поселения располагалась к югу от деревни на ныне размытой водохранилищем территории.

Сохранившаяся северная часть памятника осмотрена 3 мая 2011 г. сотрудниками КВАЭ Е.М. Черных, А.М. Вязниковым, И.Ю. Пастушенко, С.А. Перевозчиковой, С.Е. Перевощиковым, Т.Р. Сабировым. В краеведческом музее средней школы села Камского, созданного учителем истории Н.Ю. Новосёловой вместе с учениками, хранится бронзовая подвеска в виде лука и стрелы (рис. 8: 18), найденная школьниками на песчаном пляже близ устья ручья. При зачистках обрывов, образованных водохранилищем по обе стороны от ручья (высота их достигает 8–9 м), под современными напластованиями был выявлен тёмный культурный слой мощностью 0,25–0,55 м с находками фрагментов неорнаментированной лепной керамики коричневого цвета с примесью толчёной раковины в тесте. Данные артефакты относятся к древностям позднего этапа АКИО.

Кроме того, при осмотре территории бывшей деревни в разрушенном культурном слое (мощность его в жилищных западинах достигает 1,5 м), на поверхности и в шурфе

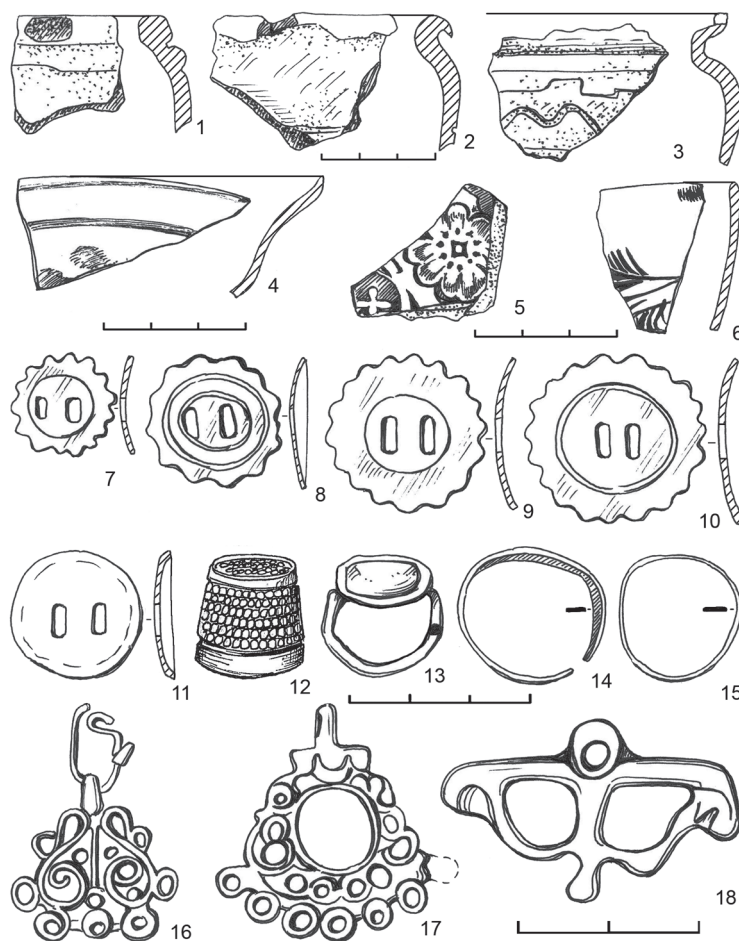

Рис. 8. Заболотовское I поселение. Подъёмный сбор:
1–6 – керамика и фаянс; 7–11 – сбруйные пуговицы;
12 – наперсток; 13–15 – перстни; 16–17 – подвески;
18 – подвеска (7–18 – цветной металл)

обнаружен многочисленный материал нового времени, укладываемый в рамки XVII–XX вв. (рис. 8: 1–17). В числе находок более ранняя (XVII–XVIII вв.) неполированная круговая керамика тёмно- и светло-серого, тёмно-коричневого и оранжевого цвета с примесью мелкозернистого песка, а также обломки поливных сосудов XIX–XX вв., сформированных из красно-коричневой глины с двусторонним покрытием глазурью бурого, коричневого, зеленоватого, бело-коричневого цветов, имеющих редкую линейно-волнистую орнаментацию по горловине или верхней части тулова. В целом посуда памятника представлена горшками и мисками с короткой или высокой горловиной, отогнутыми наружу венчиками, верх которых оформлен в виде сплошных округлых валиков или приостренных и завернутых наружу и нависающих над плечиком. Иногда венчики имели плоский срез с ложбинкой или округлый край. Найдены также фрагменты чаш и крышек. Из деревенского слоя происходят и осколки фаянсовой посуды с геометрическими и растительными узорами, выполненными голубой, коричневой и розовой краской, обычной в конце XIX – первой половине XX в.

Впервые «починок Заболотный при ключах» появляется в 1869 г. в 1 стане Оханского уезда (№ 4759), в котором было 9 дворов и 61 житель. В 1896 г. д. Заболотная состояла в приходе Благовещенского собора Воткинского завода (Православные храмы..., 2000, с. 84). На карте Генштаба 1913 г. в деревне указано 8 дворов (Лапин, 2015, с. 191). Точное возникновение населённого пункта нам неизвестно, но на карте Оханского уезда 1821 г. его ещё нет. Остаётся предполагать, что деревня до этого времени носила другое название, о чём сообщила Е.М. Черных Н.Ю. Новосёлова. Помимо упомянутой выше ананьинской подвески здесь были найдены православные крестики, монеты и другие предметы русской материальной культуры.

На государственной охране числится как Камское (Заболотовское) поселение (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. КАЭ ПГУ, № 354.

Колл. УдГУ, № 2256, 2265.

Список КАЭ ПГУ за 1953 г.; Справочник..., 1995, с. 243; Черных и др., Материалы 2011; Лапин, 2015, с. 191.

11. Заболотовское II селище. XVIII–XX вв.; бывш. д. Заболотово (поч. Заболотный, д. Заболотная), с. Камское, левый берег ручья Заболотовка, правого притока р. Кама.

Памятник располагается в 180 м к ЮВ от бывш. д. Заболотовка и Заболотовского I поселения, в 350 м к ВЮВ от устья ручья Заболотовка, в 3,5 км к ЮВ от с. Камского, в 2 км к ВЮВ от устья р. Лузьянка, правого притока р. Камы. В начале мая 2011 г. участники разведгруппы, обнаружившей и исследовавшей Заболотовское I поселение, И.Ю. Пастушенко и С.Е. Перевошиков нашли разрозненные находки русской круговой неполивной и глазурованной керамики выше по берегу Воткинского водохранилища, на песчаной отмели к востоку от сухого лога, уходящего на ССВ сквозь край обрывистого берега в лесной массив. Площадь распространения подъемного материала 90×35 м (около 3000 кв. м). Посуда датирована XVIII–XX вв. Культурные напластования селища уничтожены водохранилищем. Топосъёмка плана селища и его описание остались не выполнены.

Место хранения коллекции неизвестно.

Рублевская, [Реферат] 2009; Черных и др., Материалы 2011.

12. Заболотовское III селище. А.к.; бывш. д. Заболотово (поч. Заболотный, д. Заболотная), с. Камское, левый берег р. Лузьянка, правого притока р. Кама.

Памятник впервые упомянут в списке исследованных КАЭ ПГУ в числе поселений,

открытых в 1953 г. разведгруппой А.В. Кокарева. Однако отчёт по этой разведке в кабинете археологии ПГУ не был обнаружен. В 2011 г. разведгруппой КВАЭ на месте бывшей д. Заболотово удалось выявить поселение ананьинской культуры, сопровождавшееся многочисленными русскими находками XVII–XX вв., которое было соотнесено с памятником, найденным пермскими археологами в 1953 г. Поэтому объект был обозначен как Заболотовское I поселение (№ 10), а обнаруженное к ВЮВ ещё одно поселение, как Заболотовское II селище (№ 11).

В 2018 г. была получена копия отчёта А.В. Кокарева, из которого следовало, что поселение, выявленное более полувека назад, – совершенно другой памятник, поэтому его пришлось учесть как Заболотовское III селище. Оно расположено в 2 км к СЗ от д. Заболотово (у Кокарева – д. Заболото) на выступе террасы размером 7,0–200×60 м, возвышающемся над поймой реки того времени на высоту 7 м. Поверхность селища покрыта низкорослым сосновым лесом и слабо задернована. Преимущественно у южного склона террасы был собран подъёмный материал – фрагменты лепной керамики с ямочным орнаментом, – что позволило исследователю отнести памятник к ананьинскому времени.

Колл. КАЭ ПГУ, № 354.

Кокарев, Отчёт 1953, с. 5, рис. VI, VIII; *Список КАЭ ПГУ* за 1953 г.

13. Косачёвское I селище.

Конец XVIII – начало XX в.; бывш. д. Косачёво (Косачи), правый берег ручья Косачёвка, правого притока р. Лузьянка (нижнее течение которой ныне затоплено), правого притока р. Кама.

В 1997 г. Д.А. Салангиным проведён осмотр территории бывшего расположения д. Косачёво, на которой стали обустраивать усадьбы садово-огородного товарищества. Исследование коснулось наиболее возвышенной распаханной части коренной террасы высотой до 10 м, расположенной на подтреугольном мысу между обрывистыми берегами Воткинского водохранилища и впадающего в него ручья. С поверхности пашни собрано 15 фрагментов гончарной керамики, большей частью без примесей, покрытых снаружи и изнутри зеленой, коричневой и бурой поливой, оставшихся от разбитых горшков, крынок, кувшинов, плошек. Обнаружено и несколько обломков неполивной посуды тёмно-серого и коричневого цвета с добавками песка. Глиняные сосуды имеют невысокие шейки с отогнутыми наружу и вертикальными венчиками, имеющими округлый край, отчасти с овальными наплывами наружу, диаметром по срезу 12–19 см. Часть из них украшена линейным (2–3 линии) орнаментом по плечикам (рис. 9).

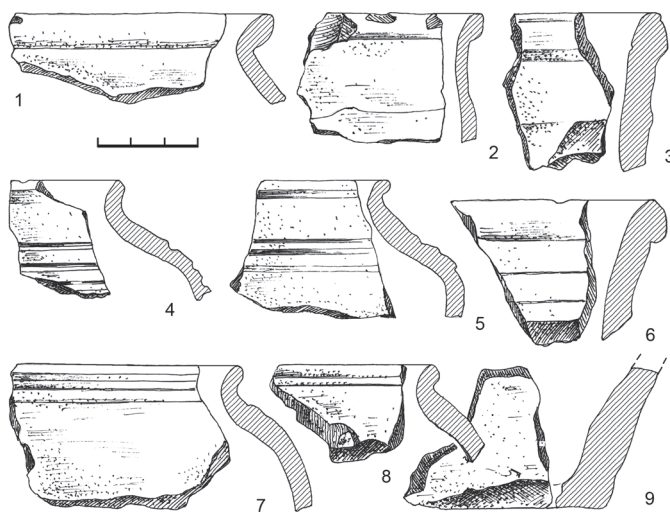

Рис. 9. Косачёвское I селище. Гончарная керамика. Сборы Д.А. Салангина (1997)

Воткинского водохранилища и впадающего в него ручья. С поверхности пашни собрано 15 фрагментов гончарной керамики, большей частью без примесей, покрытых снаружи и изнутри зеленой, коричневой и бурой поливой, оставшихся от разбитых горшков, крынок, кувшинов, плошек. Обнаружено и несколько обломков неполивной посуды тёмно-серого и коричневого цвета с добавками песка. Глиняные сосуды имеют невысокие шейки с отогнутыми наружу и вертикальными венчиками, имеющими округлый край, отчасти с овальными наплывами наружу, диаметром по срезу 12–19 см. Часть из них украшена линейным (2–3 линии) орнаментом по плечикам (рис. 9).

По переписям начала XVIII века д. Косачи упоминается в удмуртской сотне Пронки Янмурзина в числе других русских поселений, а с начала 1740-х годов – на территории, выделенной властями для русской Сивинской волости. Однако находки поливной посуды не позволяют датировать данную часть поселения временем ранее конца XVIII – начала XIX веков.

Колл. УдГУ, № 2071.

Гришкина, 1976, с. 106, 126–128; Справочник..., 1995, с. 15; Салангин, Материалы 1997; Макаров, 2013, с. 31, 34, 35; Лапин, 2015, с. 197, 199.

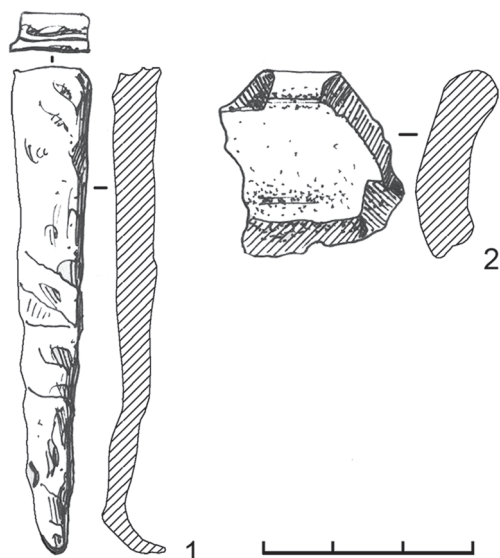

Рис. 10. Косачёвское II селище.

1 – обломок железной скобы;
2 – фрагмент глиняного сосуда.
Сборы Л.Д. Макарова (2001)

14. Косачёвское II селище. XVIII–XIX вв.; бывш. д. Косачёво (Косачи), правый берег ручья Косачёвка, правого притока ныне затопленной р. Лузьянка, правого притока р. Кама.

В 2001 г. воткинский краевед, старший мастер Воткинского участка КРС при «Удмуртнефти», Николай Яковлевич Лапин сообщил автору о поездке учащихся 6 класса школы №3 г. Воткинска под руководством учителя истории Александра Фёдоровича Петрова на берег водохранилища у бывшей д. Косачёво, где обнаружили в обрыве следы могильника (кости и крест-тельник). При содействии Н.Я. Лапина автором в этом же году проведено исследование. Памятник расположен в 60 м к югу от садово-огородных домов на месте деревни и к ВСВ от смешанного леса, у обрывистого ЮВ берега водохранилища высотой 6–8 м, в 150–200 м к ЮЗ от заливного озера в устье ручья Косачёвка и занимает предположительно площадку между двумя ложками размером

60×25–40 м с небольшим уклоном к берегу. Середина прибрежной части памятника разрушается двумя овражками. Культурный слой селища и захоронения выявлены при зачистке СВ стенки западного оврага длиной 4,5 м. Сохранившаяся площадь объекта – около 1700 кв. м. Помимо захоронений XVII–XVIII вв. (см. о них ниже, № 75) в темно-сером культурном слое мощностью 20–50 см, перекрывавшем могилы, обнаружены поселенческие находки: фрагменты круговой керамики, кости животных и обломок железной скобы (рис. 10: 1). Неполиванная керамика (6 фрагментов) темно-серого цвета, с примесью песка в тесте; единственный обломок высокой шейки горшка имел округлый венчик (рис. 10: 2). Обломок поливного сосуда оранжевого цвета покрыт коричневой глазурью изнутри. В заполнении погребения № 1 обнаружены находки, попавшие из слоя селища: железный шлак, два кусочка угля. Приведенные выше (№ 13) письменные источники подтверждаются археологическими, во всяком случае последние старше находок с Косачёвского I селища и могут датироваться в целом XVIII–XIX вв.

Колл. УдГУ, № 2356.

Гришкина, 1976, с. 106, 126–128; Справочник..., 1995, с. 15; Салангин, Материалы 1997; Макаров, Материалы 2001; 2013, с. 31, 34, 35; Лапин, 2015, с. 197, 199.

15. Кремлевское I селище. А.к.; с. Беркуты, правый берег р. Кремлевка, левого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Расположено в 1 км к западу от села, по дороге с. Беркуты – р. Сива, в 0,8 км от устья р. Кремлевка. Оно занимает невысокий раздвоенный мыс. У подошвы площадки селища бьёт ключ, ручей которого течёт в р. Кремлевку. Пойма р. Сивы, окружающая селище с ЮЗ стороны, называется у местных жителей «Ивановские поля» или «Ивановские пастбища». Площадь селища около 800 кв. м. Поверхность его поросла кустарником и лесом. Культурный слой беден, хотя и достигает 33 см. Селище открыто в 1973 г.

Т.И. Останиной. Собраны 4 фрагмента лепных горшковидных сосудов светло-коричневого цвета с растительной примесью в глиняном тесте, один из которых по шейке украшен оттиском шнура. По особенностям керамики поселение датировано ананьинским временем. В 2021 г. сотрудниками АОКН УР осуществлен мониторинг состояния памятника, показавший его удовлетворительное состояние. Тогда же С.А. Кирилловой были проведены работы по топографической съемке и определению границ территории памятника. В шурфах выявлены культурный слой мощностью 35 см и лепная керамика серо-желтого цвета, с примесью органики в тесте; на одном венчике – орнаментация, выполненная наколами палочкой.

Объект культурного наследия федерального значения «Селище «Кремлевское» III–V вв. (учетный номер в ЕГРОКН – 181640545870006; приказ МК РФ от 09.11.2016 г. №48621-р).

Колл. НМУР, № 308.

Останина, Отчёт 1973, с. 4–5; 1973, с. 166; *Памятники...*, 1979, с. 83, № 59; *Памятники...*, 1990, с. 56, № 524; *Останина*, 2004а, с. 20, 213, № 31; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 69, № 5; *Макаров*, 2013, с. 29, 33; *Хайруллина и др.*, 2022, с. 6; *Кириллов*, *Кириллова*, 2022, с. 8.

16. Кремлевское II селище. РЖВ; д. Беркуты, левый берег р. Кремлевка, левого притока р. Сивы, правого притока р. Камы.

Памятник расположен в 1,2 км к западу от центра д. Беркуты, в 1,0 км от русла р. Сивы. Древнее поселение приурочено к поверхности второй надпойменной террасы р. Сивы, возвышающейся над поймой на 9,0 м. С севера и востока терраса прорезана руслом р. Кремлевки, с запада – понижается к пойме (местное название «Ивановские поля»). В 150–200 м к северу, на правом берегу р. Кремлевки находится селище Кремлевское I. Поверхность занята сорными травами, грунтовыми дорогами, частично сосново-еловым лесом. Памятник был обнаружен в 2018 г. сотрудниками ООО «НПЦ ПрикамАрхеология». В 2022 г. территория, разрушаемая наезженными грунтовыми дорогами, многочисленными осыпями, добычей песка, обследована О.Ф. Хайруллиной. Ею заложены 3 шурфа и выполнены 5 зачисток, в которых выявлен культурный слой в виде коричневой супеси различных оттенков с мелкими включениями углей, золы мощностью 21–59 см, объекты (хозяйственная яма и канава), многочисленные археологические предметы: лепная керамика, расколотые гальки, глиняная обмазка, кальцинированные кости, каменное изделие. Керамика: шейки и стенки толщиной 3–8 мм от неорнаментированных сосудов коричневого цвета; поверхность черепков пористая, в тесте отмечается примесь мелко толченой раковины и органики. По внешним признакам близка керамике Кремлевского I селища, Степановских I городища и селищ. Площадь памятника определена предварительно – 34323 кв. м (3,4 га).

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 04.10.2022 г., №172).
Колл. НМУР, МА 8–32.

Хайруллина, Отчёт 2022; 2023, с. 17.

17. Куралихинское (Куралихское, Чучково) селище. XVII–XVIII вв.; бывш. д. Куралиха (Закураловка, Закуралово, Закуралиха, Кураликово), при ключе Безымянном, что в 2 км к З от устья р. Большая Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Первые сведения о древних находках здесь относятся к концу XIX в. (данные П.М. Сорокина, А.А. Спицына, И.А. Талицкой) и связываются с Чучким селищем, расположенным на небольшой поляне под горой близ д. Закураловка. Здесь, по рассказам, при распашке нашли какую-то «плиту», проданную проезжему купцу за 10 руб., и около

неё три медные серёжки «черемисской моды». По-видимому, именно это поселение и было открыто в 1956 г. В.А. Семёновым и датировано В.Ф. Генингом XVI–XVII вв. Оно расположено в 0,2 км к ЮЗ от деревни на склоне высокой пологой террасы (6–12 м над поймой р. Сивы). По середине площадки селища с севера на юг проходит грунтовая дорога, ведущая к тракту д. Черепановка – г. Воткинск. Восточные склоны селища повреждены оврагами. Поверхность преимущественно задернована, а на распаханной части культурный слой смыт. Площадь распространения находок около 45000 кв. м (300×200 м). На селище найдены мелкие фрагменты керамики (17 единиц) темно-серого и коричневого цвета, толщиной 6–12 мм, изготовленные на гончарном круге, их глиняное тесто сильно запесочено, черепки плотные. По «Материалам по статистике Вятской губернии» (1892 г.) первые поселенцы приехали сюда до 1757 г. из деревни Перевозинская. По оформлению венчиков и особенностям формовки посуды памятник можно датировать XVII–XVIII вв. и связывать с русскими поселенцами.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. №121). Колл. НМУР, №133.

Сорокин, 1890, № 97; *Материалы...*, 1892, с. 69; *Спицын*, 1893, с. 126; *Талицкая*, 1952, с. 88, № 658; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 6–7; *Генинг*, 1958, с. 184, № 345; *Памятники...*, 1979, с. 83, № 60; *Памятники...*, 1990, с. 56, № 525; *Останина*, 2004а, с. 95–96, 220, № 289; *Макаров*, 2013, с. 34.

18. Неумоинское селище. РЖВ, XVIII–XIX вв.; с. Камское (бывшая д. Неумоина / Неумойная), при впадении двух небольших речек (Малиновки, текущей с запада, и руч. Белого – с ССВ) в р. Лузьянка, правого притока р. Кама.

В 1997 г. разведгруппа КВАЭ под руководством Д.А. Салангина провела исследование у бывшей д. Неумоина (впервые упомянута как новопоселённая в III ревизии, 1762 г.), переименованной по указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 19.09.1939 г. в д. Камская (с. Камское). Сбор материала осуществлен в южной части современного села, которое по традиции называется местным населением по-старому – Неумоина. К тому же, на одной из дореволюционных карт (Карта Генштаба 1913 г.) деревня отмечена лишь на правом берегу Лузьянки (Лапин Н.А., 2015, с. 191). К сожалению, план поселения не был снят, не составлено и описание, поэтому автором использована лишь устная информация Д.А. Салангина 2016 г. С поверхности поднято 3 мелких неорнаментированных фрагмента лепной керамики серо-коричневого цвета с примесью растительности и раковины в тесте, отнесенных к раннему железному веку. Найдены также обломки русской круговой посуды (12 фрагментов) коричневого и темно-серого цвета с примесью песка в тесте (рис. 11), один из вертикальных венчиков имел округлый край с треугольным наплывом наружу. Внутренняя поверхность другого фрагмента покрыта бурой поливой. Два обломка дниц имели на дне песчаную подсыпку. Датировка последней группы керамики соответствует времени существования населенного пункта – XVIII–XIX вв.

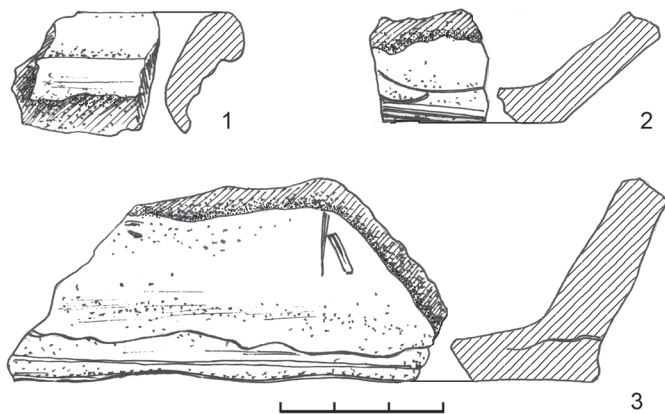

Рис. 11. Неумоинское селище. Фрагменты круговой посуды. Сборы Д.А. Салангина (1997)

также обломки русской круговой посуды (12 фрагментов) коричневого и темно-серого цвета с примесью песка в тесте (рис. 11), один из вертикальных венчиков имел округлый край с треугольным наплывом наружу. Внутренняя поверхность другого фрагмента покрыта бурой поливой. Два обломка дниц имели на дне песчаную подсыпку. Датировка последней группы керамики соответствует времени существования населенного пункта – XVIII–XIX вв.

Колл. УдГУ, № 2070.

Справочник..., 1995, с. 237–238; *Салангин*, Материалы 1997; *Макаров*, 2013, с. 31–34; *Лапин*, 2015, с. 191; *Пислегин*, 2016, с. 77–78.

19. Нивское поселение. М. тип, III–V вв., XVIII–XIX вв.; выс. Нива, правый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Памятник расположен в 1,2 км к ЮВ от выселка Нива, в 1,2 км к северу от устья р. Перевозная, между летним лагерем крупного рогатого скота и обрывистым поворотом берега реки. Он был выявлен в 1997 г. разведгруппой КВАЭ под руководством Д.А. Салангина. При осмотре обнажения берега высотой 5 м обнаружены фрагменты двух венчиков лепных неорнаментированных сосудов светло-серого цвета с примесью раковины, растительности и шамота в тесте (рис. 12: 1, 2). Находки принадлежали чашевидным сосудам с вертикальными стенками, слегка отогнутыми наружу и сужающимися к уплощенному и округлому венчику.

К этому же комплексу относится, вероятно, фрагмент кости животного со следами обработки (рис. 12: 3). Судя по всему, эта группа находок оставлена обитателями селища, некрополем которых был известный Нивский могильник мазунинского этапа чегандинской культуры III–V вв. н.э., расположенный в 1 км к ЮЗ от памятника. Под обрывом же найден обломок придонной части горшка коричневого цвета, изготовленного на гончарном круге из глины с примесью мелкого песка, при этом на дне сохранилась крупнозернистая песчаная подсыпка (рис. 12: 4). Находка предположительно датируется XVII–XIX вв. и связана с русским населением выселка Нива. Для описания поселения автор использовал устную информацию Д.А. Салангина 2016 г.

Колл. УдГУ, № 2096.

Салангин, Материалы 1997.

20. Паздеровское селище. А.к., IV–III вв. до н.э., XVII–XX вв.; бывш. д. Паздеры, правый берег р. Кама.

Памятник расположен в пойме р. Камы на территории деревни, с СЗ и запада окаймлен холмами, поросшими лесом. Юго-западная часть селища примыкает к Каме, на берегу которой находилась пристань «Паздеры». Поверхность ровная, была занята домами и огородами. Памятник впервые исследован в 1972 г. Т.И. Останиной. Площадь селища XVII–XX вв. 450 тыс. кв. м. Здесь было найдено более 10 фрагментов гончарной керамики темно-серого и красного цвета с примесью песка в глиняном тесте. При рытье котлована для овощного склада в 1972 г. обнаружено несколько фрагментов лепной керамики серого и темно-серого цвета (один из них украшен ямочно-шнуровым орнаментом), с примесью органики и битой ракушки, что характерно для памятников позднеананьинского времени, а также кусок шлака и каменный шарик (для пращи?). В 2007 году памятник исследован разведгруппой КВАЭ УдГУ под руководством Т.А. Цыгвинцевой. В ходе натурного обследования участка, отводимого ООО «АСПЭК-Речфлот» под выгрузку

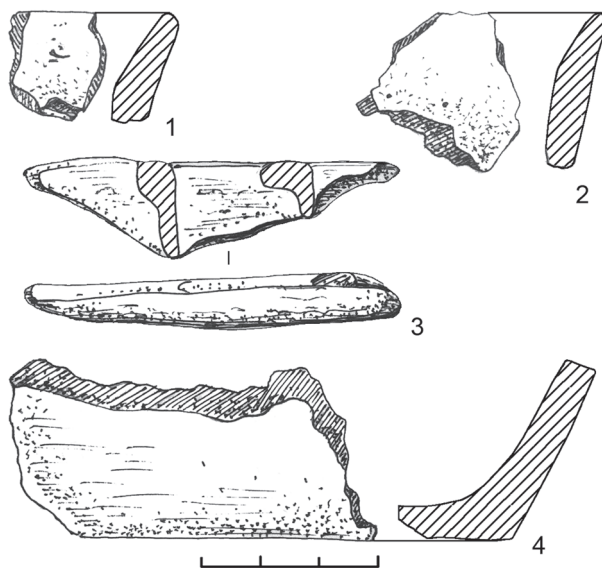

Рис. 12. Нивское поселение. Керамика лепная (1, 2) и гончарная (4), кость животного со следами обработки (3). Сборы Д.А. Салангина (1997)

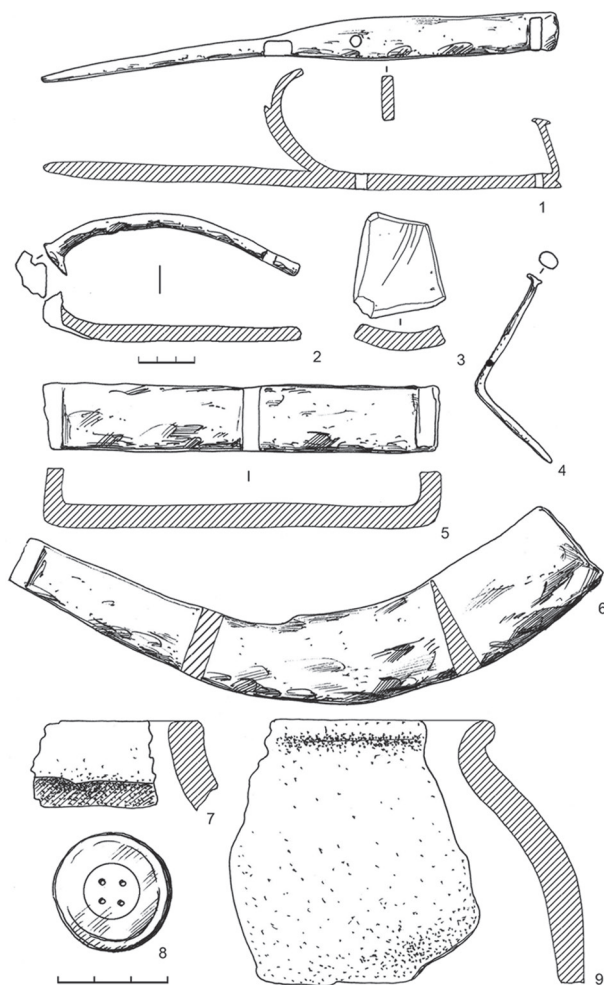

Рис. 13. Паздrevское селище. Инвентарь:
1, 2, 4–6 – железные предметы; 3 – стекло;
7, 9 – керамика; 8 – пластмассовая пуговица

2012, с. 69, № 4; Макаров, 2013, с. 29, 33, 34; Перевозчикова, 2013, с. 3; Черных, Перевозчикова, 2013, с. 65, 82–83, № 4.

21. Пихтовское селище²⁰. М. тип, III–V вв.?.; пос. Пихтовка (бывш. д. Тараканово, Средняя Кивара), низовья р. Большая Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Памятник обнаружен близ пос. Пихтовка в 1985 г. Ю.Г. Васильевой. На распахиваемой поверхности найдено 15 стенок лепной неорнаментированной керамики серо-коричневого цвета с примесью песка, раковины и растительности в тесте, толщиной 3–5 мм. Материал условно отнесен к мазунинскому этапу чегандинской культуры III–V вв. План и описание памятника, к сожалению, не были составлены.

Колл. УдГУ, № 1512.

Васильева, Материалы 1985.

22. Пламя I, поселение. А.к., IV–III вв. до н.э.; п/л «Пламя», с. Степаново, правый берег р. Кама.

Обнаружено разведгруппой КВАЭ при участии автора в 1989 г. Расположено в 3 км

нерудных материалов, выяснилось, что он нарушает южную часть русского селища. В результате границы памятника были значительно расширены на запад с добавлением к ранее зафиксированной площади территории размером 300×150 м (около 40000 кв. м). С поверхности были собраны следующие предметы (рис. 13): 15 фрагментов круговой керамики (горшки и крынки) тёмно-серого, серо-коричневого и чёрного цвета с примесью песка, изредка – сухой глины и органики, а также кости домашних животных, 5 железных вещей (багор, гвоздь тянутый, дрот, пластина, обломок косы-горбуши), черная пластмассовая пуговица с 4 отверстиями, осколок патинизированного стекла, кусок глиняной обмазки без примесей. Верхняя дата селища включает в себя и XX в.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. НМУР, № 295.

Колл. УдГУ, № 2187.

Останина, Отчёт 1972, с. 5–6;

Памятники..., 1979, с. 83, № 61;

Памятники..., 1990, с. 56, № 526;

Останина, 2004а, с. 23–24, 96, 213, 220,

№ 42; Цыгвинцева, Отчёт 2007, с. 26–29,

рис. 2, 5, 37–57; Останина, Широбокова,

²⁰ Местоположение памятника на карте указано предположительно.

к ЮЗ от села на размываемой террасе Воткинского водохранилища, в 0,7 км к ЮЮВ от пионерского лагеря «Пламя». Поселение с восточной стороны ограничено обрывом высотой 2–3,5 м. На площади 1920 кв. м собрано 20 фрагментов лепной керамики серого и светло-коричневого цвета с примесью раковины и шамота, орнаментированных горизонтальными оттисками шнура, ямками, присущими позднеананьинским традициям (IV–III вв. до н.э.).

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г., № 121).
Колл. УдГУ, № 1831.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 15–16; *Макаров, Широбокова*, 1991, с. 64; *Макаров*, 2013, с. 31, 33.

23. Пламя II, поселение. А.к., IV–III вв. до н.э.; п/л «Пламя», с. Степаново, правый берег р. Кама.

Найдено разведкой КВАЭ в 1989 г. при содействии автора. Расположено в 2,9 км от села, в 0,58 км к ЮЮВ от пионерского лагеря «Пламя» на размываемой террасе Воткинского водохранилища. С северной стороны площадка памятника ограничена заболоченным озером. На площади 1200 кв. м найдено 7 фрагментов лепной керамики серого и коричневого цвета с примесью песка и шамота, украшенных насечками, горизонтальными оттисками шнура. Находки относятся к позднеананьинскому времени (IV–III вв. до н.э.).

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. УдГУ, № 1832.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 16; *Макаров, Широбокова*, 1991, с. 64; *Макаров*, 2013, с. 31, 33.

24. Пламя III, поселение. А.к., IV–III вв. до н.э.; п/л «Пламя», с. Степаново, правый берег р. Кама.

Выявлено в 1989 г. разведкой КВАЭ с участием автора. Расположено в 0,28 км от села, в 0,3 км к ЮВ от пионерского лагеря «Пламя» на размываемой террасе Воткинского водохранилища. На площади 720 кв. м найдено 12 фрагментов лепной керамики серого и светло-коричневого цвета с примесью раковины и шамота, орнаментированных горизонтальными оттисками шнура. Выявленный материал датируется позднеананьинским периодом (IV–III вв. до н.э.).

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. УдГУ, № 1833.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 16–17; *Макаров, Широбокова*, 1991, с. 64; *Макаров*, 2013, с. 31, 33.

25. Сивинское I поселение. РЖВ (?), XVIII–XIX вв.; бывш. д. Патраково, правый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

В 1997 г. разведгруппа КВАЭ под руководством Д.А. Салангина при обследовании нижнего течения р. Сивы в слабозаселенной низменной местности, в 4 км от моста через реку на тракте г. Воткинск – г. Чайковский, обнаружила на правом берегу Сивы следы поселения. Берега реки здесь задернованы, местами залесены или поросли кустарником. По правому берегу вдоль реки на север идет полевая дорога, ведущая к мосту. По пути к нему, в 1,5 км от памятника, в Сиву впадает правый приток – р. Перевозная; в 1 км к западу проходит ЛЭП, трасса которой делает у реки резкий поворот на ЮВ; в 1,5 км к ЗЮЗ от поселения находилась д. Патраково, ликвидированная в 1977 г., расстояние до Камы по прямой на восток через леса и болота составляет

около 5 км, а до ближайшего населённого пункта – с. Перевозное, расположенного к ЗСЗ от памятника, – 4,5 км.

На одном из изгибов реки, между ложбиной (80×20×2,5 м) и поворотом реки на юг, на полосе отмели длиной 35 м и в обрыве выявлены 2 мелких фрагмента лепной керамики светло-коричневого цвета с примесью толчёной раковины в тесте, кусок бронзового шлака, кремнёвый отщеп и галька со следами обработки, условно отнесённые к раннему железному веку. Там же были подняты: фрагмент придонной части кругового сосуда темно-коричневого цвета с примесью песка в тесте и кость размером 6,5×1,5×0,5 см со следами использования, которые датируются приблизительно XVIII–XIX вв. Разведчиками произведена зачистка обнажения длиной около 2 м, под слоем дёрна зафиксирован незначительной толщины (до 5–10 см) гумусированный слой с находкой лепной керамики.

Колл. УдГУ, № 2096.

Справочник..., 1996, с. 247; *Салангин*, Материалы 1997.

26. Сивинское II поселение. А.к., VII–VI вв. до н.э., конец XVI – середина XVII в.; бывш. дд. Сива (Сивенская) и Паздеры (Паздеринская), с. Перевозное, левый берег устья р. Сива, правого притока р. Кама.

Обнаружено в 1997 г. разведгруппой Д.А. Салангина на левом берегу приустьевой части р. Сивы, что в 6 км к югу от с. Перевозного, в 3 км к ЮЮВ от бывшей д. Паздеры, на месте существовавшей здесь, очевидно до середины XVII в., д. Сива. Поверхность мыса, образованного устьем Сивы и Камой, задернована и используется под сенокосы; берега обрывистые, высотой до 5 м. Под обрывом найдено два фрагмента лепной керамики с примесью толчёной раковины в тесте от сосудов с вертикальными венчиками, имеющих утолщения (валики) по шейке и орнаментированных многорядным шнуром, что присуще раннеананьинскому керамическому комплексу. Здесь же обнаружены обломки русской неполивной круговой посуды серого и коричневого цвета с примесью песка в тесте от горшковидных сосудов с короткими шейками и венчиками различной конфигурации, переходящими в сильно выпуклые тулова. Судя по особенностям данной керамики, именно на этом месте в конце XVI – середине XVII в., как считает краевед Н.Я. Лапин, располагалось одно из старейших русских поселений Сарапульского уезда – «деревня Сива, Сивенская то ж», впервые зафиксированная в 1596 г. и исчезнувшая со страниц переписей после упоминания в последний раз в 1654 г. в результате разорительного набега башкир, состоявшегося, очевидно, в 1662–1663 гг. К сожалению, снять план и сделать описание памятника разведчикам не удалось, местонахождение коллекции неизвестно. Информация получена автором в 2016 г. от руководителя разведгруппы Д.А. Салангина.

Салангин, устная информация за 1997 г.; *Лапин*, 2015, с. 190–198.

27. Сидоровское селище²¹. ?; бывш. д. Сидоровка, р. Сидоровка, правый приток р. Сива, правого притока р. Кама.

По сведениям П.М. Сорокина, приведённым и А.А. Спицыным, отдельные археологические находки были сделаны у д. Сидоровка, что в среднем течении реки, по-видимому, на упомянутом Чучковом селище. Судя по всему, в случае успешного поиска возможно повторное открытие этого памятника.

Сорокин, 1890, № 97; *Спицын*, 1893, с. 126; *Справочник...*, 1995, с. 247.

²¹ Местонахождение памятника на карте показано предположительно.

28. Сидоровы Горы (Сидоровогорское), селище. А.к., IV–III в. до н.э., XVII–XIX в.; д. Сидоровы Горы, правый берег р. Кама.

Памятник открыт в 1972 г. Т.И. Останиной. Расположен на высоком мысу подпрямоугольной формы, выходящем стрелкой на р. Каму, на территории деревни. С ЮЗ и СЗ по дну оврагов, окаймляющих мыс, бегут ручьи, впадающие в Каму. В северо-восточной части площадки мыса на огородах ул. Колхозной было найдено незначительное количество лепной керамики серого цвета с примесью раковины и растительности со шнуровым орнаментом. Площадь распространения этой керамики 875 кв. м. На территории всей деревни найдено 28 предметов: большое количество обломков неполивной керамики (горшков, корчаг) с песком в глиняном тесте, сделанной на гончарном круге, печного обжига, коричневого и черного цвета со следами нагара, украшенной рядами желобков. Обнаружены также грузило от рыболовной сети, куски шлака. Площадь русского селища 17 тыс. кв. м. В 2007 г. объект обследован разведочным отрядом КВАЭ под руководством Т.А. Цыгвинцевой. В 2008 г. выпускник исторического факультета УдГУ А.Г. Логов передал фрагмент поливной керамики, найденный им в деревне. Это оказался обломок горшка с короткой шейкой и отогнутым наружу приотстрённым венчиком толщиной 6 мм с примесью песка в тесте, покрытый двусторонней тёмно-коричневой поливой, украшенный по верхней части тулова двумя прочерченными линиями. Предмет относится к XIX в.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. НМУР, № 296.

Колл. УдГУ, № 2347.

Останина, Отчёт 1972, с. 5; *Памятники...*, 1979, с. 83, № 62; *Памятники...*, 1990, с. 56, № 527; *Останина*, 2004а, с. 24, 213, № 43; *Цыгвинцева*, Отчёт 2007, с. 9; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 69, № 3; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Перевозчикова*, 2013, с. 3; *Черных*, *Перевозчикова*, 2013, с. 65, 83, № 6.

29. Степановское I поселение. А.к., IV–III вв. до н.э., XVII–XVIII вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Расположено в 0,15 км к востоку от северной оконечности села на террасе коренного берега Воткинского водохранилища. Площадь поселения 6400 кв. м (160×50 м) разрушается водохранилищем. Поселение открыто в 1989 г. разведочной группой КВАЭ под руководством И.С. Широбоковой при участии автора. В 1997 г. памятник обследован Д.А. Салангиным. Обнаружена керамика (рис. 14): 34 фрагмента ананьинской лепной слабопрофилированной посуды с плоскими венчиками, изредка отогнутыми наружу. Изделия коричневого цвета различных оттенков с примесью шамота и орнаментацией в виде круглых ямок и полулунных вдавлений. Найдено также более двух десятков обломков русских гончарных сосудов темно-коричневого и темно-серого цвета, которые содержат примесь песка. Преобладают

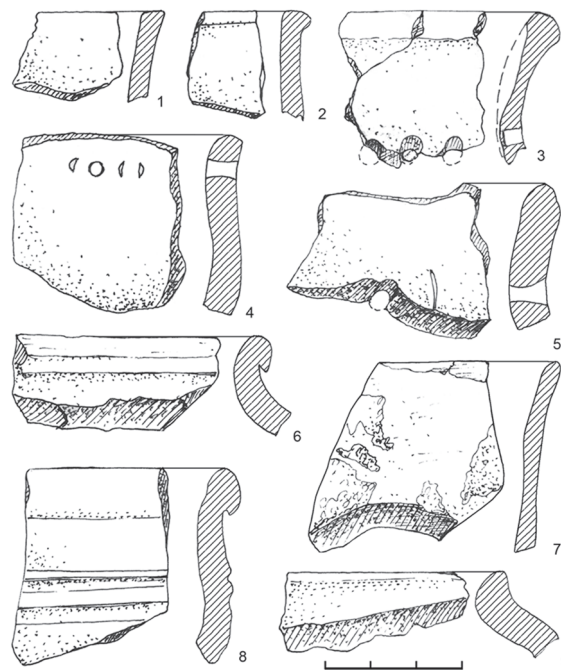

Рис. 14. Степановское I поселение.
Керамика лепная (1–5) и гончарная (6–9).
Сборы И.С. Широбоковой (1989)
и Д.А. Салангина (1997)

изделия с короткими вертикальными венчиками, имеющими округлые края с наружными наплывами. Один чашевидный сосуд диаметром по венчику 21 см имеет по тулову орнаментацию в виде каннелюр и покрыт чёрной поливой с серебристым отливом. Судя по всему, поздний комплекс датируется XVII–XVIII вв., что не исключает и более поздних находок. Впервые русская деревня Степаново, населённая монастырскими крестьянами, упоминается в 1646 г.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. УдГУ, № 1812, 2016.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 4; *Макаров, Широбокова*, 1991, с. 64; *Салангин*, Материалы 1997; *Макаров*, 2013, с. 31, 33, 34; *Латин*, 2015, с. 194.

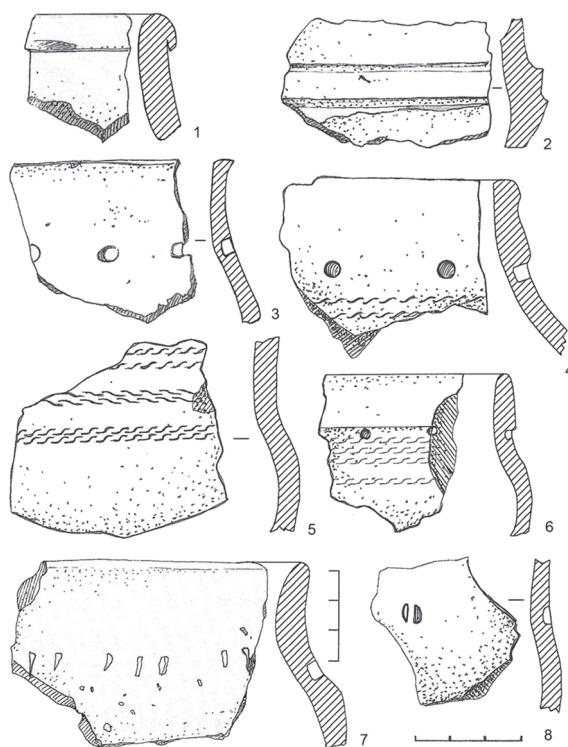

Рис. 15. Степановское II поселение. Керамика гончарная (1, 2) и лепная (3–8). Сборы И.С. Широбоковой и Л.Д. Макарова (1989)

по плечу. Датируется этот материал XVII–XVIII вв.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. УдГУ, № 1813.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 4–5; *Макаров, Широбокова*, 1991, с. 64; *Макаров*, 2013, с. 31, 33, 34.

31. Степановское III поселение. А.к., IV–III вв. до н.э.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Расположено в 0,12 км к востоку от средней части села, в 0,08 км к югу от Степановского II поселения на террасе коренного берега Воткинского водохранилища. Площадка поселения 160×40 м (6400 кв. м) интенсивно разрушается водами водохранилища. Поселение открыто в 1989 г. разведгруппой КВАЭ (И.С. Широбокова, Л.Д. Макаров). Обнаружен следующий материал (рис. 16): 58 фрагментов лепной посуды чашевидной и горшковидной формы, от светло-коричневого до черного цвета,

30. Степановское II поселение. А.к., IV–III вв. до н.э., XVII–XVIII вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Расположено в 0,16 км к востоку от средней части села и в 0,15 км к югу от Степановского I поселения, на террасе коренного берега Воткинского водохранилища. Площадка памятника около 19200 кв. м (240×80 м) разрушается водами водохранилища. Памятник открыт разведочной группой КВАЭ под началом И.С. Широбоковой при участии автора в 1989 году. Обнаружен разновременный керамический комплекс (рис. 15): около 100 фрагментов лепных сосудов коричневого цвета с примесью растительности и шамота, украшенных ямками, оттисками шнура, парными насечками, отпечатком следа парнокопытного, венчиками с «воротничком». Обломки русских гончарных сосудов (4 экз.) содержат примесь песка, цвет фрагментов коричневый, единственный венчик имеет округлый край, завернутый наружу, один из горшков украшен каннелюрами

с примесью шамота, украшенной ямками (5 фрагментов), венчики сосудов округлые и плоские (10 единиц), найден также фрагмент бронзовой пластины (3,1×1,7 см). Памятник существовал в позднеананьинское время. Найден фрагмент венчика поливного горшка, верх которого приострѐн, с наплывом наружу, переход к тулову идёт через ступеньку. Изнутри полива салатного цвета, снаружи – тёмно-зелёная, что характерно для посуды XIX–XX вв.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. УдГУ, № 1814.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 4–5; *Макаров*, *Широбокова*, 1991, с. 64; *Макаров*, 2013, с. 31, 33.

32. Степановское IV поселение. А.к., IV–III вв. до н.э., XIX–XX вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Расположено в 0,14 км к ВЮВ от южного конца села, в 0,21 км к югу от Степановского III поселения на террасе коренного берега Воткинского водохранилища. Среднюю часть памятника пересекает труба водозабора. Площадка поселения размером 160×40 м (6400 кв. м) интенсивно разрушается водами водохранилища. Поселение обнаружено в 1989 г. разведгруппой КВАЭ. На размываемой части памятника найдено 26 фрагментов лепной керамики коричневого цвета различных оттенков с примесью шамота и раковины, происходящих от чашевидных сосудов с округлым дном, имеющих, судя по 4 выявленным венчикам, округлые или плоские края (рис. 17: 1–4). На одной из стенок сохранилась круглая ямка (рис. 17: 5). Обнаружен также обоюдоострый клинок ромбовидного сечения, длиной 143 мм, шириной 8–22 мм, толщиной до 3 мм с короткой (около 25 мм) рукояткой прямоугольного сечения (6×2 мм) – очевидно, миниатюрный кинжал (рис. 17: 7). Описанные материалы поселения относятся к позднему этапу ананьинской культуры (IV–III вв. до н.э.). К русскому комплексу принадлежит фрагмент придонной части кругового горшка песочного цвета с зеленоватой поливой изнутри (рис. 17: 6), какие изготавливались в XIX–XX вв.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. УдГУ, № 1815.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 6; *Макаров*, *Широбокова*, 1991, с. 64; *Макаров*, 2013, с. 31, 33.

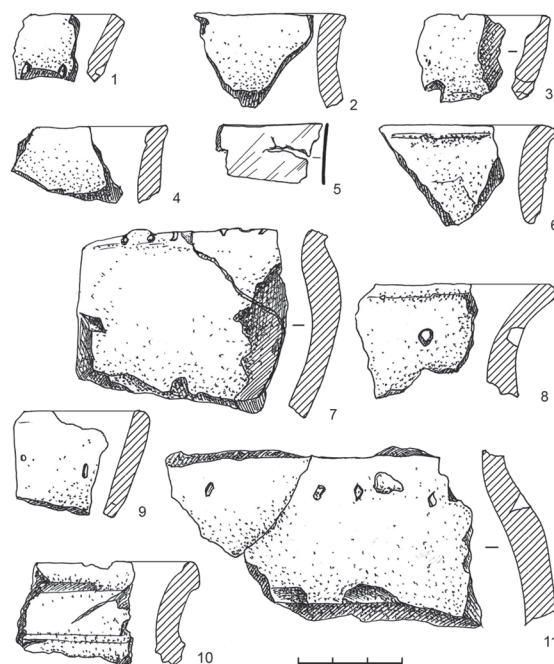

Рис. 16. Степановское III поселение. Сборы И.С. Широбоковой и Л.Д. Макарова (1989): 1–4, 6–9, 11 – фрагменты лепной керамики; 5 – бронзовая пластина; 10 – венчик горшка с зеленой поливой

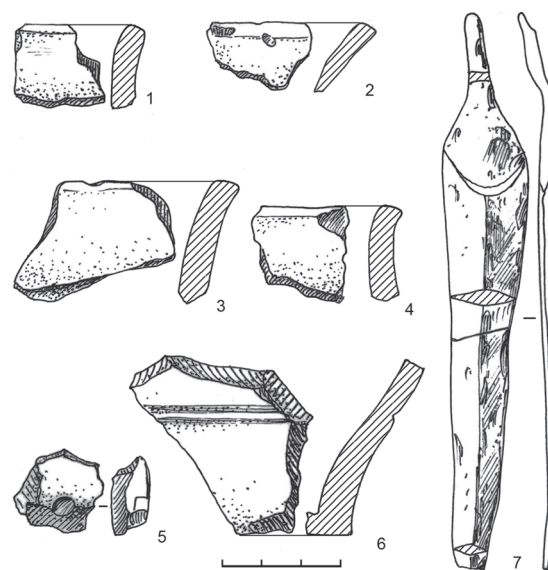

Рис. 17. Степановское IV поселение. Сборы И.С. Широбоковой и Л.Д. Макарова (1989): 1–5 – лепная керамика; 6 – донце гончарного сосуда; 7 – железный клинок (?)

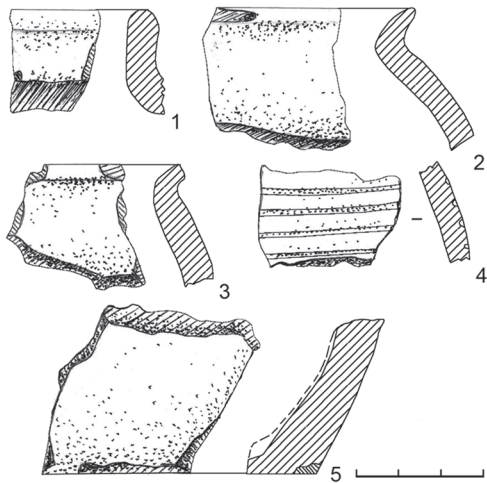

Рис. 18. Степановское V поселение.
Керамика из сборов И.С. Широбоковой
и Л.Д. Макарова (1989)

33. Степановское V поселение. А.к., IV–III вв. до н.э., XVII–XVIII вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Расположено в 0,24 км к ЮВ от южной оконечности села, в 0,05 км к югу от Степановского IV поселения на террасе коренного берега Воткинского водохранилища. Площадка поселения размером 110×30 м (около 3300 кв. м) интенсивно разрушается водами водохранилища. Поселение открыто разведгруппой КВАЭ в 1989 году. Обнаружены фрагменты неорнаментированной лепной керамики светло-коричневого и серого цвета (16 стенок) с примесью растительности и шамота в тесте позднеананьинского облика (рис. 18: 1–3). Найдены также обломки гончарной керамики (12 стенок, 1 днище, 3 венчика) с примесью песка

от неполивных сосудов серого и коричневого цвета с короткими слабо выраженными шейками и округлыми венчиками (рис. 18: 4, 5), относящиеся к XVII–XVIII вв. На одной из стенок есть линейный орнамент (в 4 линии).

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 1816.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 6–7; *Макаров, Широбокова*, 1991, с. 64; *Макаров*, 2013, с. 31, 33, 34.

34. Степановское VI поселение²². IV–III вв. до н.э., М. тип, XVII–XVIII вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

В 1978 году автор обнаружил два скопления находок на песчаной отмели, объединенных им в Степановское I поселение: первое располагалось в 350 м от южной окраины села (350 кв. м), второе – в 35 м к ЮВ от первого (1600 кв. м). На площадке второго скопления был заложен шурф, в котором зафиксирован культурный слой темно-серой супеси с находками мощностью 3–8 см. С поверхности скоплений собрано более 80 фрагментов лепной чашевидной керамики серого цвета с примесями в тесте растительности и толченой раковины (7 венчиков, 1 днище, более 70 стенок). Орнамент представлен сквозными отверстиями и шнуровым овально-кольцевым узором диаметром колец 8–10 мм. Найдены также обломки двух тиглей и железные вещи: черешковый наконечник стрелы с ланцетовидной формой пера шириной 2,5 см, длиной 15 см, и обломок серпа длиной 19,5 см, шириной лезвия 2,0–2,2 см с насечками. В 50 м к югу от предыдущего поселения выявлено еще два скопления находок, обозначенные автором как Степановское II поселение: северное, площадью 250 кв. м, и, в 35 м от него к югу, – южное в 600 кв. м. На первом заложен шурф, имевший следующую стратиграфию: под слоем песчаного наноса (4 см) отложилась темно-серая супесь, но без находок (20 см), подстилающий слой – темно-коричневый песок. На южном скоплении, судя по шурфу,

²² Первая информация о размытых Воткинским водохранилищем поселениях к югу от с. Степаново поступила от ижевского школьника Андрея Шуклина в 1978 г. Обследование автора позволило выделить здесь цепочку из 8 скоплений находок, которые были условно объединены в 6 поселений раннего железного века (на одном из них выявлены остатки стоянки каменного века, а на другом – поздняя русская керамика). Памятники были предварительно пронумерованы (I–IV поселения), но после дополнительных изысканий 1989 г. нумерация была изменена (VI–X поселения).

культурный слой был размыт. Подъемный материал представлен лепной керамикой серого цвета, кальцинированными костями и бусами (рис. 19: 1–10). Керамика (более 30 фрагментов, в т. ч. 6 венчиков) с примесями растительности, отчасти песка в тесте. Один из фрагментов украшен сквозным отверстием и рядом слегка наклонных клиновидных насечек. Бусы (целая, два обломка, лепешка) круглые, со сквозными отверстиями, изготовлены из глухого стекла синего, голубого и бело-фиолетового цвета, диаметров 5–7 мм (рис. 19: 9). Судя по всему, собранный материал относится к позднепьяноборскому (мазунинскому) времени.

В 1989 г. разведочная группа КВАЭ провела повторное исследование отмелей. На месте 4 скоплений материала (I и II поселения сборов 1978 г.) обнаружилась следующая ситуация. В 0,45 км к ЮЮВ от села, в 0,12 км к югу от Степановского V поселения выявлена площадка уже единого Степановского VI поселения размером 140×60 м (8400 кв. м), на которой без видимых пробелов собран подъемный материал – лепная и круговая керамика. Лепная керамика (14 венчиков, 34 стенки, кусок обмазки) содержала в тесте примеси раковины или шамота, при этом абсолютно преобладали слабопрофилированные сосуды с округлыми и плоскими венчиками, два из которых в 12 мм ниже среза имели круглые сквозные отверстия. Круговая посуда (4 венчика, 2 днища, 3 стенки с линейным узором и каннелюрами по тулову) имела цвет, варьирующий от серого до черного; в примесях она содержала раковину в сочетании с песком; преобладали изделия с короткими шейками, плавно переходящими в низкое плечико, венчики округлые, отогнутые наружу (рис. 19: 11–16). По всем признакам это русская керамика XVII–XVIII вв. В 1997 г. исследование памятника провел Д.А. Салангин.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 800, 804, 1827, 2063.

Макаров, Материалы 1978; Широбокова, Отчёт 1989, с. 7; Макаров, Широбокова, 1991, с. 64–65; Салангин, Материалы 1997; Макаров, 2013, с. 30, 31, 33, 34.

35. Степановское VII поселение. А.к., IV–III вв. до н.э.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Памятник, обозначенный Л.Д. Макаровым как Степановское III селище, обнаружен в 1978 г. в 0,68 км к ЮЮВ от села на песчаной отмели, полуостровом вдающейся в водохранилище, в 40 м к востоку от обрывистого залесенного края берега, не заливаемого водой, в 100 м к югу от Степановского II селища. Площадь распространения находок 70×60 кв. м (4000 кв. м), шурфовка показала полную размытость культурного слоя. С поверхности собрано около 80 фрагментов лепной керамики (в т. ч. 8 венчиков с плоскими и округлыми срезами) светло- и темно-

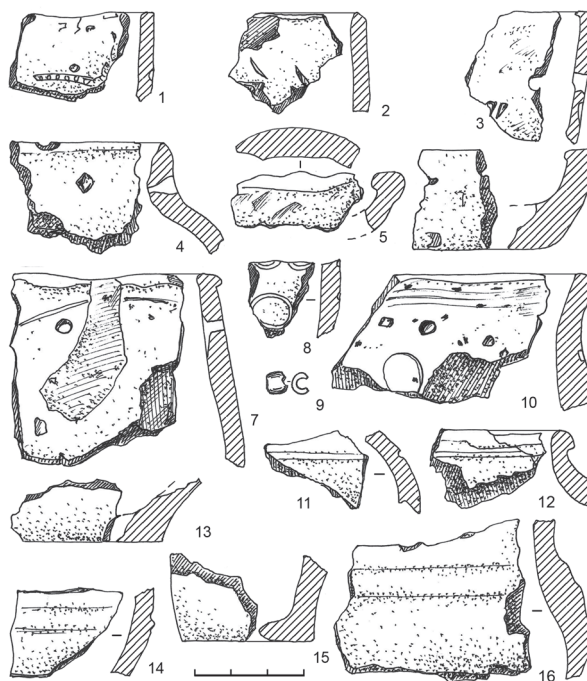

Рис. 19. Степановское VI поселение. Находки из сборов Л.Д. Макарова (1978), И.С. Широбоковой и Л.Д. Макарова (1989): 1–8, 10 – лепная керамика; 9 – стеклянная бусина; 11–16 – гончарная керамика

коричневого цвета с растительной примесью в тесте, частью орнаментированных по шейке сквозными отверстиями, а также парными ямками в виде отпечатков следов парнокопытного и насечками, расположенными горизонтальными рядами.

Обследование в 1989 г. показало заметные перемены береговой полосы на месте расположения памятника и границ обнаружения подъемного материала (в 650 м к ЮЮВ от села). Последние сдвинулись к залесенному краю берега, площадь составила 115×20 м (2300 кв. м), на ней собраны обломки лепной керамики (16 венчиков, 34 стенки), фрагмент тигля. В примесях к тесту сосудов имеется раковина, а в нескольких случаях – шамот, на отдельных экземплярах имеется орнаментация круглыми ямками, в т.ч. сквозными и частью расположенными в виде треугольника. Памятник датируется позднеананьинским временем.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 805, 1818.

Макаров, Материалы 1978; Широбокова, Отчёт 1989, с. 8; Макаров, Широбокова, 1991, с. 64; Макаров, 2013, с. 30, 31, 33.

36. Степановское VIII поселение. А.к., Ч.к.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

В 1978 году автором в 0,82 км к ЮЮВ от села, в 75 м к ЮЮЗ от Степановского III селища на песчаной отмели между обрывистым берегом и урезом воды обнаружено селище, обозначенное Степановским IV. На площади 40×25 м (около 800 кв. м) собраны 4 куса обмазки и около 30 фрагментов лепной керамики светло-серого и светло-коричневого цвета с растительной примесью в тесте от чашевидных сосудов со слегка отогнутой или прямой шейкой. На одном из фрагментов шеек имеется «воротничок». Орнаментация: многорядовый шнур, шнур с ямкой, сквозное отверстие. На кусках обмазки отпечатались следы тонких прутьев. Памятник был отнесен к древностям ананьинского круга.

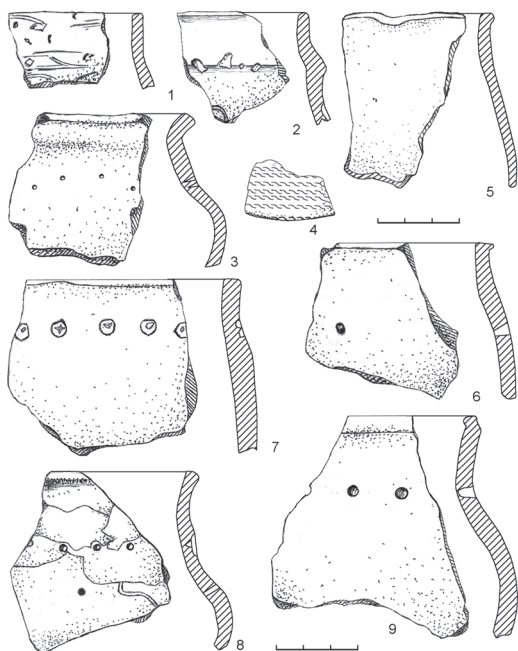

Рис. 20. Степановское VIII поселение. Фрагменты керамики. Сборы Л.Д. Макарова (1978), И.С. Широбоковой и Л.Д. Макарова (1989)

В 35 м южнее Степановского IV селища (0,88 км к ЮЮВ от села) располагалось одноименное V селище, растянувшееся на отмели на 145 м к югу при ширине 15–35 м (3000 кв. м). В южной части памятника обнаружены три бронзовых предмета и скребок на галечном сколе размером 2,9×2,4 см со слегка скругленным лезвием, обработанным полукруглой ретушью. Бронзовые изделия среднего этапа чегандинской культуры: уникальная круглая, чуть выпуклая, накладка диаметром 3,2 см, украшенная на лицевой стороне 18-лучевой звездой и ободком по периметру из витой проволоки, и имеющая ушко с остатками кожи на обороте; два фрагмента ажурных накладок, представляющие собой припаянные к общей прямоугольной основе две спирали в два оборота диаметром 7 мм каждая, аналогичные находкам из Тарасовского могильника I в. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, с. 62, рис. 8–14, два экземпляра внизу справа). Преобладающая часть находок составляет кальцинированные кости и обломки лепной

керамики светло-коричневого, темно-серого цвета с примесью растительности в тесте – более 60 фрагментов сосудов (в т. ч. 6 венчиков с разной степенью их отогнутости). Шейки изделий орнаментированы рядами круглых ямок, овальных вдавлений размером 7×3 мм, отпечатками шнура, сквозным отверстием. Материал поселения имеет ананьинский и чегандинский облик.

В 1989 году при исследовании разведгруппой КВАЭ площадок IV и V поселений произведена корректировка выводов, т.к. поменялись границы распространения находок, что объясняется постоянным дальнейшим размывом отмели. В итоге материалы этих памятников были объединены в Степановское VIII (по новой нумерации) поселение, расположенное в 0,67 км к ВЮВ от села и имеющее размеры 180×30 м (5100 кв. м). Вновь собранный подъемный материал представлен фрагментами лепной керамики (20 венчиков, 37 стенок) светло- и темно-коричневого цвета с примесью раковины или шамота в тесте (рис. 20). Форма сосудов – чаши со слегка профилированной шейкой и плоским венчиком; два предмета украшены рядом круглых ямок, два других – сквозным отверстием. Собранные материалы датируются широко, включая ананьинское и среднечегандинское время.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. УдГУ, № 806, 807, 1819.

Макаров, Материалы 1978; Широбокова, Отчёт 1989, с. 8; Макаров, Широбокова, 1991, с. 64; Макаров, 2013, с. 31, 33.

37. Степановское IX поселение. А.к., IV–III вв. до н.э.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Памятник расположен в 0,87 км к ЮЮВ от села, в 0,025 км к югу от Степановского VIII поселения на террасе коренного берега Воткинского водохранилища. Единичные обломки лепной керамики автор обнаружил здесь в 1978 г. и отнёс их к V поселению. Как отдельный памятник, Степановское IX поселение, обследовано разведочной группой КВАЭ УдГУ в 1989 г. Поселение полностью размывто, площадь распространения находок 60×25 м (1500 кв. м). Находки представлены фрагментом тигля, обломками трёх слабопрофилированных чашевидных сосудов с плоским срезом венчика светло- и темно-коричневого цвета, с примесью шамота в глиняном тесте, один из которых орнаментирован рядом из парных круглых ямок (рис. 21). Памятник относится к позднеананьинскому времени и датируется IV–III вв. до н.э.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. УдГУ, № 1820.

Макаров, Материалы 1978; Широбокова, Отчёт 1989, с. 9; Макаров, Широбокова, 1991, с. 64; Макаров, 2013, с. 31, 33.

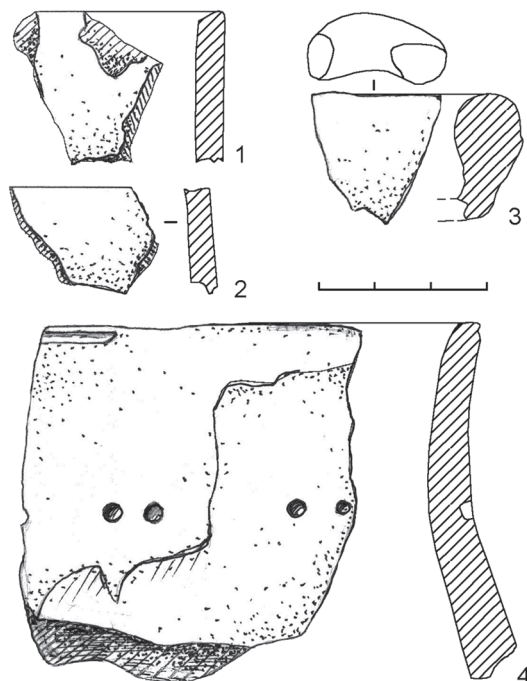

Рис. 21. Степановское IX поселение. Лепная керамика (1, 2, 4), фрагмент тигля (3). Сборы Л.Д. Макарова (1978), И.С. Широбоковой и Л.Д. Макарова (1989)

38. Степановское X поселение. Ранний неолит, А.к., М. тип; с. Степаново, правый берег р. Кама.

В 1978 году в 1090 м к ЮЮВ от села и в 90 м к югу от Степановского V селища автором было открыто одноименное VI поселение. Оно располагалось на песчаной отмели в форме пологого полуострова, вдающегося в сторону водохранилища до 105 м от края леса, в южной части которого образовался залив подпрямоугольных очертаний длиной до 50 м, шириной около 30 м. Находки были распространены на площади длиной 200 м, шириной 100 м (10000 кв. м) – на полуострове и вдоль леса (рис. 22). В местах наибольшего скопления керамики и кремня было заложено 4 шурфа, в которых под слоем песчаного наноса (12–14 см) сразу шел материковый темно-коричневый песок.

Кремнёвый инвентарь (34 ед.) располагался на поселении двумя скоплениями в восточной половине памятника, т. е. на полуострове, к северу от залива. Трасологический анализ кремня проведён Т.А. Цыгвинцевой. Он представлен (рис. 23: 1–3, 9, 15, 20, 21) двумя крупными торцевыми нуклеусами: клиновидным из доломита размером 5,5×3,7 см и уплощенным серого плитчатого кремня 4,7×3,9 см; резцом на дистальной части пластины шириной 1 см из серого плитчатого кремня; двумя концевыми скребками серого пёстрого кремня (4,8×3,4 и 3,7×2,7 см); вкладышем ножа на полупрозрачной дымчатого цвета пластине размером 2,6×1,3 см; 14 отщепами (10 – серого пёстрого кремня, 1 – молочного, 1 – яшмовидного бурого, 2 – из доломита); 13 большими кусками кремня (12 – серого пёстрого кремня, 1 – доломита). Этот перечисленный каменный материал

относится к эпохе рубежа мезолита – раннего неолита и представляет остатки кремнеобрабатывающей мастерской, от которой сохранились лишь следы двух сооружений, смытых водой.

Второй комплекс представлен несколькими сотнями фрагментов лепной керамики светло-серого, светло-коричневого цвета с примесями в глиняном тесте растительности, толченой раковины (рис. 23: 4–8, 10, 12–14, 16–19, 22). Наличие около 90 шеек позволило выделить несколько вариаций сосудов: с прикрытым и открытым устьем, с прямой и отогнутой шейкой, чаще с плоским срезом венчика. Часть сосудов орнаментирована, в основном, по шейке (14 экз.), при этом имеет характерный «воротничок», узоры есть и на 20 стенках. Орнаментация посуды разнообразна: ямки, сквозные отверстия, ряды насечек, ломаная линия, отпечатки в виде следов парнокопытных. Обнаружено также два фрагмента тиглей (рис. 23: 11), куски шлака и обмазки. Данный комплекс был преимущественно отнесен к ананьинскому времени, но часть керамики имеет явно мазунинский облик.

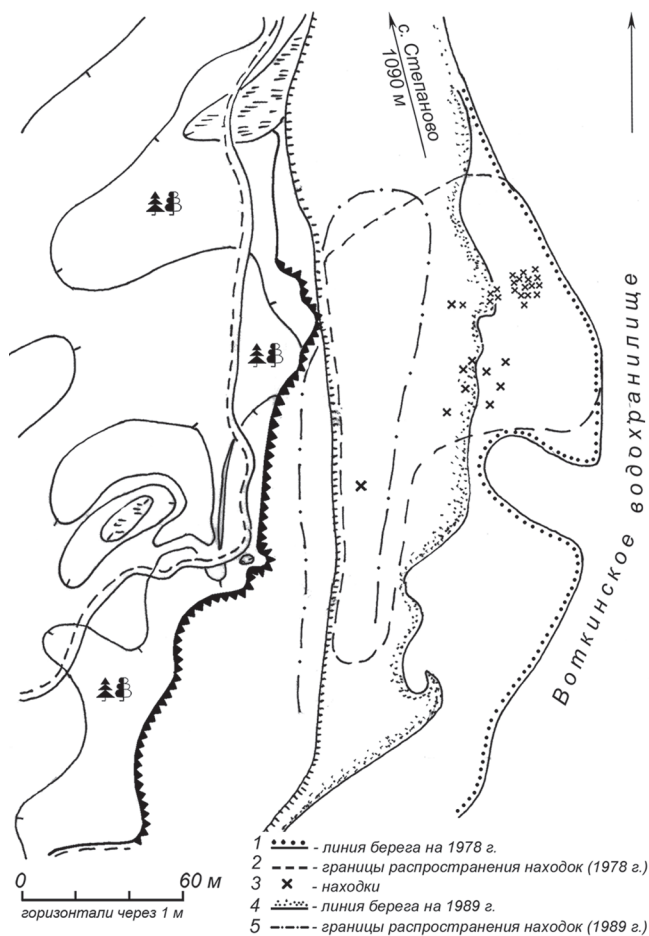

Рис. 22. Степановское X поселение.
Топографический план (по Л.Д. Макарову)

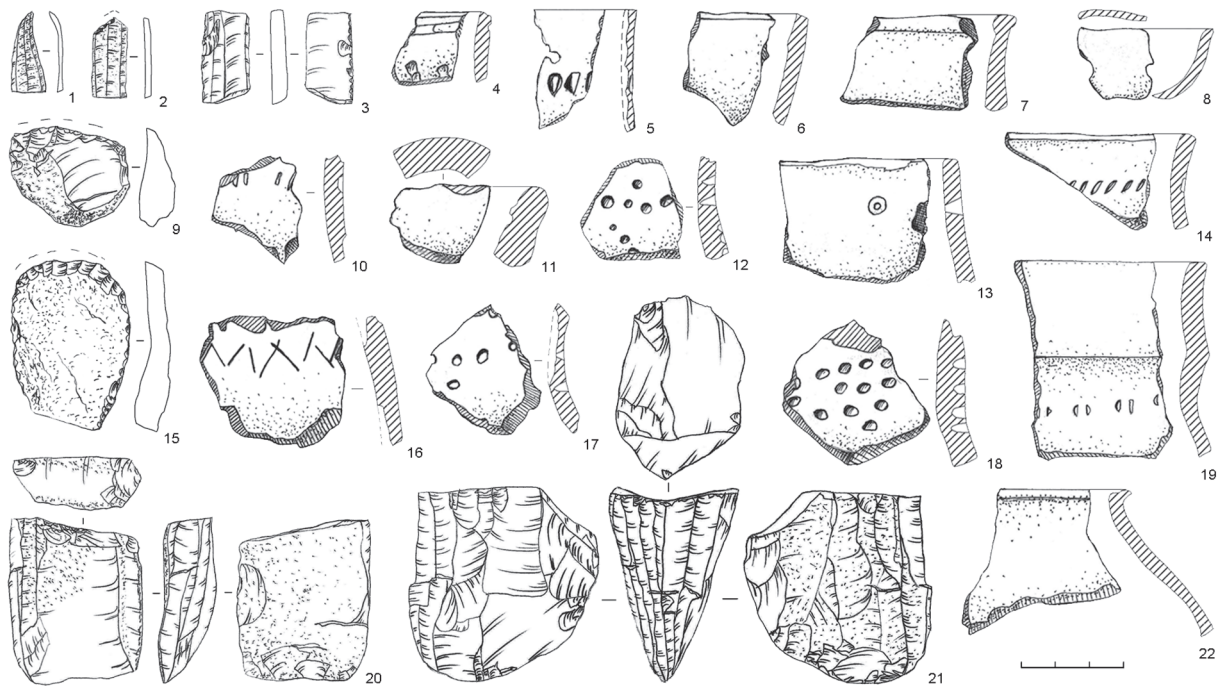

Рис. 23. Степановское X поселение. Кремнёвый инвентарь: 1 – пластина, 2 – резец, 3 – вкладыш ножа, 9, 15 – скребки, 20, 21 – нуклеусы (рисунки Т.А. Цыгвинцевой); 4–8, 10, 12–14, 16–19, 22 – фрагменты лепной керамики, 11 – обломок тигля. Сборы Л.Д. Макарова (1978)

В 1989 году памятник был перенумерован в Степановское X поселение. Дополнительное его исследование разведгруппой КВАЭ УдГУ показало значительные перемены в топографии объекта (рис. 22): почти полностью был смыт полуостров, едва угадываются возможные следы залива, окончательно размывты остатки стоянки каменного века (ни одной находки не обнаружено). Площадь распространения фрагментов лепной керамики составила 200×25–40 м (7000 кв. м). Характеристика посуды заметных корректив не претерпела, но значительно сократилось её количество и разнообразие (5 венчиков, 21 стенка), поднят лишь один фрагмент стенки с орнаментом из ряда трёх прямоугольных ямок, впервые зафиксирована примесь шамота. В целом позднеананьинский керамический комплекс преобладает. В 1997 г. повторно обследовано Д.А. Салангиным, найдено 8 фрагментов стенок лепной керамики.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 808, 1821, 2064.

Макаров, Материалы 1978; Широбокова, Отчёт 1989, с. 9; Макаров, Широбокова, 1991, с. 64; Салангин, Материалы 1997; Макаров, 2013, с. 30, 31, 33.

39. Степановское XI поселение. А.к., IV–III вв. до н.э.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Выявлено в 1989 году. Расположено в 1,7 км к югу от села, в 0,65 км к ЮЮЗ от Степановского X поселения на размываемой террасе коренного берега Воткинского водохранилища. Площадка памятника полностью размывта. На площади 85×30–40 м (2975 кв. м) обнаружены фрагменты чашевидных сосудов (4 венчика, 20 стенок) со слабопрофилированными шейками, плоскими и округлыми венчиками, с примесями песка, органики, раковины, шамота в глиняном тесте, орнаментированные по «воротничку» рядом круглых ямок.

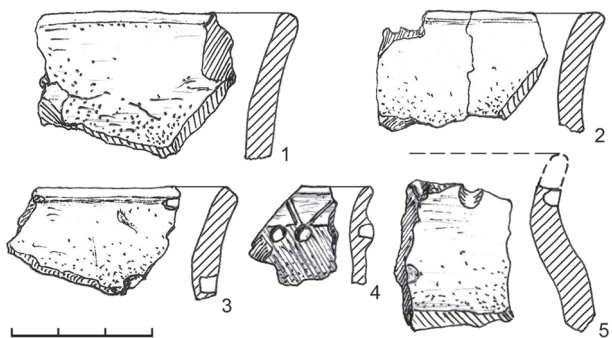

Рис. 24. Степановское XI поселение. Керамика. Сборы И.С Широковой (1989) и Д.А. Салангина (1997)

В 1997 г. поселение обследовано сотрудником КВАЭ УдГУ Д.А. Салангиным, собраны фрагменты лепной керамики светло-коричневого и серого цвета (2 венчика, 11 стенок) (рис. 24). Памятник относится к позднеананьинскому времени.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29 июля 2022 г. № 121).

Колл. УдГУ, № 1822, 2065.

Широкова, Отчёт 1989, с. 9–10; Макаров, Широкова, 1991, с. 64; Салангин, Материалы 1997; Макаров, 2013, с. 30, 31, 33.

40. Степановское XII поселение. А.к., IV–III вв. до н.э.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Поселение, обнаруженное разведгруппой КВАЭ в 1989 г., расположено в 2,5 км к югу от села, в 0,5 км к ЮЗ от Степановского XI поселения на размываемой террасе коренного берега Воткинского водохранилища. К западу от предполагаемых границ памятника находятся три озера. Площадь поселения составляет 2250 кв. м (80×30 м). Собрано незначительное количество фрагментов рыхлой лепной керамики темно-коричневого цвета толщиной 3–5 мм, которые при рассмотрении рассыпались. В 1997 г. Д.А. Салангин при осмотре памятника собрал керамику с примесями органики в тесте,

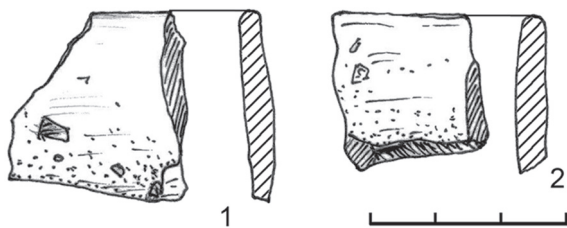

Рис. 25. Степановское XII поселение. Лепная керамика. Сборы Д.А. Салангина (1997).

в т. ч. 2 венчика с плоским срезом (рис. 25) и 22 стенки. Поселение датируется поздним этапом ананьино.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. УдГУ, № 1823, 2062.

Широкова, Отчёт 1989, с. 10; Макаров, Широкова, 1991, с. 64; Салангин, Материалы 1997; Макаров, 2013, с. 30, 31, 33.

41. Степановское XIII поселение. А.к., IV–III вв. до н.э., XVI–XIX вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Обнаружено разведгруппой КВАЭ в 1989 г. Расположено в 0,25 км к СВ от села, в 0,13 км к северу от пристани, на террасе коренного берега Воткинского водохранилища. Поселение почти полностью разрушено земляными работами и водохранилищем. Примерная площадь памятника – 140×10 м (1400 кв. м). На размываемой части памятника найдены 3 фрагмента лепной керамики светло-коричневого цвета с примесью растительности и шамота в тесте, которые, судя по всему, относятся к позднеананьинскому времени. Там же подняты обломки гончарных сосудов, которые имеют цвет, варьирующий от светло-серого до черного и темно-коричневого, с примесью песка в тесте, часть горшков покрыта слоем нагара (рис. 26). Наиболее ранняя группа посуды (3 экз.) имеет вертикальные горловины с приотрѐнными и плоским венчиками с неглубокой ложбинкой посередине, что присуще для периода XVI–XVII вв. Впервые поселение как деревня монастырских крестьян упомянута в 1646 г. Посуда более позднего времени (13 экз.) характеризуется

преимущественно короткими шейками, слегка отогнутыми наружу, иногда с напылом на внешней стороне. Три фрагмента, покрытые серебристым (два) и белым (один) налётом, орнаментированы: два – двумя горизонтальными линиями по плечу, третий – сочетанием трёх горизонтальных линий и волны, нанесённой по шейке поверх линии. Один сосуд с короткой шейкой и отогнутым наружу приотстрённым венчиком покрыт с обеих сторон зелёной поливой. Эта группа круговой посуды относится ко времени существования села и датируется XVIII–XIX вв.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. УдГУ, № 1824.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 10–11; *Макаров*, *Широбокова*, 1991, с. 64–65; *Макаров*, 2013, с. 31, 33, 34; *Латин*, 2015, с. 194.

42. Степановское XIV поселение. А.к., IV–III вв. до н.э., XVII–XIX вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Памятник выявлен разведгруппой КВАЭ в 1989 году в 0,5 км к ССВ от села, в 0,16 км к северу от Степановского XIII поселения на другом берегу западного ответвления залива шириной 0,1 км, на террасе коренного берега водохранилища в виде своеобразного полуострова подтреугольных очертаний (240×120 м), образованного двумя логами, соединяющегося с плато узким (шириной до 5 м) перешейком. Поселение располагается в средней части прибрежной полосы этого полуострова и имеет размеры 82×25 м (2050 кв. м). Площадка памятника интенсивно разрушается. С размываемой отмели собраны мелкие фрагменты лепной керамики позднеананьинского облика (17 стенок без орнамента) коричневого цвета различных оттенков, с примесью шамота, а также обломки гончарной позднесредневековой русской керамики (венчик и две стенки) коричневого и темно-серого цвета, с примесью песка в тесте. Единственный венчик от горшка с высокой горловиной завершается округлым краем с внешним подтреугольным выступом, обычным для посуды XVII–XIX вв. (рис. 27: 1). Найден также кремневый серый скребок (2,0×1,4 см) (рис. 27: 2), который связан, возможно, с позднеананьинским комплексом.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 1825.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 11; *Макаров*, *Широбокова*, 1991, с. 64; *Макаров*, 2013, с. 31, 33, 34.

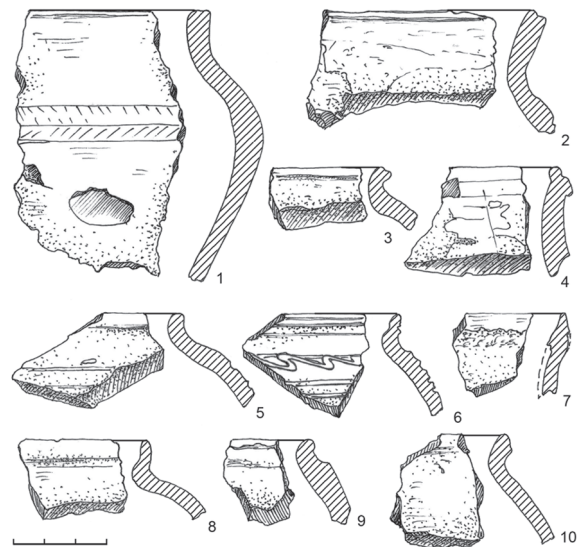

Рис. 26. Степановское XIII поселение. Фрагменты круговой посуды

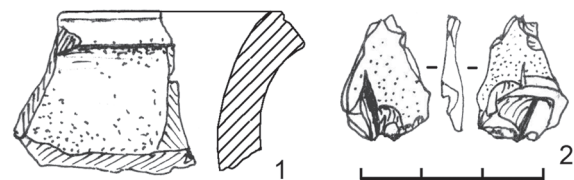

Рис. 27. Степановское XIV поселение. Фрагмент кругового сосуда (1) и кремневый скребок с ретушью (2). Сборы И.С. Широбоковой и Л.Д. Макарова (1989)

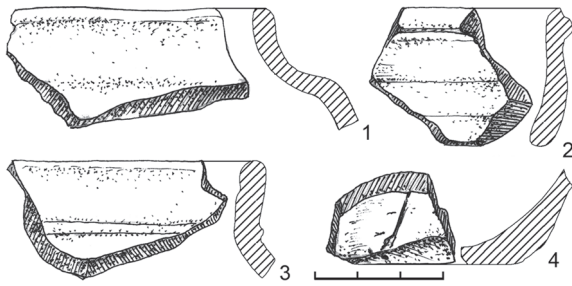

Рис. 28. Степановское XV поселение.
Фрагменты круговой посуды

43. Степановское XV поселение. XVI–XVII вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Расположено в 1,15 км к востоку от села, на полуострове, образованном заливом и водохранилищем, на узкой береговой кромке (280×14 м). К северу от памятника находится озеро, образовавшееся стоком ручья, заполнившего нижнюю часть трех оврагов в виде своеобразного трезубца (250×70–80 м). К СВ вдоль оврагов расположен старый

тракт, ведущий в с. Бабка, в 250–300 м восточнее которого находится старое православное кладбище. Примерная площадь поселения 3920 кв. м. Найдены фрагменты гончарной керамики (7 венчиков, 1 днище, более 40 стенок) с примесью шамота и песка, различной цветовой гаммы, от сосудов с вертикальными шейками, округлыми венчиками, единично с напылом снаружи (рис. 28). Датируются находки XVI–XVII вв. Памятник является остатками северной окраины затопленного русского села, впервые упомянутого в 1646 г. как деревня монастырских крестьян. Имеется один венчик с округлым срезом и напылом наружу, покрытый двусторонней жёлтой поливой XVIII–XX вв. Обнаружено разведочной группой КВАЭ в 1989 г. (Н.В. Водолаго, И.С. Широбокова).

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 1826.

Водолаго, Материалы 1989 (?); *Широбокова*, Отчёт 1989, с. 12; *Макаров*, *Широбокова*, 1991, с. 65; *Макаров*, 2013, с. 31, 34; *Лапин*, 2015, с. 194.

44. Степановское XVI поселение. Эпоха раннего средневековья, XVI–XVIII вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Расположено в 1,5 км к востоку от села, в 0,08 км к востоку от Степановского XV поселения на полуострове, образованном заливом и водохранилищем, на южном склоне холма, полого спускающегося к водохранилищу.

Памятник открыт автором в 1978 г. на распаханном поле к северу от отмели с находками костей мамонта. В 20 м к северу от края обрывистого берега высотой от 3 до 10 м был обнаружен фрагмент лепной керамики толщиной 9 мм светло-коричневого цвета с примесью растительности в тесте, орнаментированный двумя подквадратными ямками шириной 1,5–2 мм, относящийся, вероятнее всего, к раннему средневековью. Находка была первоначально обозначена Степановским VII местонахождением керамики и остатков древней фауны. В процессе исследования поселения разведгруппой КВАЭ УдГУ в 1989 г. найдены фрагменты лепной и гончарной керамики, при этом нумерация памятника была изменена. Площадь распространения находок 4800 кв. м (120×40 м). Обнаружен небольшой обломок средневековой лепной посуды коричневого цвета толщиной 5 мм, рассыпавшийся впоследствии. Собранные фрагменты русской круговой керамики (венчик и две стенки) светло- и темно-коричневого цвета изготовлены из глиняного теста с примесями шамота и крупнозернистого песка, имеют вертикальную горловину с округлым венчиком. Датировка – XVI–XVIII вв.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 823, 1827.

Макаров, Материалы 1978; *Широбокова*, Отчёт 1989, с. 12; *Макаров*, *Широбокова*, 1991, с. 65; *Макаров*, 2013, с. 30, 34.

45. Степановское XVII поселение.

Эпоха раннего средневековья, XVIII–XIX вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Памятник открыт разведкой КВАЭ в 1989 г. Расположен в 1,7 км к востоку от села, к северу от старого кладбища, на пологом склоне холма в восточной части полуострова, образованного заливом и водохранилищем (высота от уровня воды от 14 до 25 м). На распаханной поверхности обнаружено четыре скопления керамики, площадь распространения находок на них составляет 907 кв. м (1-е), 4200 кв. м (2-е), по 9000 кв. м (3-е и 4-е), общая площадь скоплений – 23107 кв. м. Собраны фрагменты неорнаментированных лепных сосудов (10 венчиков, 107 стенок) различной цветности с примесью раковины, иногда в сочетании с шамотом, типичной для эпохи раннего средневековья. Кроме того, найдены обломки русской гончарной неполивной посуды темно-коричневого цвета с примесью песка в тесте (рис. 29). Две верхних части горшков имели короткую шейку и округлый венчик. Из 5 обнаруженных поливных фрагментов отметим покрытие зелёной, коричневой и белой глазурью. Найден также зуб животного. Поздний комплекс датируется XVIII–XIX вв.

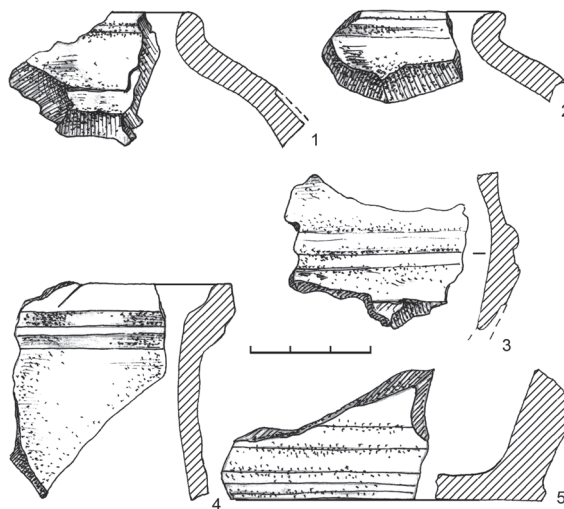

Рис. 29. Степановское XVII поселение.
Фрагменты круговой посуды

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 1828.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 13; *Макаров, Широбокова*, 1991, с. 65; *Макаров*, 2013, с. 31, 34.

46. Степановское XVIII поселение. Эпоха раннего средневековья, XVII–XVIII вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Поселение выявлено разведгруппой КВАЭ в 1989 г. Расположено в 0,7 км к востоку от села, на полуострове, образованном заливом и водохранилищем, на пологом склоне, круто обрывающемся к реке (высота от уровня воды составляет 11–15 м). Площадка памятника размером 480×80 м (38400 кв. м) протянута с севера на юг вдоль соснового леса, начиная от ЛЭП до обрыва. На ней найдены фрагменты лепной и гончарной керамики. Лепная посуда без орнамента (1 венчик с плоским срезом, 16 стенок), светло- и темно-коричневого цвета, изготовлена из глиняного теста с примесью шамота, растительности, характерна для периода раннего средневековья. Круговая керамика (5 предметов) представлена фрагментами двух неполивных горшков темно-коричневого и серого цвета, с примесью песка в тесте, один из которых имел короткую шейку с округлым венчиком и сильно выпуклое тулово, а второй – высокую вертикальную шейку и изогнутый наружу и вверх округлый венчик и слегка выпуклое тулово, а также фрагментом поливного горшка со слабо выпуклым туловом и резко отогнутым наружу венчиком с плоским срезом, покрытого коричневой поливой, а изнутри белой росписью сверху и зеленой глазурью внизу. Данные характеристики присущи русской глиняной посуде XVII–XVIII вв.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 1829.

Широбокова, Отчёт 1989, с. 13–14; *Макаров, Широбокова*, 1991, с. 65; *Макаров*, 2013, с. 31, 34.

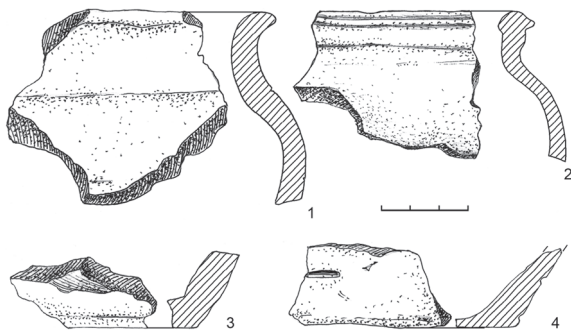

Рис. 30. Степановское XIX поселение. Фрагменты круговой посуды. Сборы Н.В. Водолаго и И.С. Широбоковой (1989)

Один сосуд горшковидной формы представлен фрагментом хорошо профилированной высокой шейки с отогнутым наружу приостренным венчиком (рис. 30: 1). Русский комплекс XVII–XVIII вв. явно связан с северной окраиной затопленной части села.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 1830.

Водолаго, Материалы 1989 (?); Широбокова, Отчёт 1989, с. 14; Макаров, Широбокова, 1991, с. 65; Макаров, 2013, с. 31, 34.

48. Степановское XX поселение. А.к., IV–III вв. до н.э., XVI – начало XX в.; с. Степаново, правый берег р. Степановка, правого притока р. Кама.

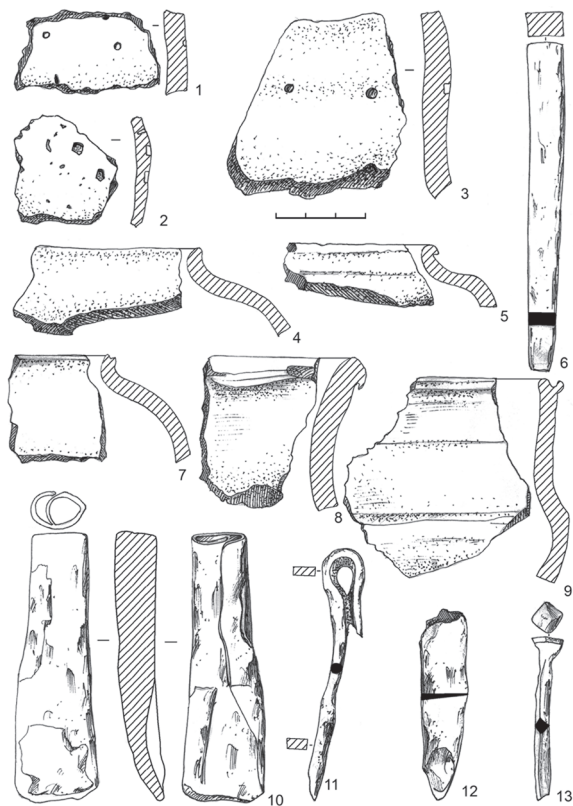

Рис. 31. Степановское XX поселение. Фрагменты лепной (1–4) и гончарной (5, 7–9) керамики, железные орудия (6, 10–13)

47. Степановское XIX поселение. XVII–XVIII вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Памятник обнаружен в 1989 г. КВАЭ УдГУ (Н.В. Водолаго, И.С. Широбокова). Поселение расположено в 0,5 км к востоку от села на полуострове, образованном заливом и водохранилищем, под обрывом, на узкой береговой кромке размером 630×14 м. Площадь памятника 8820 кв. м. На отмели найдены: зуб животного, а также фрагменты гончарной керамики светло-коричневого и серого цвета с примесью шамота и песка в тесте (рис. 30).

Выявлено в 1997 году сотрудником КВАЭ УдГУ Д.А. Салангиным. Памятник располагается в 2 км к северу от села, 2,4 км к югу от д. Теребиловка, к ССЗ от Степановского II городища – через залив от него (залитое водохранилищем место впадения р. Берёзовки в р. Степановку). Поселение занимает мыс подтреугольной формы высотой до 5 м от уреза воды размером 135×90 м (6000 кв. м). К югу от площадки памятника расположен прибрежный карьер (20×20 м), аналогичная выемка (20×10 м) находится в 55 м к западу, где берег порос смешанным редколесьем. В 120 м к югу от поселения расположен пирс, в 130 м к ЮЗ – заброшенный склад, огороженный деревянным забором.

На распаханной поверхности были собраны фрагменты лепной керамики коричневого и темно-серого цвета толщиной 4–9 мм с примесью органики и раковины в глиняном тесте (24 стенки), на трёх из них имеется ямочный орнамент позднеананьинского облика (рис. 31: 1–3). Обнаружено также большое число фрагментов круговой русской посуды с примесью

песка и изредка с добавками органики в глиняном тесте (рис. 31: 5, 7–9). Преобладали неполивные горшковидные сосуды (23 венчика, 8 днищ, 18 стенок) с короткими шейками, прикрытым устьем и венчиками различной конфигурации – округлыми, приостренными, отогнутыми наружу с нависающим краем, с желобками по верхнему срезу. В числе последних фрагмент высокогорлого сосуда с вертикальным венчиком и глубоким желобком по срезу, без примесей в тесте – весьма архаичного облика (XVI–XVIII вв.). В более поздний период изготавливалась поливная керамика (собраны 2 венчика с высокой шейкой и отогнутым наружу венчиком в виде округлого и приострѐнного валика, 1 днище и 13 стенок). Полива одно- и двусторонняя, цветовая гамма разнообразна: коричневая, коричневая с бледно-жѐлтыми полосами, зелёная, бурая, чёрная, грязно-белая, жѐлто-коричневая. Такое оформление посуды наиболее присуще для конца XVIII – начала XX в. Найден и мелкий обломок края фаянсовой тарелки этого же времени, расписанный голубым растительным узором. Из железных предметов выявлены (рис. 31: 6, 10–13): кованый гвоздь, фрагментированный пробой, обломок лезвия ножа, штырь прямоугольного сечения, втульчатый предмет (мотыжка?), небольшая округлая пластина. Большинство находок относится к XVII–XIX вв., что связано с западной границей села, проходившей здесь в начале XX в., если судить по карте Генштаба 1913 г.

Колл. УдГУ, № 2067.

Салангин, Материалы 1997; *Макаров*, 2013, с. 31, 33, 34; *Лапин*, 2015, с. 191.

49. Степановское XXI селище. А.к.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Обнаружено в 1953 году разведочной группой Камской археологической экспедиции Пермского университета под руководством А.В. Кокарева и фигурирует в списке исследованных поселений. Однако отчёт по этой разведке в кабинете археологии ПГУ не был обнаружен, но памятник был учтѐн автором как Степановское XXI селище ананьинского времени.

В 2018 году удалось получить копию отчёта А.В. Кокарева 1953 г. К сожалению, схематический план селища не удалось убедительно соотнести с топографической съѐмкой 1989 г., поскольку Воткинское водохранилище, очевидно, основательно повлияло на рельеф полуострова. Усилившиеся процессы эрозии привели к образованию новых оврагов, изменивших прежнюю картину, а низменная часть села была затоплена практически полностью. Судя по деталям схемы и описанию, памятник был обнаружен в 1 км к СВ от бывшего местоположения села между краем оврага и проезжей дорогой из с. Степаново в с. Бабка. На современной карте с. Степаново располагается в 2 км к востоку от данного селища, которое примыкает с СЗ к Степановскому XVII поселению. В 200 м к югу от него находится старое Степановское кладбище. Площадка селища ровная, но заметно понижается к югу, поросла сосновым лесом. Из разрушенного дорогой культурного слоя разведчиками подняты «фрагмент лепной керамики и два кремнёвых отщепа с искусственными сколами». В ходе проведѐнной зачистки края дороги «прослежена стратиграфия слоѐв: под очень тонким дерновым слоём идёт слой светло-коричневого песка мощностью 10–30 см с находками, затем следует серый песок с мелким галечником без находок. Собранный при зачистке материал состоит из нескольких кремнёвых галек со следами искусственных сколов и орудие, похожее на скребок. Облик керамики и кремнёвого материала позволяют отнести селище к ананьинскому времени». Размеры памятника не указаны, но судя по плану, площадка его могла достигать до 150 м в длину и до 50 м в ширину (около 7000 кв. м). В разведке 1989 г. эта залесенная площадка внимательному осмотру не подвергалась, а при осмотре дороги находок на ней не обнаружено.

Колл. КАЭ ПГУ, № 357.

Кокарев, Отчёт 1953; с. 4, рис. VI, VIII; Список КАЭ ПГУ за 1953 г.; Лапин, 2015, с. 194.

50. Урочище Костёнки, поселение. XVII – первая половина XX в.; бывш. д. Костёнки, с. Камское, правый берег руч. Студёный Ключ, правого притока руч. Белый, левого притока р. Лузьянка, правого притока р. Кама.

Памятник представляет собой следы бывшего поселения (по картам землеустройства – урочища Подберезник, что в 0,3 км к западу от д. Костёнки, снятой с учета указами 1976 и 1977 гг.), исследованного в 1999 г., согласно охранным договорам, разведгруппой УОПИК под руководством Г.А. Степановой, с последующей передачей коллекции для хранения в УдГУ. Поселение расположено на правобережье верхнего течения ручья Студёный Ключ в 1,625 км к западу от места его впадения в ручей Белый и в 1,8 км к СЗ от с. Камское. Оно занимает надпойменную террасу высотой 10 м над уровнем уреза воды ручья, состоящую из двух мысов, разделенных с севера тремя глубокими логами. Площадь поселения 50800 кв. м (145×350 м). В СЗ трети площадки и по её центру зафиксированы две группы западин: архаичные (преимущественно в западной части) и более поздние (вероятно, в центре), отсеченные от южной территории поселения грунтовой дорогой, ведущей на восток через бывшую д. Костёнки в с. Камское.

В СЗ части памятника заложено два шурфа, в которых зафиксирован культурный слой мощностью более 27 см. Оба шурфа законсервированы. Весь материал получен в результате шурфовки, это 39 фрагментов неполивной и поливной керамики, обломок полуфаянсового изделия, железное ушко сосуда, куски глиняной обмазки и кости животных (рис. 32). Керамика круговая серо- и красно-коричневого цвета с примесью мелкозернистого песка, единично – сухой глины. Сосуды низких пропорций диаметром 15–

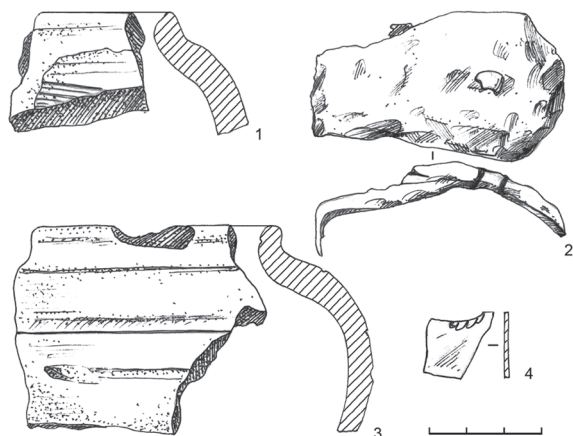

Рис. 32. Урочище Костёнки, поселение. Фрагменты гончарной посуды (1, 3), железное ушко сосуда (2), фрагмент оконного стекла (4). Разведочные работы Г.А. Степановой (1999)

29 см, с короткими шейками и разнообразным оформлением венчиков (округлые, округлые с оттянутостью наружу, отогнутый с желобком по внешней стороне). На одном фрагменте с обеих сторон сохранилось покрытие светло-зелёной поливой, употреблявшейся в нашем регионе не ранее второй половины XVII в. Фрагмент изделия из подглазурного фаянса с ручной росписью аналогичен гжельским поделкам начала – середины XIX в. Памятник датируется XVII – первой половиной XX в.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 01.11.2024 г. № 03-02/242).

Колл. УдГУ, № 917.

Справочник..., 1995, с. 247; Степанова, Отчёт 1999 г., с. 52–55, прил. 65–83.

51. Урочище Малиновка, поселение. XVII–XX вв.; бывш. д. Малиновка, с. Камское, левый берег руч. Малиновка, правого притока р. Лузьянка, правого притока р. Кама.

Поселение расположено в верхнем течении левого берега руч. Малиновка на западной окраине бывшей д. Малиновка (исключена с учета указом 1967 г.), в 2,2 км к ЗСЗ от южной окраины с. Камское. Выявлено в 1999 г. Г.А. Степановой. Площадка памятника размером 375×210 м (39100 кв. м) занимает стрелку мыса с крутыми склонами, ориентированного по линии запад–восток, в месте слияния Малиновки и её левого

притока. Поселение находится на первой надпойменной террасе высотой до 5 м, основная поверхность её распаханна, склоны и мысовая часть задернованы, поросли кустарником, а ЮЗ часть используется под выпас скота. Видимых следов построек на поверхности не отмечено. Однако собранные на распаханной поверхности находки свидетельствуют об использовании этой территории жителями исчезнувшей деревни. Всего обнаружено 10 фрагментов поливной и неполивной керамики различной цветности – от серо- до красно-коричневого, с примесью в тесте мелкозернистого песка (рис. 33). Имеющиеся в коллекции два фрагмента горловин принадлежали сосуду с венчиком, отогнутым на внешнюю сторону и образовавшим желобок, нижний край которого оттянут вниз. На двух обломках сохранились остатки поливы: неопределенного цвета с внешней стороны – на одном фрагменте, прозрачной – с обеих сторон – на втором. Материал позволяет предварительно отнести памятник к числу русских селищ XVII – середины XX в.

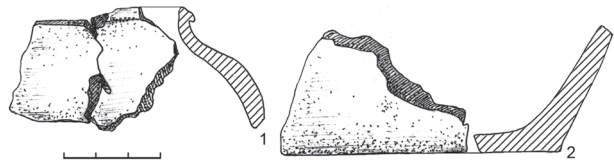

Рис. 33. Урочище Малиновка, поселение. Фрагменты гончарной посуды. Разведочные работы Г.А. Степановой (1999).

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 01.11.2024 г. № 03-02/242).

Колл. УдГУ, № 918.

Справочник..., 1995, с. 245; *Степанова*, Отчёт 1999, с. 55–57, прил. 84–90.

52. Черепановское I селище. XVII–XIX вв.; д. Черепановка, левый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Расположено в 400 м к ССВ от берега реки на надпойменной террасе высотой 5 м в южной части деревни. Большая его часть занята огородами и постройками. Площадь 19200 кв. м (340×65–120 м). Культурный слой мощностью 35–45 см насыщен находками керамики и костей. Селище исследовано В.А. Семеновым в 1956 г., ранее, по сведениям Ф.В. Стрельцова, оно было известно, как место находок ручных жерновов, ральников и пр. На поселении найдены 34 фрагмента русской керамики темно-серого и красно-коричневого цвета с примесью песка в глиняном тесте, изготовленной на гончарном круге, а также железная пешня и шлак. Старожилы рассказывают, что здесь раньше находили железные кованые топоры. В.А. Семенов датировал селище XV–XVI вв., однако, судя по имеющимся находкам, наиболее вероятная дата существования поселения – XVII–XIX вв.

В 1997 г. памятник осмотрен разведгруппой КВАЭ под руководством Д.А. Салангина, при этом план его был скорректирован. В 2015 г. договорные работы на селище провел А.Н. Кириллов (сотрудник ООО «Центр реставрации и сохранения памятников», гг. Глазов, Саратов), осуществивший здесь инструментальную съемку, разведочную шурфовку (5 шурфов и 1 зачистка) в восточной части селища, сбор с поверхности и поиск находок с помощью металлодетектора (найдено 7 медных монет, начиная с трёх наиболее ранних «денег» 1739–1741 гг., а также железные гвозди). На поверхности и в шурфах обнаружены: фрагменты круговой керамики серого и красно-коричневого цвета, в т. ч. поливной и со следами росписи ангобом, фрагменты обмазки и кости животных. Предложенная выше дата подтверждена.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. НМУР, № 128.

Талицкая, 1952, с. 88, № 659; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 5–6; *Памятники...*, 1979, с. 83, № 63; *Памятники...*, 1990, с. 56, № 528; *Салангин*, Материалы 1997; *Останина*, 2004а, с. 100, 220, № 308; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Кириллов*, Отчёт 2015, с. 1–4, рис. 1-23+2.

53. Черепановское II селище. М. тип, III–V вв.; д. Черепановка, левый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Находится в 0,25 км к СЗ от южной окраины деревни на постепенно возвышающейся (10–18 м) площадке, расположенной между двумя посадками хвойного леса и берегом р. Сивы. Культурный слой полностью разрушен пашней. Площадь около 9000 кв. м (140×50–80 м). Селище обнаружено Т.И. Останиной в 1979 году. На поверхности собраны мелкие фрагменты лепной керамики (15 единиц) серого, светло-коричневого, охрового цвета с примесью битой раковины или растительности в тесте. Выявленный материал отнесён первооткрывательницей к мазунинской культуре. В 1997 г. памятник обследовала разведгруппа КВАЭ под началом Д.А. Салангина, при этом был скорректирован топографический план. В 2015 г. А.Н. Кирилловым выполнена инструментальная съемка. В 2024 г. селище обследовано сотрудниками АОКН УР в рамках республиканского мониторинга. Отмечено разрушение ЮЗ части площадки грунтовой дорогой; из обнажений собраны фрагменты лепной неорнаментированной керамики светло-коричневого цвета с примесью органики в тесте, обломки тигля, кальцинированные кости животных, галечный скол и галька со следами обработки.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. НМУР, № 330.

Останина, Отчёт 1979, с. 32; *Памятники...*, 1990, с. 56, № 529; *Салангин*, Материалы 1997; *Останина*, 2004а, с. 50, 215, № 131; *Останина, Широбокова*, 2012, с. 11, 70, № 23; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Кириллов*, Отчёт 2015; *Хайруллина и др.*, 2025, с. 8.

54. Черновское селище²³. XVIII–XX вв.; д. Чёрная, правый берег р. Чернушка, правого притока р. Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

По сведениям конца XIX в. местные крестьяне при пахоте нередко находили маленькие топорики. Эти же данные сообщали Ф.В. Стрельцов, И.А. Талицкая, В.Ф. Генинг. Точное место обнаружения предметов неизвестно. Во время разведки 1956 г. сотрудник УАЭ В.А. Семенов, по свидетельству В.Ф. Генинга, выявил селище, расположенное на южной окраине деревни. Им был зафиксирован культурный слой мощностью до 45 см, насыщенный множеством костей и керамики, изготовленной на гончарном круге. Датировка памятника, (XVI–XVII вв.) сомнительна, т. к. в статистическом издании 1892 г. говорится об основании деревни в конце XVIII в. выходцами из с. Перевозинского и двух починков Июльской волости. Обнаруженная на селище русская круговая керамика относится скорее к XVIII–XX вв. В каталоги памятников истории и культуры 1979 и 1990 гг. селище не было включено.

Местонахождение коллекции не известно.

Материалы..., 1892, с. 117; *Шабердин*, 1928, с. 71; *Талицкая*, 1952, с. 87, № 649; *Генинг*, 1958, с. 183, № 336; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

55. Черновское (Черновский лесоучасток) селище. М. тип, III–V вв.; Черновский лесоучасток, правый берег р. Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Выявлено разведгруппой КВАЭ УдГУ (в составе А.М. Вязникова, О.А. Карпушкиной, И.Ю. Пастушенко, С.Е. Перевощикова, Т.Р. Сабирова, А.Е. Митрякова, Т.А. Цыгвинцевой) в сентябре 2015 г. в процессе обследования территории Черновского месторождения нефти в Воткинском районе УР (бывшее Светлянское лесничество). Памятник обнаружен на просеке (шириной порядка 100 м), по которой проходят нитки двух нефтепроводов, ЛЭП (электроподача к кустам скважин и к трассе «Газовая – Чернушка») и автомобильная

²³ Местоположение селища на карте указано предположительно.

дорога (д. Верхняя Талица – пос. Черновский лесоучасток – бывш. Быговская мельница – д. Старые Быги – с. Шаркан), – в 1,8 км к востоку от пос. Черновский лесоучасток, в 1,5 км к ЮВ от места впадения р. Чернушки в р. Вотку, в 0,9 км к западу от моста через р. Вотку (там, где находилась Быговская мельница).

Селище располагалось на возвышенной части овального мыса, образованного двумя ныне сухоложными балками, слившимися в одну, тянувшуюся некогда к р. Вотке, что течёт в 250 м к СВ от площадки памятника, и ныне уничтоженную при прокладке трасс перечисленных выше коммуникаций в пределах просеки, но сохранившуюся к северу от последней. Высота мыса – 3–4 м над дном балок, площадь 55×38 м, северная его половина пришлась на генеральную (З–В) просеку, южная залесена, однако пересечена межквартальной меридиональной (С–Ю) просекой шириной 5 м. Северную оконечность мыса нарушила южная ветка нефтепровода, в зачистке траншеи зафиксирован культурный слой. На вершине возвышенной стрелки мыса обнаружены: железная «коса-горбуша» длиной 18 см и 5 фрагментов лепной керамики. Площадь распространения находок составляет примерно 20×15 м. Шурф, заложенный на южном склоне всхолмления, на межквартальной лесной просеке, культурного слоя не дал. В шурфе, заложенном в месте концентрации сбора с поверхности, удалось зафиксировать остатки культурного слоя мощностью до 10–15 см с находками около 50 обломков неорнаментированных сосудов горшковидной формы, светло-коричневого цвета, толщиной 4–7 мм, с примесями органики. Сосуды имели слабо выпуклое тулово, чуть отогнутый венчик с плоским срезом и лёгким наплывом внутрь или наружу. Найдена также галька овальной формы (4,6×1,0–2,7×1,2 см) со следами использования в качестве отбойника. Основываясь на анализе керамической коллекции и общепринятой датировке «кос-горбуш» (Перевощиков С.Е., Пастушенко, 2006), селище следует датировать III–V вв. н.э. и отнести к кругу памятников мазунинского типа чегандинской культуры.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. УдГУ, № 2328.

Перевощиков С.Е., Пастушенко, 2006; Отчёт НИР 2015, Т. 1, с. 45–50, Т. 2, рис. 238–250, 254–262.

56. Шалавенское I селище. М. тип, III–V вв.; д. Шалавенки, правый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Сведения П.М. Сорокина и А.А. Спицына о находках в полуверсте от д. Шалавенки (кремнёвые стрелы, крупные медные бляхи с отверстиями посередине, нагрудник с изображением конских голов, лепная керамика) были расценены дореволюционными авторами как возможные признаки древнего могильника. Позднее И.А. Талицкая и В.Ф. Генинг оставили это предположение под знаком вопроса.

Первую попытку поиска и исследования памятника предприняла Т.И. Останина в 1973 г. Принятая ею за искомое место обнаружения находок площадка размером 140×40–60 м (7000 кв. м) располагается в 0,7 км к СВ от д. Шалавенки, в 0,32 км от современного русла р. Сивы на выступе надпойменной террасы высотой 6–7 м. Она была разрушена силосными траншеями и занята зданиями фермы. При зачистках краёв траншей и в шурфе выявлен культурный слой мощностью до 49 см. Исследователь поставила под вопрос существование в данном месте могильника и утвердилась в этом окончательно после рекогносцировки 1979 г., в ходе которой пришла к выводу о местонахождении здесь селища, поскольку в шурфе зафиксированы две столбовые ямы, найдены 12 фрагментов лепной керамики различных оттенков – от темно-серого до светло-коричневого цвета с растительной и ракушечной примесью в тесте. Поселение было отнесено к мазунинской культуре III–V вв. В 1997 г. памятник обследовал Д.А. Салангин. Выяснилось, что

с площадки объекта исчезли здания ферм и изгороди, силосные траншеи превратились в единый котлован размером 100×70 м, а по территории селища в пойму, на поля и в д. Шалавенки проложены полевые дороги. Вопросы датировки дореволюционных находок, их происхождение и места обнаружения остались нерешёнными (см. № 98). В 2021 г. селище обследовано сотрудниками АОКН УР в рамках республиканского мониторинга. Установлено, что поверхность памятника частично распахивается, с нее была собрана лепная керамика светло- и темно-коричневого цвета, с примесью растительности в глиняном тесте.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121). Колл. НМУР, № 310, 332.

Сорокин, 1890, № 97; *Спицын*, 1893, с. 126; *Талицкая*, 1952, с. 89, № 673; *Генинг*, 1958, № 360; *Останина*, Отчёт 1973, с. 6–7; Отчёт 1979, с. 31–32; *Памятники...*, 1990, с. 56, № 530; *Салангин*, Материалы 1997; *Останина*, 2004а, с. 53, 216, № 141, 142; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 11, 69, 70, № 7, 22; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Хайруллина и др.*, 2022, с. 5.

57. Шалавенское II селище. М. тип, III–V вв., XVIII–XIX вв.; д. Шалавенки, правый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Обнаружено в 1979 г. Т.И. Останиной. Расположено в 0,5 км к северу от д. Шалавенки, в 3,2 км к СВ от д. Подгорная, в 0,5 км к СЗ от русла р. Сивы. Селище занимает высокий (40 м) подтреугольный мыс, образованный поймой реки и оврагом, по которому течёт ручей. Склоны и конец площадки мыса заросли лесом. Поверхность селища частично распахивается. Площадь памятника около 3500 кв. м (110×70 м), культурный слой (30 см) беден находками. На поверхности и в шурфе обнаружены обломок зернотерки из песчаника и 4 фрагмента лепной керамики светло-коричневого цвета с примесью растительности и битой раковины в тесте, типичной для мазунинской культуры III–V вв.

В 1997 г. памятник обследован сотрудником КВАЭ Д.А. Салангиным. Выяснилось, что западный (овражный) склон мыса, несмотря на залесенность, подвергся значительной эрозии: почти с самого верха и до дна оврага образовалось 4 промоины, одна из которых (восточная) начинается от края стрелки мыса, что угрожает сохранности памятника. С распаханной поверхности собраны фрагменты тёмно-серой круговой неполивной (3 фр.) и поливной (2 фр. с зелёной двусторонней глазурью) русской керамики, а также 3 обломка орнаментированной фаянсовой посуды (геометрические и растительные узоры, нанесённые коричневой, сиреневой и малиновой красками) (рис. 34), что позволяет датировать этот комплекс в пределах XVIII–XIX вв. В 2021 г. селище обследовано сотрудниками АОКН УР в рамках республиканского мониторинга. Поверхность памятника частично распахивается,

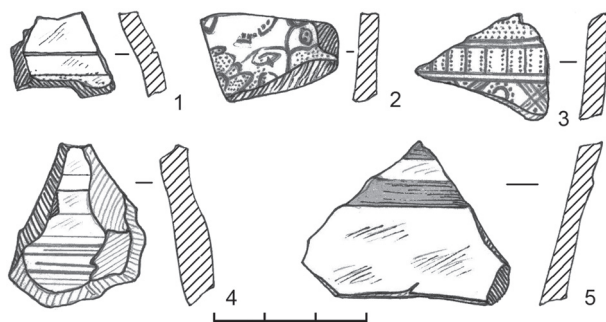

Рис. 34. Шалавенское II селище. Фрагменты посуды: 1, 4, 5 – круговая; 2, 3 – фаянс. Сборы Д.А. Салангина (1997)

зафиксированы многочисленные выворотни и завалы деревьев.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. НМУР, № 331.

Колл. УдГУ, № 2095.

Останина, Отчёт 1979, с. 29–30; *Памятники...*, 1990, с. 56, № 531; *Салангин*, Материалы 1997; *Останина*, 2004а, с. 53, 216, № 143; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 70, № 19; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Хайруллина и др.*, 2022, с. 5.

58. Шалавенское III селище. М. тип, III–V вв., XVIII–XIX вв.; д. Шалавенки, правый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Выявлено разведотрядом КВАЭ УдГУ в 1997 г. под руководством Д.А. Салангина в 0,35 км к ЮЗ от д. Шалавенки и в 0,5 км к СЗ от р. Сивы. Памятник расположен на надпойменной террасе высотой до 20 м, СВ склон которой порос смешанным лесом и переходит внизу в обрыв. Поле и склон террасы пересекаются трассой ЛЭП в виде буквы «П». Подъемный материал собран у южной опоры ЛЭП на площади 2400 кв. м (74×40 м). Представляет собой 5 мелких фрагментов лепной керамики светло-серого цвета с примесью органики в тесте, относящиеся к мазунинскому времени. Кроме того, найдены обломки русской круговой неполивной (3 фрагмента) и поливной (осколок, покрытый коричневой поливой изнутри и чёрной с белыми полосками по тулову – снаружи) посуды, фрагмент фаянсового изделия и половинка железной конской подковы (рис. 35), датирующиеся XVIII–XIX вв.

Колл. УдГУ, № 2094.

Салангин, Материалы 1997.

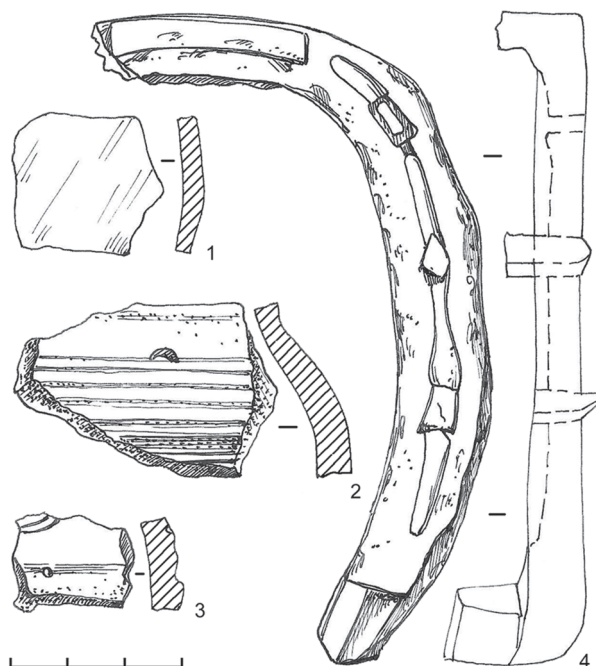

Рис. 35. Шалавенское III селище. Фрагменты фаянсового изделия (1), круговой посуды (2, 3) и железной подковы (4). Сборы Д.А. Салангина (1997).

Городища

59. Большекиварское I городище. М. тип, III–V вв.?. с. Большая Кивара (поч. Русанов, д. Большая Кивара), правый (?) берег р. Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Памятник впервые обследовал и описал в 1890 г. П.М. Сорокин. В 1892 г. объект упоминается, вероятно, в «Материалах по статистике Вятской губернии»: «Под усадьбой занято «чучкое городище». Наиболее профессионально описал городище А.А. Спицын, указавший, что оно «расположено на невысокой возвышенности (в откосе не выше 7–8 саж.) и имеет форму продолговатого прямоугольника». Он привёл размеры крепостных валов: параллельно берегу шёл вал длиной 55 саж., от него перпендикулярно к краю площадки отходили валы: западный (вдоль оврага) – 7 саж., и восточный – 23 саж. Длина берега тянется на 58 саж., но укреплений здесь не отмечено. Высота валов не превышала 1,5 арш. (около 1 м). Площадь городища – до 0,5 десятины (около 5000 кв. м), часть его занята избами и огородами. А.А. Спицын упоминает в одной из ям угольный слой, однако, со ссылкой на статью П.М. Сорокина, подчёркивает отсутствие здесь находок, в т. ч. черепков. Учёный замечает, что «такого рода укрепление едва ли могло быть для кого-либо грозным», и удивляется, что «строители городища не выбрали для него другого более удобного и высокого мыса, каких в окрестностях можно найти довольно много». Краткое описание памятника дали позднее Ф.В. Стрельцов и И.А. Талицкая.

В 1956 г. в ходе разведки В.А. Семёнова на предполагаемой им территории городища, занятой в восточной половине постройками, какие-либо оборонительные сооружения не были обнаружены. В результате осмотра распахиваемой поверхности на площади около 7000 кв. м обнаружен культурный слой мощностью до 35–50 см с находками лепной керамики (39 фрагментов), фрагмента пряслица и обломка плиты-зернотёрки. Сам же памятник был назван Большекиварским II селищем. В 1979 г. он осмотрен Т.И. Останиной, а в 1997 г. Д.А. Салангиным (см. № 3). Бросаются в глаза заметные несоответствия деталей в описании городища и селища. Во-первых, настораживает полное отсутствие на последнем признаков валов (возможно, распаханных?); во-вторых, выявление довольно мощного культурного слоя и приличного числа находок на селище в сравнении с отсутствием таковых на городище. Не исключено, что В.А. Семёнов обнаружил не остатки городища, а нашёл новое селище, топографически сходное с укрепленным поселением.

Сорокин, 1890, № 90; *Материалы...*, 1892, с. 67; *Спицын*, 1893, с. 126; *Талицкая*, 1952, с. 88, № 660; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 8–9; *Генинг*, 1958, с. 184, № 347; *Памятники...*, 1979, с. 82, № 54; *Памятники...*, 1990, с. 55, № 519; *Останина*, Отчёт 1979, с. 29, рис. 57а; *Салангин*, *Материалы* 1997; *Останина*, 2004а, с. 32, 214, № 69; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 11, 71, № 25; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

60. Большекиварское II городище (Лазарево поле). М. тип (?); с. Большая Кивара (поч. Русанов, д. Большая Кивара), левый берег р. Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Находится в 1,5 км к СВ от села, в 1 км к востоку от р. Кивары, в 3 км к западу от р. Лып, в 0,1 км к западу от полевой дороги с. Большая Кивара – с. Кельчино. Занимает СЗ часть вершины овальной возвышенности размером 210×60–75 м (высота 200 м в БСМ). Юго-восточная её часть (85×30–45 м), что в 50 м от городища, высится над этой площадкой еще почти на 10 м и отмечена на местности триангуляционным пунктом, а на картах – отметкой высоты в 209,8 м. Данная половина вершины известна у населения как «Урочище Высокий Мыс» и место находки «чучких ральников» (см. ниже, № 82). Рассматриваемое здесь городище ещё в конце XIX в. называлось жителями окружающих деревень Лазаревым полем, на котором находилось «Чучкое» городище, где постоянно «горит свеча» и где были найдены ральник и медная вещь наподобие сабли. Упоминалось А.А. Спицыным, Ф.В. Стрельцовым, Д.В. Шабердиным, И.А. Талицкой.

В 1956 г. памятник обследован сотрудником УАЭ В.А. Семёновым. Площадка укреплена двумя валами и рвами, в отдельных местах высота валов достигает 1 м. Поверхность залесена, но ранее распахивалась. Площадь его 1400 кв. м (70×30–65 м). Культурный слой не обнаружен, находок нет. В 1979 г. памятник посетила Т.И. Останина. В 1997 г. городище осмотрено сотрудником КВАЭ Д.А. Салангиным, какой-либо новой информации не выявлено. Отнесение памятника к числу мазунинских условно.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Материалы..., 1892, с. 67; *Спицын*, 1893, с. 126; *Шабердин*, 1928, с. 65; *Талицкая*, 1952, с. 88, № 661; *Семенов*, Отчёт 1956, с. 7–8; *Генинг*, 1958, с. 184, № 346; *Останина*, Отчёт 1979, с. 29; *Памятники...*, 1979, с. 95, № 239; *Памятники...*, 1990, с. 56, № 532; *Салангин*, *Материалы* 1997; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 11, 71, № 27; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

61. Воткинское городище. М. тип, III–V вв. н.э., XIX–XX вв.; г. Воткинск, правый берег р. Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Занимает 16-метровый трапециевидный мыс, южная часть которого разрушена территорией Завода радиотехнического оснащения (РТО). Старожилы города называют

площадку памятника «Чёртовым городищем». С напольной стороны поселение изначально было укреплено тремя валами и рвами. Первоначальная площадь памятника составляла около 20000 кв. м. В настоящее время уцелело всего около 4000–5000 кв. м, т. е. четвертая часть, а восточная часть еще и распахивается. Культурный слой до 60 см. Первое описание памятника (его автор – священник Воткинского завода В.Е. Блинов) появилось в 1838 г. в ВГВ, где были отмечены находки железных орудий. Эти сведения привел в 1859 г. П.В. Алабин. В конце XIX в. городище неоднократно посещалось археологами. Так, в 1881 г. на поселении производил раскопки П.А. Пономарёв, в 1887 г. – А.А. Спицын, обнаруживший обломки жерновов, угли, шлаки, фрагменты керамики. Городище не раз упоминается и в «Материалах по статистике...» 1892 г. В 1926 г. поселение осмотрел Ф.В. Стрельцов и нашёл черепки с примесью раковины. В 1928 г. его описал Д.В. Шабердин. В 1974 г. памятник обследован Т.И. Останиной, ещё зафиксировавшей с напольной стороны остатки трёх валов и трёх рвов, позднее снесенных при строительстве завода. Ею найдены 20 фрагментов лепной керамики с примесью в тесте растительности и битой раковины. Памятник осмотрен в 2007 г. разведгруппой КВАЭ с участием автора, Т.А. Цыгвинцевой и начальника сектора аппарата главы муниципального образования «Город Воткинск» Т.В. Кривилёвой с целью определения перспектив охранных раскопок памятника, при этом было собрано несколько фрагментов лепной керамики.

Летом 2008 года отрядом КВАЭ под руководством В.А. Бернц на СВ части городища проведены рекогносцировочные раскопки площадью 200 кв. м. В проведении работ большую помощь оказали администрация г. Воткинска и руководство завода РТО, а в полевых работах, помимо сотрудников КВАЭ, участвовали и учащиеся образовательных учреждений города.

Поверхность площадки памятника имела многочисленные поздние перекопы, связанные как с устройством здесь стрельбища, так и произведённые с неясной целью. Ко времени существования древнего поселения отнесено 13 ям различного назначения, 52 столбовых ямки, а также культурный слой (светло-серая супесь) мощностью до 34 см. При этом чётких планиграфических закономерностей расположения объектов не выявлено. В ходе обследования получена лепная керамика (рис. 36: 10–17) (около 500 фрагментов, из которых выделено 125 сосудов) разнообразной цветности, но с преобладанием коричневого (40,8%), серого (42,4%), реже – серо-коричневого (15,2%), единично – чёрного (1,6%) цвета. Из примесей к глине господствует органика (88%) и мелкий песок (54,4%), реже встречаются раковина (18,4%), шамот или обожжённая глина (12,8%)²⁴. Преобладают венчики округлые, приостренные, плоскосрезанные. Форма

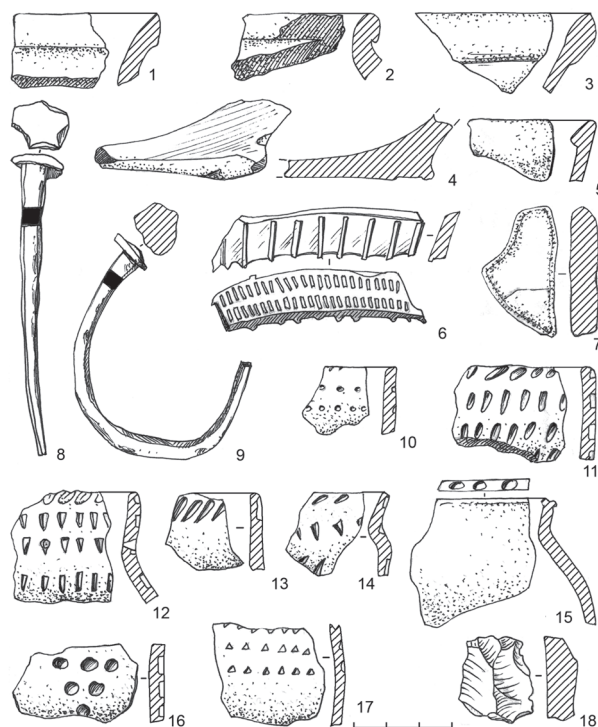

Рис. 36. Воткинское городище. Круговая (1–5) и лепная (10–17) керамика, осколок медного снаряда (6), каменный абразив (7), железные гвозди (8, 9), скребок из кремня (18). Раскопки В.А. Бернц (2008)

²⁴ Цифры превосходят 100%, т. к. технологические схемы изготовления посуды многокомпонентны.

сосудов: круглодонные с раструбообразными, блоковидными или цилиндрическими горловинами. Часть посуды орнаментирована рядами наклонных насечек, округлых или треугольных ямок. Керамический комплекс характерен для мазунинских памятников IV–V вв. н.э. На раскопе найдены также куски обмазки, сырые и кальцинированные кости и зубы животных, частью относящиеся к этому же времени. Два галечниковых отбойника конусовидной формы размером 4,5×4,5×4,7 см и овальной (10,6×4,3×4,2 см) и кремнёвый концевой скребок (2,6×2,2×1,0 см) (рис. 36: 18), возможно, связаны с каменным или бронзовым веком и попали сюда случайно.

Кроме того, на памятнике выявлен и русский комплекс (рис. 36: 1–9): круговая посуда, изготовленная из красножгущихся глин (25 фрагментов). Она покрыта с обеих сторон или только с внутренней бесцветной (коричневой) или оливковой поливой. Найдены горшки с площадкой под крышку, с округлым утолщением венчика с внешней стороны. Миски или крупные чашевидные изделия имели венчики с наплывом или утолщением с внешней стороны. Кухонные неполивные сосуды лепились в основном из серожгущейся глины и имеют тёмно-серый или чёрный цвет. Интересна верхняя часть горшка с отогнутым и приостренным под крышку венчиком, покрытая с обеих сторон зелёной поливой. К русскому времени относятся также кованные железные гвозди (8 экз.), кусок кирпича, фрагмент фаянсового изделия, обломок керамической плитки, абразивы из песчаника. Данный комплекс увязывается с бывшей здесь по соседству д. Городище и с функционированием посёлка Воткинский завод – г. Воткинск и датируется XIX–XX вв., в т. ч. советской монетой 1946 г. (2 коп.). Самые поздние находки – осколки железных корпусов разорвавшихся снарядов – связаны с сооружениями стрельбища и действующим заводом РТО.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. НМУР, № 314.

Колл. УдГУ, № 2194.

О курганах..., 1838, № 25; *Алабин*, 1859, № 30; *Отчёт о действиях...*, 1874, с. 27; *Материалы...*, 1892, с. 67–69; *Спицын*, 1893, с. 107–109; *Шабердин*, 1928, с. 65; *Талицкая*, 1952, с. 86–87, № 647; *Генинг*, 1958, с. 182–183, № 334; *Останина*, Отчёт 1974, с. 86–87; *Памятники...*, 1979, с. 95, № 240; *Памятники...*, 1990, с. 56, № 533; *Останина*, 2004а, с. 35, 214, № 79; *Бернц*, Отчёт 2008; *Бернц и др.*, 2011, с. 340–341; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 70, № 11; *Макаров*, 2013, с. 27–29, 32, 34.

62. Дубровинское городище²⁵. (?); д. (поч.) Дубровино (Ложкомой), д. (выс.) Самолёт (Жбановка), правый берег р. Лып, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

В «Подворной книге Сарапульского уезда» (1892 г.) сообщается, что ниже по течению р. Лып «лежит старинное городище полукруглой формы, с заметными остатками земляного вала, около которого проведен ров в арш. глубины». Более подробные описания памятника привели П.М. Сорокин и А.А. Спицын. Городище располагалось в 1,5 верстах к югу от починка Дубровино и имело форму неправильного четырехугольника в виде ромба, занимая невысокую возвышенность между долиной р. Лып и ложбиной с небольшим безымянным ручейком. Вдоль ложбины идёт вал длиной в 55 сажений, плавным изгибом переходящий на площадку поселения, но не достигающий до берега 11 сажений. Другим концом вал перегибается крутым углом и тянется на 22 сажени. Площадка городища наполовину распахана, при этом один крестьянин нашёл на пашне небольшой железный топорик. Эти данные приведены также Ф.В. Стрельцовым, Д.В. Шабердиным, И.А. Талицкой, В.Ф. Генингом, в каталоге 1990 г. Разведкой 1956 г. под руководством

²⁵ Местонахождение городища на карте указано предположительно.

сотрудника УАЭ В.А. Семёнова городище не найдено, хотя условно связывалось с обнаруженным им же в 0,5 км от деревни Дубровинским I селищем (см. № 8). Судя по топографическим деталям и расстоянию от деревни, данное предположение ошибочно. Вероятнее всего, городище располагалось в 2,0–2,5 км к югу от Дубровино, к северу от д. (выс.) Самолёт через ложбину с ручьём, что, конечно, требует проверки в поле.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Сорокин, 1890, № 90; *Материалы...*, 1892, с. 67; *Спицын*, 1893, с. 125; *Шабердин*, 1928, с. 65; *Талицкая*, 1952, с. 89, № 670; *Семенов*, Отчёт 1956 г., с. 2–3; *Генинг*, 1958, с. 185, № 354; *Памятники...*, 1990, с. 57, № 534; *Справочник...*, 1995, с. 237.

63. Малокиварское (Чёртово, Чучково) городище. М. тип; бывш. д. Малая Кивара (Опалиха), с. Кельчино, левый берег р. Кивара (Кельчинка), правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Находится в 1,5 км к ВЮВ от д. Малая Кивара (Опалиха) (снята с учёта указами 1976 и 1977 гг.), в 2 км к югу от с. Кельчино и в 3,2 км к С от с. Большая Кивара, на высоком трапециевидном мысу, заросшем лесом. На берегу реки, к югу от обрывистой стрелки мыса, сохранилась насыпь старой плотины длиной 30 м. Городище ранее распаивалось, остатки двух валов с напольной стороны сохранились частично. На середине площадки плохо прослеживаются остатки еще одного вала. Площадь 13000 кв. м (130×50–150 м). Мощность культурного слоя до 20 см.

Городище впервые исследовано в 1956 г. В.А. Семеновым, хотя в литературе оно известно, начиная с 1890-х гг. По информации, полученной от местных жителей, здесь в конце XIX в. находили топоры, а в 1938–1939 гг. – каменные жернова. В ходе разведочных работ обнаружена лепная керамика (6 фрагментов) светло-коричневого цвета с примесью песка и растительности в тесте. В ходе мониторинга, в 2021 г., установлено, что площадка городища заросла густым смешанным лесом, остатки укреплений, фиксировавшиеся В.А. Семеновым, уже не прослеживаются, стрелка мыса разрушается оврагом. В обнажениях найдены фрагменты лепной керамики светло-коричневого цвета, с примесью в тесте толченых створок речных раковин, растительности и песка, кусок шлака.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. НМУР, № 127.

Сорокин, 1890, № 92; *Материалы...*, 1892, с. 67, 68; *Спицын*, 1893, с. 125; *Шабердин*, 1928, с. 65; *Талицкая*, 1952, с. 88, № 664; *Семенов*, Отчёт 1956, с. 12–13; *Генинг*, 1958, с. 185, № 350; *Памятники...*, 1979, с. 95, № 242; *Памятники...*, 1990, с. 57, № 535; *Справочник...*, 1995, с. 247; *Останина*, 2004а, с. 43, 205, № 106; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Хайруллина и др.*, 2022, с. 4.

64. Паздеровское городище. А.к., Ч.к., III–I вв. до н.э.; бывш. д. Паздеры, правый берег р. Кама.

Памятник расположен в 200 м к З от восточной окраины бывш. деревни Паздеры, в 22,4 м к югу от кладбища и в 2,2 км к СВ от д. Сидоровы Горы на мысу коренного берега Камы. Площадка городища ограничивается рекой и двумя оврагами, по дну западного течет ручей, впадающий в Каму. С северной (напольной) стороны оно защищено двумя валами и двумя рвами подковообразной конфигурации, длина валов 75 м, высота 1,5 и 2 м от дна рва, длина рвов 70 м, глубина 0,5–0,7 м. Площадка памятника треугольная, с заметным уклоном к югу (перепад высот от внутреннего вала до края обрыва – около 10 м), ширина её в основании 70 м, длина до вала 50 м, общая площадь 3500 кв. м. Поверхность

задернована, залесена, никогда не распахивалась. Мыс пересекает проселочная дорога от Камы через кладбище в д. Сидоровы Горы.

Памятник «при д. Горы» обнаружен А.А. Спицыным в 1888 или 1889 г. с борта парохода. Он обратил внимание на сильное разрушение городища со стороны реки и покрытие его мелколесьем. Кроме того, археологу удалось схематично зарисовать рельеф городища, но вследствие дальности расстояния культурный слой в обрывах оказался неразличим. В 1914 г. поселение «близ д. Сидоровы Горы» обследовал Л.А. Беркутов, а позднее, очевидно, Ф.В. Стрельцов²⁶. Памятник вновь был открыт в 2007 г. разведгруппой КВАЭ под руководством Т.А. Цыгвинцевой. При осмотре обнажений дороги обнаружено 3 фрагмента лепной неорнаментированной керамики светло-коричневого цвета с примесью органики в тесте. Аналогичная посуда присуща находкам с ананьинско-раннечегандинских поселений Среднего Прикамья, датирующихся серединой – концом I тыс. до н.э.

В 2023 г. городище осмотрено сотрудниками АОКН УР. Установлено, что склоны и стрелка мыса осыпаются, на площадке между валами зафиксированы следы кострищ и бытовой мусор. Из обнажений слоя собраны мелкие неорнаментированные куски лепной керамики светло- и темно-коричневого цвета, с примесью органики в тесте.

В 2025 г. сотрудниками ООО «НПЦ ПрикамАрхеология» выполнено детальное археологическое обследование городища: снят инструментальный план, заложены шурфы, определены границы территории. В соответствии с уточненными данными, городище имело три вала (два с напольной ССЗ стороны и один – в ЮВ мысовой части). Вал высотой до 0,4 м, шириной 2,2–2,3 м сильно разрушен поздними ямами (очевидно, для добычи природного камня); сохранился двумя участками длиной 8,5 и 12 м. Параметры валов в напольной части: высота первого (внешнего) – до 2,5 м, ширина в основании 17–18 м, длина 80 м; второго (внутреннего) – высота 1,2–4,2 м, ширина 18–20 м, длина 75 м. За рвом в 10–15 м от его внешнего края, на напольной части располагается кладбище бывшей д. Паздеры, действующее до сих пор. Культурный слой мощностью 15–38 см – темно-серый суглинок с находками фрагментов керамики и глиняной обмазки – выявлен в ЮЗ и ЮВ частях площадки. Из слоя происходят фрагменты лепных горшковидных сосудов, тонко- и толстостенных, с примесью мелкотолченой раковины, орнаментированных по шейке гребенчатым штампом, рядами шнура и неглубоких ямок.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 03.11.2023 г. № 137).
Колл. УдГУ, № 2189.

Колл. ООО «НПЦ ПрикамАрхеология», № 19.

Спицын, 1893, с. 109; *Отчёт со дня основания...*, 1915, с. 18; *Шабердин*, 1928, с. 69, прим. 1 Ф.В. Стрельцова; *Цыгвинцева*, Отчёт 2007, с. 25, рис. 2, 3, 30–36; *Цыгвинцева и др.*, 2010, с. 392–393; *Макаров*, 2013, с. 29, 32–34; *Перевозчикова*, 2013, с. 3; *Черных*, *Перевозчикова*, 2013, с. 65, 83, № 5; *Хайруллина и др.*, 2024, с. 6–7; *Карпушкина*, Отчёт 2025, с. 23–37.

65. Перевознинское городище. М. тип; с. Перевозное, левый берег левого безымянного притока р. Перевозная, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Расположено в 2 км к ЗСЗ от села, в 800 м к югу от дороги Перевозное – Ольхово, на невысокой стрелке подтреугольного мыса высотой 15 м, образованного двумя оврагами, сходящимися к ручью. Площадка городища задернована и засажена ельником.

²⁶ Материалы о работах Л.А. Беркутова в 1913 г., обнаруженные в ЦГА УР (фонд Музея Сарапульского земства), убеждают, что археолог описывал другое городище, а именно у д. Сидоровы Горы. Городище обнаружено в ходе разведочных работ 2025 г. сотрудниками ООО «НПЦ ПрикамАрхеология», и в настоящий момент выполнена только фотофиксация нового объекта (прим. ред.).

С напольной стороны оно укреплено одним рвом и валом длиной 30 м, высота вала 3,0 м, ров достигает глубины в 2 м при ширине 5 м. Площадь памятника 748 кв. м. Культурный слой отсутствует. Городище обследовано в 1914 г. Л.А. Беркутовым, затем дополнительные сведения в 1920-х гг. опубликовал Д.В. Шабердин. В 1956 г. памятник обследован В.А. Семёновым, который отнес городище к мазунинской культуре. Поселение осмотрено Д.А. Салангиным (2003 г.).

В 2021 г. при осмотре памятника сотрудниками АОКН УР установлено оползание западного склона городища. В 2022 г. А.Н. Кирилловым отмечена хорошая сохранность оборонительных укреплений и памятника в целом, выполнена топографическая съёмка памятника, материал в шурфах обнаружен не был.

Объект культурного наследия федерального значения (учетный номер в ЕГРОКН – 181540324250006, приказ МК РФ от 20.11.2015 г. №19327-р).

Отчёт музея..., 2015, с. 5; *Шабердин*, 1928, с. 64; *Талицкая*, 1952, с. 86, № 644; *Семенов*, Отчёт 1956, с. 19; *Генинг*, 1958, № 331; *Памятники...*, 1979, с. 95, № 243; *Памятники...*, 1990, с. 57, № 536; *Салангин*, Отчёт 2003, с. 14–15, рис. 7-15; *Салангин*, *Салангина*, 2004, с. 336; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Перевозчикова*, 2013, с. 3, 6; *Черных*, *Перевозчикова*, 2013, с. 65, 72, 82, № 2; *Хайруллина и др.*, 2022, с. 5; *Кириллов*, Отчёт 2022, с. 30–35; *Кириллов*, *Кириллов*, 2023, с. 13–14.

66. Сидоровы Горы (Сидоровогорское), городище. Не датировано; д. Сидоровы Горы, левый берег ручья, правого притока р. Кама.

По описанию Л.А. Беркутова, побывавшего на городище накануне Первой мировой войны, мыс, на котором расположено городище, находится в 200 саженях от д. Сидоровы Горы и 1 версте от Камы. Он образован глубоким оврагом, по дну которого протекает обильный ручей, и двумя впадающими в него оврагами также с водотоками. В описании самой площадки городища указывается только один вал, длиной 14,5 саженей, который «сильно пострадал от сохи и атмосферных осадков», и ров шириной 2 аршина (совр. 1,4 м). Площадка представляла в плане узкий изогнутый мыс, обращенный острием к югу; размеры указаны следующие: длина 41 сажень (около 87 м), ширина 12 саженей (около 25 м). По информации Беркутова, городище в это время было свободным от леса (за исключением части вала и «правой стороны»), распахивалось под посеvy. Культурный слой толщиной до 6 вершков, был отмечен у восточной стороны вала.

В 2025 году сотрудниками ООО «ПрикамАрхеология» городище было вновь найдено в ходе разведочных работ по определению границ территории. Его местоположение (0,5 км к востоку от деревни) и внешний вид с одним напольным валом соответствуют описаниям Л.А. Беркутова. От Паздеровского городища объект удален на 2 км к западу. Городище обследовано рекогносцировочно: выполнены фотофиксация и координирование.

Беркутов, Описание за 1913 г., с. 24–25; *Карпушкина*, Отчёт 2025, с. 29–30, рис. 77–83.

67. Среднекиварское (Таракановское, Ошмарино поле, Липовское) городище. М. тип; с. Большая Кивара (поч. Русанов, д. Большая Кивара), правый берега р. Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Расположено в 1,2 км к западу от села, в 1 км к ЮВ от тракта с. Кельчино – г. Воткинск, в 2,7 км к ЮВ от д. Липовка, в 4 км к ССВ от пос. Пихтовка – так стала называться с 1977 г. бывш. д. Тараканово (Средняя Кивара). Занимает мыс языковидной формы, ограниченный двумя оврагами. Площадка мыса, возвышенная в центре и укрепленная двумя валами и рвом, опускается на ЮЗ к заболоченной долине, по которой протекает ручей Брузжиха, правый приток р. Кивары. Расстояние между валами составляет от 15 (на севере) и 20 (на юге) до 40 (на востоке) м. Длина внутреннего вала 104 м, наружного – 203 м, высота

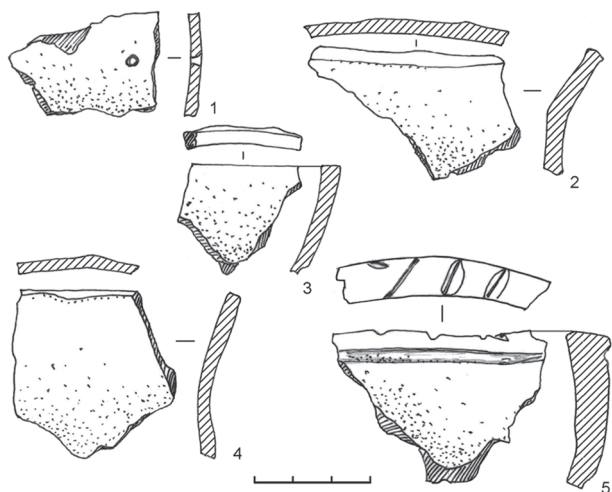

Рис. 37. Среднекуйварское городище.
Фрагменты керамики

их – от 14–20 до 50–60 см. К наружному скату внутреннего вала примыкает ров длиной до 70 м, шириной 4–5 м, глубиной 15–20 см. Укрепления городища частично распахивались, мыс был задернован. Площадь памятника 10400 кв. м (250×70–170 м). В археологической литературе городище известно с конца XIX в. (см. публикации П.М. Сорокина, А.А. Спицына, И.А. Талицкой), в частности, сообщалось о находках тонких жерновов.

В 1956 г. поселение обследовал В.А. Семёнов, отметив, что середина площадки разрушена двумя большими карьерами по добыче гравия общей площадью 60×50 м. Зачистка краёв одного

из карьеров дала следующую стратиграфию: слой дёрна (2–3 см) с находками керамики; светло-серый культурный слой (8–10 см), также содержащий керамику; подстилающий слой – гравий. В других местах мощность слоя достигала от 15 до 20 см. Лепная посуда (19 фрагментов) светло-жёлтого и светло-серого цвета с примесью песка и растительности, один из фрагментов украшен ямками. Предварительно городище датировано IV–VI вв. и отнесено В.Ф. Генингом к полоумской культуре. Культурная принадлежность керамики позднее была пересмотрена Т.И. Останиной; датирована мазунинским временем.

В 1985 г. разведгруппа КВАЭ констатировала почти полное разрушение памятника, обследование свелось к изучению остатков культурного слоя и сбору керамического материала из обрушившихся краёв карьера. Всего найдено 74 фрагмента лепной неорнаментированной керамики (6 венчиков, 68 стенок) светло-коричневого, светло- и тёмно-серого цвета, толщиной 3–10 мм, с примесями толчёной раковины, растительности, песка в тесте. Сосуды имели вертикальные или отогнутые наружу венчики с овальными или плоскими срезами и небольшими наплывами по обе стороны, один из срезов украшен косыми насечками (рис. 37). В одной из стенок имеется сквозное отверстие. Найдены также 2 фрагмента глиняной обмазки и крупный кусок шлака. Обнаруженный материал относится к мазунинскому типу чегандинской культуры. В настоящее время памятник окончательно разрушен и зарос лесом.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. НМУР, № 130.

Колл. УдГУ, № 1513.

Сорокин, 1890, № 97; Спицын, 1893, с. 126; Талицкая, 1952, с. 88, № 663; Семёнов, Отчёт 1956, с. 9–10; Генинг, 1958, с. 184–185, № 349; Памятники..., 1979, с. 96. № 244; Васильева, Материалы 1985; Памятники..., 1990, с. 57. № 537; Справочник..., 1995, с. 247; Останина, 2004а, с. 48, 215, № 122; Макаров, 2013, с. 29, 34.

68. Степановское I городище (Чёртово, Лёвина гора). А.к., IV–III вв. до н.э., Ч.к., III в. до н.э. – II в. н.э., XVIII–XIX вв.; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Памятник впервые обнаружен в 1953 г. разведгруппой КАЭ ПГУ под руководством А.В. Кокарева. При зачистке стенок кладоискательской ямы зафиксирована следующая стратиграфия: под тёмным дёрном толщиной до 12 см отложился слой светло-коричневой глины с находками мощностью до 40 см, подстилающий слой – светло-серая глина. В культурном слое обнаружены два небольших фрагмента керамики, позволившие

отнести памятник к железному веку. Эта же датировка указана в имеющемся в КАЭ ПГУ списке. Данные о городище оказались в распоряжении сотрудников КВАЭ во второй половине 1980-х гг., когда сведения о поселении, известном у сельчан как «Лёвина гора» или «Чёртово городище», сообщил местный краевед Д.Г. Исупов. Сотрудник КВАЭ УдГУ Н.В. Водолаго осмотрел памятник, провел шурфовку площадки, зачистку обнажений и набросал условную схему расположения поселения. Более основательную разведку в 1989 г. провела разведочная группа КВАЭ под руководством И.С. Широковой, а детальный топографический план был снят Л.Д. Макаровым.

Городище расположено в 2,2 км к ВСВ от села, на высоком берегу СВ части полуострова, образованного заливом и водохранилищем. Занимает мыс трапециевидной формы размером с запада на восток 80–100 м (стрелка мыса обрушилась в обрыв), с севера на юг – 90–140 м, высотой 65 м. Площадка памятника ограничена с запада обрывом, с севера и юга – пологими склонами. С напольной стороны городище площадью 8520 кв. м защищено слегка изогнутыми и сильно оплывшими рвом и валом. Глубина рва около 1 м, ширина – 6 м. Вал длиной 140 м имеет ширину от 3,5 м в центральной части, до 8 м по краям, его высота – 1,2 м. Со стороны оврага городище защищено еще одним валом длиной около 85 м, шириной 8 м и высотой 2 м. Расстояние между валами составляет 50 м. Северная часть площадки памятника залесена, в обнажениях обнаружены фрагменты лепной керамики с примесью раковины и кости животных, что позволило предварительно отнести городище к раннему средневековью.

Стационарные раскопки, проведенные на городище Е.М. Черных в 1993 г., позволили скорректировать датировку памятника. На четырех раскопах общей площадью 308 кв. м выявлены разновременные остатки. Позднеананьинские древности (IV–III вв. до н.э.) обнаружены вместе с фрагментами оборонительных укреплений на мысовой части (рис. 38: 1–6). Пьяноборская керамика выявлена в верхних горизонтах мысовой части и в северной половине площадки близ вала, что дало возможность говорить о сооружении внешней системы обороны в это время (III в. до н.э. – II в. н.э.). На этой же площадке обнаружены остатки русской каркасно-столбовой постройки сезонного характера с находками круговой керамики, грузил и бытовых металлических вещей XVIII–XIX вв. (рис. 38: 7–19).

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Колл. КАЭ ПГУ, № 358.

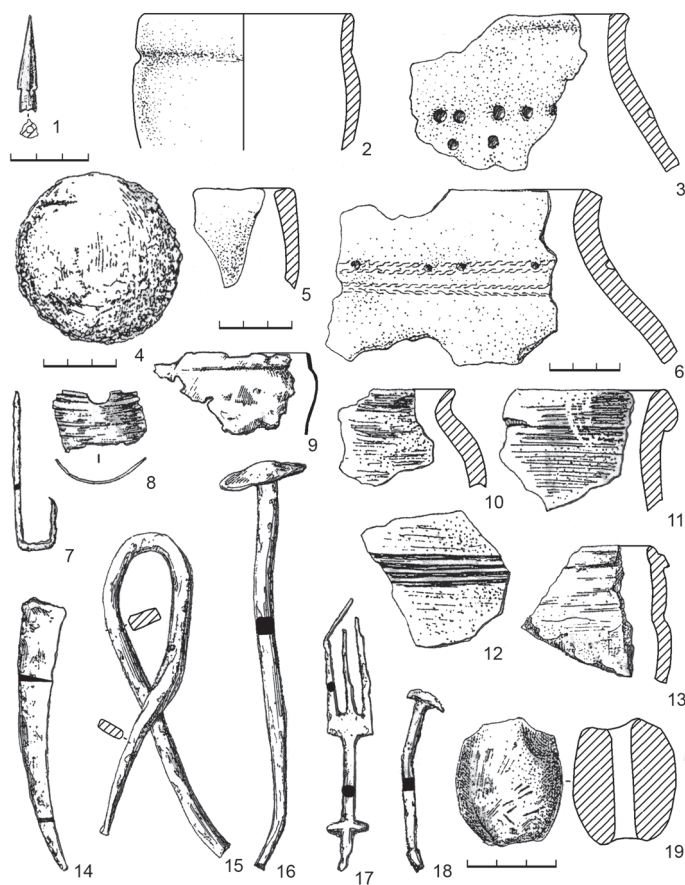

Рис. 38. Степановское I городище. Посуда и вещевой инвентарь: керамика (2, 3, 5, 6, 10–13), медный наконечник стрелы (1), каменный шар (4), медная пластина (8), фрагмент чугунного котелка (9), железные орудия (7, 14–18), глиняное грузило (19). Раскопки Е.М. Черных (1993)

Колл. УдГУ, № 1834, 1863.

Кокарев, Отчёт 1953, с. 4, рис. III, VIII; Список КАЭ ПГУ за 1953 г., разведка А.В. Кокарева; Водолаго, Материалы 1989; Широбокова, Отчёт 1989, с. 14–15; Черных, Отчёт 1993; 2000, 32 с.; Макаров, 2013, с. 31, 33, 34; Хайруллина и др., 2024, с. 6.

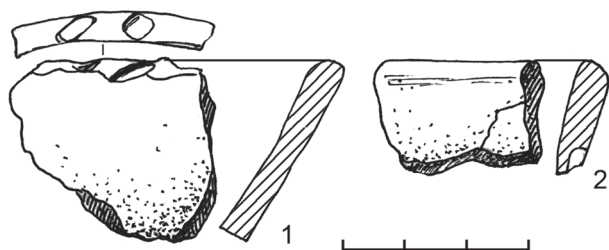

Рис. 39. Степановское II городище. Лепная керамика. Сборы Д.А. Салангина (1997)

69. Степановское II городище. РЖВ; с. Степаново, слияние рр. Степановка и Берёзовка, правый приток р. Кама.

Поселение обнаружено разведгруппой КВАЭ под руководством Д.А. Салангина в 1997 г. Памятник расположен в месте слияния рр. Степановка и Берёзовка (Степановский залив Воткинского водохранилища), занимает подтреугольный мыс высотой более 3 м, что в 2 км

к СВ от с. Степаново, в 2,4 км к ЮЮВ от д. Теребиловка. Стрелка мыса размывается водохранилищем, площадка с южной стороны и по склонам залесена, поверхность задернована. С севера сохранился дугообразный вал длиной 120 м, шириной 8–10 м, высотой до 2 м. Сохранившаяся площадь городища – 7500 кв. м (110×140 м), первоначальная – 10500 кв. м (150×140 м). В разрушенной части мыса собраны единичные фрагменты лепной керамики серо- и светло-коричневого цвета с примесью толченой раковины в тесте, в т. ч. обломок косо срезанного наружу венчика с частью круглой ямки от орнамента и фрагмент отогнутого наружу венчика, с украшенным вдавлениями срезом (рис. 39). Поселение датируется эпохой раннего железного века и предположительно относится к ананьинско-раннечегандинскому времени.

В ходе мониторинга 2023 г. АОКН УР установлено неудовлетворительное состояние склонов городища, подверженных осыпанию; на стрелке мыса отмечены кострища и бытовой мусор.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 03.11.2023 г. № 137). Колл. УдГУ, № 2050.

Салангин, Отчёт 1997, с. 36–37, рис. 187, 189, 190, 191–1; Черных, 2000, с. 12; Макаров, 2013, с. 31, 33; Хайруллина и др., 2024, с. 6–7.

70. Степановское III (Батуево) городище. ?; с. Степаново, правый берег р. Кама.

Сведения о памятнике, известном у местных жителей как «Батуево городище», поступили от местного краеведа Д.Г. Исупова сотруднику КВАЭ УдГУ Н.В. Водолаго. По сообщению последнего, сославшегося на описание краеведа, объект располагался примерно в 1 км ниже Степановского I городища на прибрежном останце. Однако проверить данное утверждение археологу не удалось. В 1989 г. Л.Д. Макаров обнаружил предположительное его местоположение гораздо ближе – в 230 м к ЮЮВ от Степановского I городища, с площадки которого к объекту ведёт тропа. Это залесенное холмообразное возвышение круглой формы диаметром 120 м и высотой 20–28 м над урезом водохранилища, частично разрушенное с ВЮВ обрывистым берегом. Останец сложен супесью, каких-либо находок, укреплений и следов построек не выявлено. Правда, обследование ограничилось визуальным осмотром, какой-либо шурфовки не проводилось. Возможно, это образование естественного происхождения, однако народное обозначение требует его более тщательного археологического обследования.

Водолаго, Материалы 1989 г.; Широбокова, Отчёт 1989 г., с. 14–15, рис. 23.

71. Шалавенское городище. М. тип; д. Шалавенки, правый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Расположено в 0,250 км к западу от р. Сива, в 0,8 км к ЮЗ от д. Шалавенки, в 1,1 км к востоку от д. Подгорная, на длинном узком мысу подпрямоугольной формы размерами 270×135 м, площадью 18500 кв. м, высотой 55–57 м от уровня поймы. С СЗ площадка ограничена оврагом, с запада – склоном обширного лога, с востока и юга – склоном коренного берега р. Сива. У подошвы мыса, проходит действующая дорога Подгорный – Шалавенки. Склоны мыса поросли лесом, площадка городища была распахана и засажена хвойным лесом. Городище было укреплено валом, который в настоящее время в некоторых местах сильно разрушен; размеры сохранившейся части: длина 90 м, высота 10–40 см. Памятник известен в литературе с конца XIX в. (в частности, сообщалось о находке железной лопатки-молота), в 1956 г. обследован сотрудником УАЭ В.А. Семёновым. Культурный слой был незначителен (24 см), найдены три фрагмента лепной керамики темно-серого цвета с примесями песка и растительности в глиняном тесте. В 1979 г. памятник исследовала Т.И. Останина. В 2003 г. разведгруппой КВАЭ УдГУ под руководством Д.А. Салангина проверена сохранность городища по постановке его на государственный учет. Выяснилось, что укрепления распаханы окончательно, как и площадка, культурный слой, по-видимому, уничтожен.

В 2022 г. городище обследовано разведочной группой А.Н. Кириллова (ООО «Центр реставрации и сохранения памятников», г. Саратов); выполнена топографическая съемка, установлены грунтовые реперы, заложены 2 шурфа. В шурфах материал не обнаружен. Отмечено, что площадка находится под посадками соснового леса.

Объект культурного наследия федерального значения (учетный номер в ЕГРОКН – 181540324260006, приказ МК РФ от 20.11.2015 г. №19145-р).

Колл. НМУР, № 129.

Сорокин, 1890, № 96; *Материалы...*, 1892, с. 70; *Спицын*, 1893, с. 125, 127; *Талицкая*, 1952, с. 89, № 672; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 10–11; *Генинг*, 1958, с. 186, № 359; *Останина*, Отчёт 1979, с. 30, рис. 62; *Памятники...*, 1979, с. 96, № 245; *Памятники...*, 1990, с. 57, № 538; *Салангин*, Отчёт 2003, с. 13–14, рис. 1-6; *Салангин*, *Салангина*, 2004, с. 336; *Останина*, 2004а, с. 52, 216, № 140; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 11, 70, № 20; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Кириллов*, 2022, с. 24–29.

Могильники

72. Болгурский могильник (Пупыш). XVIII–XIX вв. (?); с. Болгуры, левый берег р. Болгуринка, правого притока р. Малая Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

По сообщению «Подворной книги» Сарapulьского уезда (1892 г.) первое кладбище с. Болгуры (село образовано более 100 лет назад выходцами из д. Пустая Кварса) располагалось на высоком (свыше 180 м над уровнем моря) конусовидном холме, носящем народное название «Пупыш» (или «Купыш») и являющемся памятником природы. В геологическом плане это пуга, сложенная песчано-галечным материалом. Холм высится в 0,23–0,35 км к северу от средней части села, на левом (северном) берегу речки Болгуринки, в 0,45 км к западу от полевой дороги из д. Болгуры в д. Гришанки. Поверхность задернована, восточный, северный и западный склоны поросли лесом (ель, осина, рябина, можжевельник, бересклет). Площадка и часть склона изрыты грабительскими раскопками, заметны также шурфы и траншеи археологов. Сведения о памятнике имеются в описаниях Д.В. Шабердина, Ф.В. Стрельцова, И.А. Талицкой, В.Ф. Генинга. Разведка В.А. Семенова в 1956 г. не обнаружила ни могил, ни культурного слоя. В 2006 г. возникла опасность

коммерческого использования холма: планировалось соорудить две горнолыжные трассы для скоростного спуска, сопроводив их соответствующими коммуникациями: подъездной дорогой и гостиничными удобствами, т.е. над комплексным памятником природы «Ландшафтное урочище „Болгуры“» нависла реальная угроза утраты. С целью предотвращения последней 22 августа 2006 г. научным сотрудником УИИЯЛ УрО РАН А.Г. Ивановым проведено обследование памятника, показавшее его плачевное состояние и разрушение чёрными копателями. В процессе осмотра, шурфовки и зачистки ям каких-либо находок найдено не было. В июне 2016 г. автором холм осмотрен, нарисован его схематический план, произведена фотосъёмка. Свежих следов действия копателей не обнаружено. Вопрос о местонахождении здесь кладбища остается открытым, для решения его необходимы более основательные полевые исследования.

Материалы..., 1892, с. 56; *Шабердин*, 1928, с. 64; *Талицкая*, 1952, с. 86, № 645; *Семенов*, Отчёт 1956, с. 18–19; *Генинг*, 1958, с. 182, № 332; *Памятники...*, 1979, с. 115, № 481; *Памятники...*, 1990, с. 57, № 541; *Иванов*, Акт обследования 2006; *Макаров*, 2013, с. 29, 34; *Макаров*, *Материалы* 2016.

73. Воткинский могильник. 1758–1812 гг.; г. Воткинск, левый берег р. Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Памятник входит в состав Воткинского археологического комплекса, состоящего из двух разновременных объектов – кладбища и занявшего его место поселения (оно описано выше, см. № 5). Строительство Воткинского железодельного завода началось 3 апреля 1758 г., были возведены: плотина, производственные корпуса, административные и жилые постройки, а в 1 км к востоку от плотины заводского пруда, очевидно сразу же, возникает кладбище (западнее современной Школы искусств № 2 и по обе стороны от ул. Кирова). К концу XVIII в. практически вся территория от пруда до западной границы кладбища была застроена. По распоряжению начальника Камских заводов А.Ф. Дерябина кладбище в 1808 г. предписывалось закрыть, выровнять его поверхность под застройку и одновременно выделить место под новое кладбище – Нагорное, однако реально это

распоряжение было выполнено лишь в 1812 году.

Территория первого Воткинского некрополя была быстро занята усадьбами местных жителей. В 1980-х гг. к западу от современной Школы искусств № 2 и к югу от ул. Кирова частные постройки были снесены, а поверхность выровнена. Северо-восточную часть этой площадки асфальтировали для автостоянки, а южную готовили под строительство многоэтажного дома: там были вбиты железобетонные сваи фундамента, но в начале 1990-х годов строительство было заморожено. По новому плану на этом месте вновь спроектировали возведение жилого дома, но на этот раз на фундаменте в глубоком (до 3 м) котловане. В ходе вскрышных работ в 2007 г. строители обнаружили человеческие кости, о чём

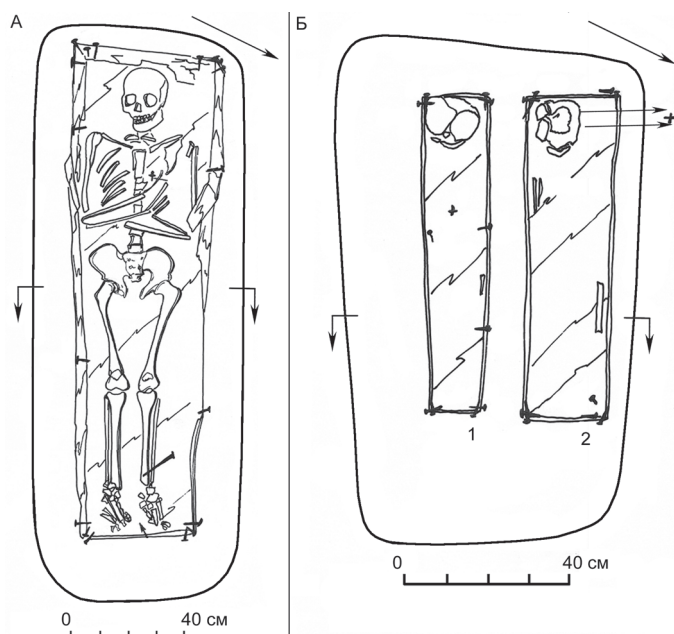

Рис. 40. Воткинский могильник.
Планы погребений: А – № 23, Б – № 27.
Раскопки С.Е. Перевозицкова (2007)

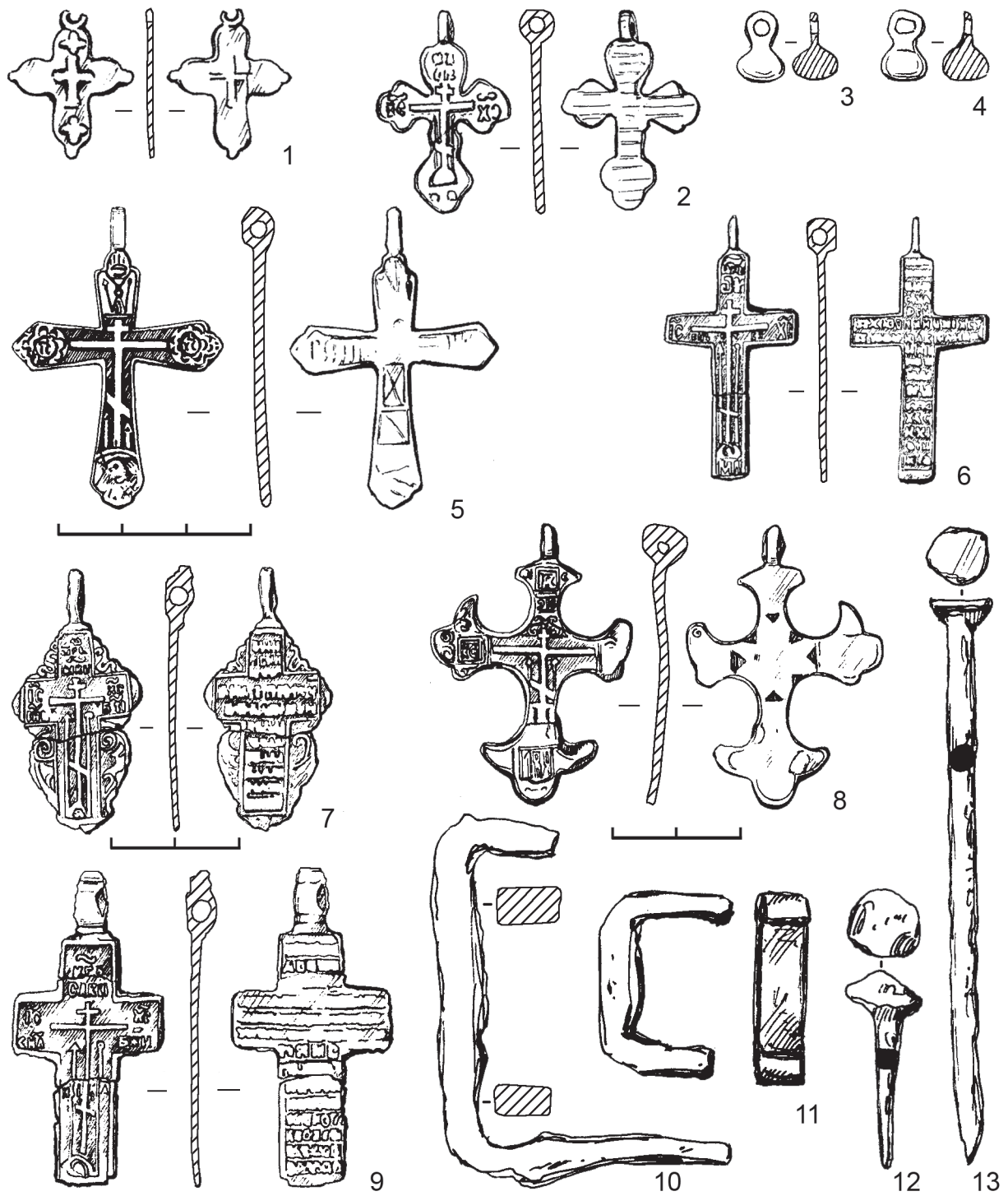

Рис. 41. Воткинский могильник. Инвентарь погребений: 1, 2, 5–9 – нательные кресты (1, 5–9 – цветной металл, 2 – серебро), 3, 4 – пуговицы (цветной металл), 10, 11 – железные скобы, 12, 13 – железные гвозди

доложили в милицию. После осмотра явно старых останков сообщение о них поступило к археологам УдГУ. Выяснилось, что всего здесь было разрушено несколько рядов могил.

В 2007 г. на месте строительства отрядом КВАЭ УдГУ под руководством С.Е. Перевощикова и при участии Л.Д. Макарова, Т.А. Цыгвинцевой, Н.Ф. Широковой и других сотрудников проведены охранные исследования комплекса памятников. Работы велись за счет средств, выделенных ФГУП «Воткинский завод» по инициативе управления культуры Администрации города, по краям котлована (зачистки длиной 110 м) и на двух раскопах (109 кв. м). Раскопки в городе вызвали интерес общественности, предварительные их итоги были опубликованы в средствах массовой информации и научной печати. Надо сказать, что о месте расположения первого кладбища Воткинска были осведомлены местные краеведы (В.Н. Ступишин, Э.И. Гаевский, А. Миролюбова и др.). Во многом благодаря их инициативе и по решению Администрации города около места расположения первого Воткинского кладбища, на юго-западном углу перекрёстка улиц Кирова и 1 Мая (к С от Школы искусств) был установлен памятный знак и перезахоронены останки первых жителей Воткинска, обнаруженные строителями в ходе вскрытия котлована.

На могильнике изучено 31 захоронение с 33 покойными. Погребения совершены по православному обряду. В котловане прослеживалось не менее 5 рядов могил, а на раскопе – не менее 7, вытянутых по направлению С-Ю. Взрослых хоронили в погребальных ямах глубиной 85–125 см, детей – 23–90 см. Половозрастные определения 17 костяков проведены антропологом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) И.Г. Широковым. Из них детских – 14 (в т. ч. 9 – 5–7 лет, 2 неясного возраста); женских – 2 (одна женщина 40–50 лет, возраст второй не определен); 1 погребение мужское (18–25 лет). Преобладали гробовища, сколоченные железными гвоздями («никонианские» правила), единичны гробовища без гвоздей, а также колоды (старообрядческие традиции), имеется и домовина из луба, обернутая берестой (пермский языческий обычай). Погребённые располагались вытянуто на спине, головой на З, ЗЮЗ и ЮЗ, руки находились в области грудной клетки или таза (рис. 40). Почти во всех захоронениях в верхней части грудной клетки обнаружены медные нательные крестики, найдены также пуговицы (рис. 41). На черепе одной из умерших сохранилась плетёная коса (волосы светлые). Рядом с гробом в могиле подростка на боковом заплечике найдены фрагменты двух деревянных предметов, предположительно лыжа и санный полоз. Состав вещевого инвентаря и особенности погребального обряда подтверждают письменную дату существования могильника – 2-я половина XVIII – начало XIX в.

В 2024 г. место расположения могильника было осмотрено сотрудниками АОКН УР, после чего он внесен в Перечень выявленных объектов культурного наследия (Приказ АОКН УР от 01.11.2024 г. № 03-02/242).

Колл. УдГУ, № 2183.

Воткинские были, 1959, с. 10–11; *Гаевский*, 1991; *Воткинск*, 1999, с. 11, 21, 31; *Перевощиков А.П.*, 2000, с. 243; *Воткинск*, 2005, с. 65; *Васина*, 2006, с. 68, 225; *Миролюбова*, 2007; *Перевощиков С.Е.*, Отчёт 2007; *Холмогорова*, 2007, с. 13; *Макаров*, 2008а, с. 5; 2008б, с. 185–186; 2008в, с. 214–215; *Перевощиков С.Е. и др.*, 2010, с. 380; *Макаров*, *Перевощиков С.Е.*, 2010, с. 137–139; *Макаров*, 2013, с. 32; *Хайруллина и др.*, 2025, с. 8.

74. Воткинское (Нагорное) кладбище. 1812 г. – середина XX в.; г. Воткинск, левый берег р. Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

По распоряжению начальника Камских заводов А.Ф. Дерябина от 7 июля 1808 г., первое кладбище Воткинска было закрыто в связи с заполнением его площади и близостью к нему жилых построек. При этом предписано выровнять поверхность закрываемого некрополя и использовать её под застройку. Одновременно предполагалось выделение места под

новое кладбище: заводской священник Стефан Содальский просил А.Ф. Дерябина об отводе места для нового погоста на горе Каменной, что к юго-востоку от завода, и эта просьба была удовлетворена. Однако выполнение этого распоряжения неоправданно затягивалось и лишь в 1812 г., по настоянию священника Воткинского завода о. Василия (Блинова), осуществилось. Таким образом, первое кладбище было закрыто, а в полукилометре к югу от него «на горе Каменной» возникает Нагорное кладбище, состоявшее из никонианской (около 500×80–280 м) и старообрядческой (около 100×80 м) частей. Последняя впоследствии была нарушена при перепланировке кладбища (оно увеличилось до 300×100–400 м) и окончательно снесена при строительстве пожарного депо.

Нагорное кладбище функционировало вплоть до 1960-х гг., в настоящее время находится под охраной государства как мемориальный некрополь г. Воткинска. В западной его части расположена православная Преображенская кладбищенская церковь (в 1819 г. сюда была перевезена Димитриевская деревянная церковь, освящённая в Преображенскую; в 1839 г. на её месте построена новая каменная, которую разобрали в 1897 г. и построили новую, освящённую в 1900 г.; в 1939 г. была закрыта, но по документам за 1940–1942 гг. всё же значилась действующей, таковой является и сейчас).

Первые археологические исследования на территории некрополя провели в 2007 г. сотрудники КВАЭ УдГУ Л.Д. Макаров и Т.А. Цыгвинцева в СВ его части, где восточная граница кладбища была нарушена строящимися гаражами, при этом могилы, кажется, не были задеты. Зачищена западная стенка котлована северного гаража длиной 5 м: под слоем дёрна зафиксирован тёмно-серый суглинок толщиной до 15–20 см без находок, отложившийся на красной материковой глине.

В октябре – ноябре 2018 г. сотрудниками УдГУ под руководством С.А. Перевозчиковой проведены археологические исследования на западной окраине кладбища по адресу ул. Пионеров, д. 3, что на территории храма Преображения Господня. Инициатива организации исследований исходила от Ижевской и Удмуртской Епархии в лице председателя Епархиальной комиссии по канонизации святых, настоятеля Никольского храма г. Ижевска к.и.н. о. Георгия Харина. Целью изысканий была попытка обнаружения останков отца и дочери Чернышёвых, расстрелянных красногвардейцами в январе 1918 г. Для поисков был заложен раскоп площадью 16 кв. м (4×4 м). На зачищенной поверхности в направлении З-В зафиксированы очертания трёх полных могильных ям и одной, наполовину уходящей в стенку раскопа. Две могилы с одиночными гробами не вскрывались (в одной из них, судя по надписи на надгробной плите, была похоронена жена священника Юлия Иоанновна Чернышёва, причём сверху над могилой шла кирпичная пирамидальная кладка, под которой следовал слой из небольших плиток известняка, а гроб был перекрыт более крупными известняковыми плитами).

В двойном захоронении (размер ямы 220×126 см, глубина 180 см), в общей деревянной погребальной конструкции размером 200×120 см, найдены останки протоирея Николая Андреевича Чернышёва и его дочери Варвары; между костяками располагалась дощатая перегородка. Умершие лежали головой на запад, вытянуто на спине, руки сложены на груди. Отец Николай был погребён в полном облачении священника, сопровождался крестами, Евангелием, бутылкой с соборованным маслом. Антропологическая сохранность тела неплохая (отсутствовали лишь лицевые кости черепа). Достаточно хорошо сохранилось облачение, представленное вышитыми деталями, бархатом камилавки (головного убора), кисточками от покрывала, тесьмой, бисером, фрагментом ткани с буквицами; на ногах расчищены остатки кожаной обуви.

Антропологическая сохранность останков дочери священника крайне плохая: имелись лишь кости черепа, рук и ног. В изголовье лежала чёрная лента – траурный венчик, под черепом – погребальная подушечка с травой, мелкие бронзовые пружинки. На груди

найлены: серебряный медальон-ладанка на золотой цепочке, атласный бант и бронзовый образок с изображением Николая Чудотворца; на поясе сохранились две металлические нашивные кнопки. У черепа лежали две тканевые кисточки от покрывала. На верхней челюсти располагалась керамическая пластинка для выравнивания зубов.

Извлеченные останки переданы РПЦ. Николай и Варвара Чернышёвы в 2018 г., после судебных и пр. экспертиз, причислены к лику новомучеников российских, а их мощи экспонированы как объекты почитания во вновь открытом после реконструкции Благовещенском соборе г. Воткинска. Коллекция предметов находится на временном хранении в учебном кабинете кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 17.02.2020 г. № 028). Колл. УдГУ, № 2369.

Гаевский, 1991; Воткинск, 1999, с. 31; Православные храмы..., 2000, с. 87; Воткинск, 2005, с. 65; Миролюбова, 2007; Макаров, Материалы 2007; Макаров, Перевоицков С.Е., 2010, с. 137–138; Перевозчикова, Отчёт 2018; Перевозчикова, 2019, с. 12–13.

75. Косачёвский могильник. XVII–XVIII вв.; бывш. д. Косачёво, правый берег р. Кама.

Памятник открыт в 2001 г. учащимися 6 класса школы № 3 г. Воткинска во главе с учителем истории Александром Фёдоровичем Петровым на берегу Воткинского водохранилища к югу от бывшей д. Косачёво, где в обрыве и в осыпи найдены человеческие кости и крест-тельник. В этом же году при содействии Воткинского краеведа Николая Яковлевича Лапина автором проведено разведочное обследование некрополя (см. № 14).

Могильник расположен в 60 м к югу от садовых домиков, возведённых вдоль улицы на месте сооружений запустевшей деревни (последнее её упоминание в документах относится к 1957 г.), у обрывистого (6–8 м) берега водохранилища между двумя ложками на площадке размерами 60×20–40 м, середина прибрежной части которой разрушается двумя овражками. При зачистке обрыва западного оврага длиной 4,5 м выявлен

культурный слой селища XVIII–XIX вв. (см. выше), перекрывший следы шести захоронений, расположенных двумя рядами в направлении С-Ю. Могилы представляли собой ямы подпрямоугольной формы со слегка наклонными книзу боковыми стенками, уплощенным дном, глубиной от 70 до 110 см, ориентированными по линии 3-В или ЮЗ-СВ. Погребённые покоились вытянуто на спине головой на запад, юго-запад. Исследовано два частично сохранившихся детских захоронения, совершённых одно над другим в разное время, а также фрагмент погребения взрослого. В заполнении детского погребения № 1 найдены артефакты из культурного слоя селища: железный шлак, два кусочка угля (рис. 42: 1). Судя по элементам погребального обряда, а также находке в осыпи нательного

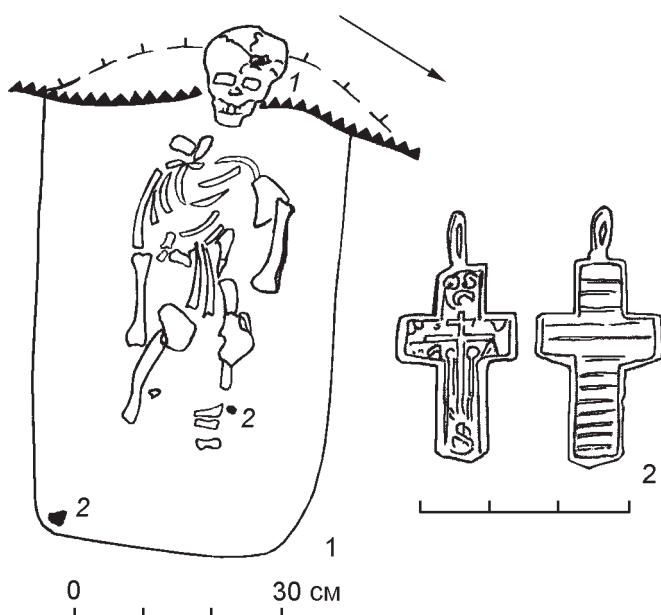

Рис. 42. Косачёвский могильник. Обследование Л.Д. Макарова (2001): 1 – план погребения № 1 (1 – шлак, 2 – уголь), 2 – медный крест-тельник (сбор в осыпи)

мужского крестика (рис. 42: 2), некрополь был оставлен православным, очевидно, старообрядческим населением XVII–XVIII вв.

Колл. УдГУ, № 2355.

Гришкина, 1976, с. 106, 126–128; *Справочник...*, 1995, с. 15, 241; *Макаров*, Материалы 2001 г.; 2013, с. 31, 34, 35; *Лапин*, 2015, с. 197, 199.

76. Метляки, могильник. ?; д. Метляки, левый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

В некоторых из анкет, составленных Л.А. Беркутовым в Музее Сарапульского уездного земства в 1910 г. и распространявшихся по волостям уезда, содержались ответы на вопросы, касающиеся наличия остатков старины, в т. ч. археологических памятников. Один отсканированный лист анкеты, помеченный карандашной надписью «Камская вол.», был передан автору Н.Л. Решетниковым. Он содержал ответы на вопросы по пунктам 5 и 7. Пункт 5-й посвящён старинным кладбищам. Здесь дана информация, что «на Камско-Воткинской железной дороге в конце 6 и начале 7 версты ... при работе на железной дороге выкапывали человеческие кости». Место их обнаружения может показать местный житель [и, очевидно, участник сооружения насыпи] «Димитрий Захаров Метляков». Строительство дороги «Воткинский завод – Галёво» началось в августе 1894 г., а открытие движения по ней состоялось в октябре 1896 г. По расчётам Н.Л. Решетникова указанное в анкете местоположение находится на отрезке дороги к ЮВ от д. Метляки, там, где трасса дороги идёт по выемке, пересекающей седловину возвышенной части междуречья, что в 1 км к ВЮВ от левого берега р. Сивы и в 1 км к СЗ от левого её притока – р. Удебки. Длина выемки – около 1 км, что затрудняет поиски памятника. Единственная более или менее точная зацепка – рубеж 6 и 7 вёрст, которая, вероятно, может быть достоверно установлена по архивным данным. Датировка предполагаемого могильника неизвестна.

Анкеты опроса за 1913–1916 гг.; л. 4; *Воткинск*, 1999, с. 323; *Мельникова*, 2009, с. 34.

77. Нивский могильник. М. тип, III–V вв.; д. Нива, с. Перевозное, правый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Расположен на небольшом подтреугольном мысу размером 60×50 м, высотой 3 м над уровнем поймы, в 1,4 км к югу от бывшей д. Нивы и в 1 км к западу от р. Сивы, в местности, известной у населения под названием «Селище». Большая часть памятника была нарушена траншеями и силосными ямами, при этом повреждено несколько погребений, о чём в 1956 г. сообщили жители с. Перевозное. В этом же году могильник обследован разведочной группой УАЭ под руководством В.А. Семёнова, зафиксировано 4 погребения (не исследованы). Часть вещей из разрушенных погребений собрана местными жителями и передана в Удмуртский республиканский музей. Некрополь отнесен к мазунинской культуре. В 1972 г. Удмуртским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга и Т.И. Останиной исследовано 17 погребений; экспедицией Удмуртского республиканского музея под руководством Т.И. Останиной в 1973–1974 гг. изучено ещё 139 могил. Таким образом, всего на могильнике вскрыта площадь 1160 кв. м и найдено 156 погребений со 172 костяками. Захоронения на могильнике совершены в грунтовых ямах подпрямоугольной или подтрапециевидной формы. Здесь довольно чётко прослеживается сочетание рядового расположения погребений с групповым. Ориентировка костяков неустойчива, хотя преобладают северное (47%) и западное (47%) направления. Хоронили на могильнике в длинных, узких неглубоких ямах. Умершие при захоронении укладывались вытянуто на спине в гробы-колоды, остатки которых зафиксированы в 47 погребениях. Большинство погребений могильника (74%) сопровождалось набором вещей. Почти обязательным предметом был кожаный пояс

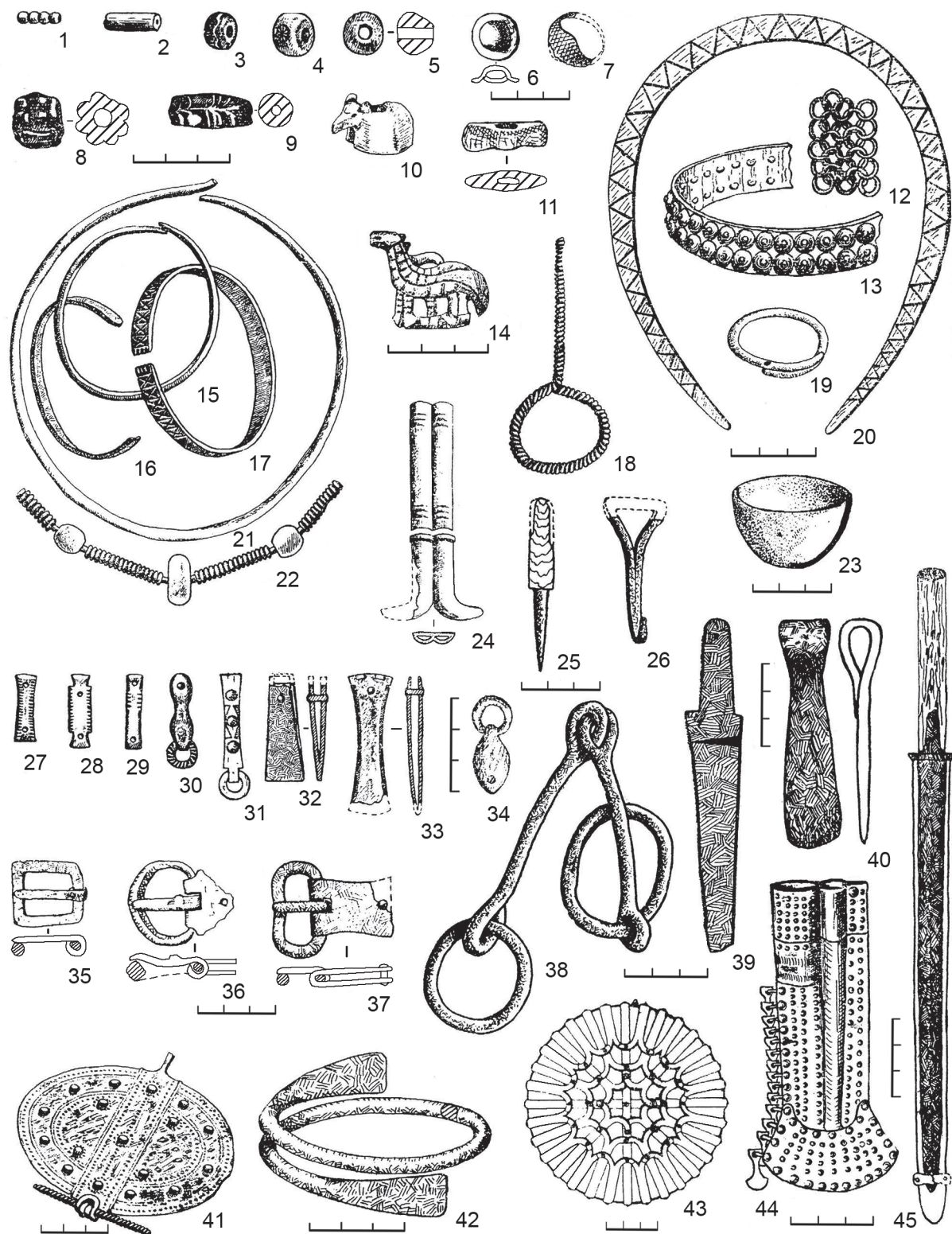

Рис. 43. Нивский могильник. Инвентарь погребений (по: Останина, 1978)

с пряжкой, иногда с наконечником и поясными накладками. Бабочковидные фибулы, височные подвески, бусы, ножи и шилья – наиболее часто встречаемые категории погребального инвентаря. В 19 погребениях предметы лежали в берестяных туесках у изголовья (жертвенные комплексы). Всего в могильнике обнаружено 730 предметов, в число которых входят украшения, принадлежности костюма, орудия труда, предметы вооружения (рис. 43).

Могильник осматривался сотрудниками АОКН УР в 2021 г., отметивших свалки бытового мусора на территории памятника.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. НМУР, № 139, 299, 306.

Семёнов, Отчёт 1956, с. 20; 1967, с. 119–122; *Генинг*, 1957, с. 182, № 330; Отчёт 1972, с. 1–15; *Останина*, Отчёт 1974, с. 1–57; 1975, с. 168; 1978, с. 92–117; *Памятники...*, 1979, с. 105, № 357; *Памятники...*, 1990, с. 57, № 539; *Останина*, 2004а, с. 6, 56, 57, 216, № 154–156; *Останина, Широбокова*, 2012, с. 4, 9, 61; *Макаров*, 2013, с. 29, 30, 34; *Черных, Перевозчикова*, 2013, с. 72, 76, 81, 82, рис. 10, № 1; *Перевозчикова*, 2013, с. 3, 8, 9; *Хайруллина и др.*, 2022, с. 4–6.

Места отдельных находок

78. Артимонские находки²⁷. ?; д. Артимоны (Нижняя Талица), правый берег р. Талица, правого притока р. Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

В «Подворной книге» Сарапульского уезда (1892 г.) сообщается, что русские жители деревни, возникшей в 1817 г., «в первое время... находили несколько маленьких топориков». Ни точного места обнаружения находок, ни их детального описания приведённая информация не содержит, что не позволяет определить этнокультурную и хронологическую характеристики памятника.

Материалы..., 1892, с. 114.

79. Бакайские находки²⁸. ?; д. Бакай (Бакай) (бывш. поч. Клёновка, Клёновская), левый берег р. Кизылка, правого притока р. Клёновка, левого притока р. Лып, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Близ д. Бакай «найденны в поле два чучких топора, вроде бортевых». Датировка находок неясна.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Сорокин, 1890, № 97; *Материалы...*, 1892, с. 68; *Спицын*, 1893, с. 126; *Талицкая*, 1952, с. 88, № 665; *Генинг*, 1958, с. 185, № 351; *Памятники...*, 1979, с. 115, № 480; *Памятники...*, 1990, с. 57, № 540; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

80. Болгурские I находки. М. тип, III–V вв.?, XVII–XVIII вв.; с. Болгуры, правый берег р. Болгуринка, правого притока р. Малая Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

В сарапульском Музее истории и культуры Среднего Прикамья²⁹ хранятся большая медная нагрудная бляха овальной формы и изразцы, вывезенные из села председателем Сарапульской земской управы и одним из учредителей музея Сарапульского земства (1909 г.) М.С. Тюниным. По рассказам стариков, до появления здесь русских переселенцев в конце XVIII в. эту местность заселяло племя «чудь» («Подворная книга» Сарапульского

²⁷ Место расположения находок на карте указано предположительно.

²⁸ То же.

²⁹ Сарапульский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник с 2019 г. (прим. ред.).

уезда, 1892 г.). Однако предложенная В.Ф. Генингом датировка находок – XIV–XVI вв. – требует научной корректировки. Кроме того, какого-либо отношения данные артефакты к находящемуся к югу от села холму «Пупыш», с которым связывают местоположение первого сельского кладбища, не имеют. По сообщению научного сотрудника МИКСП Н.Л. Решетникова, нагрудная бляха, несмотря на крупный её размер, что не типично для мазунинских предметов, относится всё же, по-видимому, к изделиям мазунинского типа III–V вв. Печные же изразцы являются русскими полихромными изделиями XVII–XVIII вв. По сообщению Н.Л. Решетникова от 27 сентября 2019 г., все его попытки обнаружить в фондах Сарапульского музея упомянутую бляху успехом не увенчались.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).
Колл. МИКСП, г. Сарапул.

Материалы..., 1892, с. 56; *Шабердин*, 1928, с. 64; *Талицкая*, 1952, с. 86, № 645; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 18–19; *Генинг*, 1958, с. 182, № 332; *Памятники...*, 1979, с. 115, № 481; *Памятники...*, 1990, с. 57, № 541; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

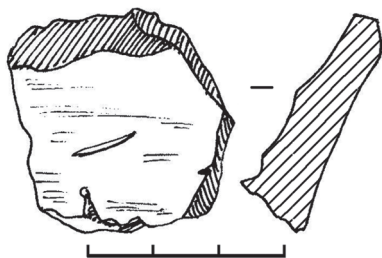

Рис. 44. Болгурская II находка.
Фрагмент гончарного сосуда.
Сбор Л.Д. Макарова (2016)

81. Болгурская II находка. Конец XVIII – начало XX вв.; база отдыха у с. Болгуры, левый берег р. Болгуринка, правого притока р. Малая Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Фрагмент придонной части кругового горшка, сформованного из красножгущейся глины с примесью мелкого песка и покрытого изнутри поливой зеленоватого цвета (рис. 44), обнаружен автором 12 июня 2016 г. на просёлочной дороге, ведущей из села к северу мимо пруда на базу отдыха с горнолыжной трассой. Находка выявлена от опушки хвойного леса приблизительно в 0,2 км к югу от крайнего восточного домика базы, в 0,3–0,4 км к северу от села Болгуры, в 0,15 км от реки с прудом, в 120 м к западу от электроподстанции, обеспечивающей освещение горнолыжной трассы, проложенной с южных склонов возвышенности на юг. В 0,5 км к ВЮВ от базы отдыха находится конусовидный холм «Пупыш» (№ 70). Аналогичная найденному фрагменту посуда характерна для русского гончарства конца XVIII – начала XX в.

Колл. УдГУ, № 2345.

Макаров, *Материалы* 2016.

82. Большекиварские I находки (Урочище Высокий Мыс)³⁰. X–XIV вв. (?); с. Большая Кивара (поч. Русанов, д. Большая Кивара), левый берег р. Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Обнаружены в 1,5 км СВ от села, в 1 км к востоку от р. Кивары, в 3 км к западу от р. Лып, в 0,1 км к западу от полевой дороги с. Большая Кивара – с. Кельчино на вершине овальной возвышенности размером 210×60–75 м, высотой 200 м над уровнем моря. Северо-западная часть возвышенности занята Большекиварским II городищем, известным у местного населения под названием «Лазарево поле» (см. № 60). Юго-восточная часть, что в 50 м от городища, высится над ним ещё почти на 10 м, составляя высоту 209,8 м. Эта половина вершины известна местным жителям как «Урочище Высокий Мыс». «Подворная книга» (1892 г.) содержит краткое описание городища и находок с него, но умалчивает об урочище. Данный пробел восполнил А.А. Спицын, сообщивший, что «здесь при выкапывании

³⁰ Место обнаружения находок на карте указано предположительно.

ямы найдена пара чучких ральников, похожих на нынешние вотские, но много меньших размеров». Упоминание ральников, известных в Прикамье в первые века II тыс. н.э., и дало, очевидно, основание И.А. и М.В. Талицким датировать находки предположительно X–XIV вв. Памятник отмечали также П.М. Сорокин и Ф.В. Стрельцов. В 1956 г. объект обследовал В.А. Семёнов, в 1979 г. – Т.И. Останина, в 1997 г. – Д.А. Салангин, при этом каких-либо находок не было выявлено.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Сорокин, 1890, № 97; Материалы..., 1892, с. 67; Спицын, 1893, с. 126; Талицкая, 1952, с. 88, № 662; Семёнов, Отчёт 1956, с. 7–8; Генинг, 1958, с. 184, № 346; Останина, Отчёт 1979, с. 29; Салангин, Материалы 1997.

83. Большекиварские II находки³¹. ?; с. Большая Кивара, (поч. Русанов, д. Большая Кивара), левый берег р. Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

По сведениям П.М. Сорокина, в окрестностях деревни находили ручные жернова. В «Подворной книге» (1892 г.) указывается, что «старинных вещей в деревне было много, но все они во время пожара сгорели». Не исключено, что какая-то часть находок происходила с упомянутого выше Большекиварского I городища (см. № 59).

Сорокин, 1890, № 97; Материалы..., 1892, с. 67; Талицкая, 1952, с. 88, № 662.

84. Владимировская находка бронзовой секиры. VI–IV вв. до н.э.; поч. Владимировский, левый берег безымянного ручья, левого притока р. Июль, правого притока р. Позимь, левого притока р. Иж, правого притока р. Кама.

Бронзовая секира, сильно поврежденная (рис. 45), была передана на кафедру истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ весной 2021 г.; тогда же указанное место было обследовано разведгруппой в составе археологов Е.В. Шуравина, Е.М. Черных и А.Е. Митрякова. Со слов находчика Полчередникова Константина Андреевича, поднявшего находку с пашни, это место локализуется в 1,5 км к ВЮВ от восточной окраины поч. Владимировский. Поле, с которого была поднята секира, занимало пологий склон, примыкавший к уступу водораздельной гряды, протянувшейся с севера на юг и разделяющей бассейны рек Иж и Сива (обе – правые притоки Камы). Западный склон гряды прорезан многочисленными сезонными водотоками (как и упомянутый ручей), питающими реку Июль. Долина ручья хорошо выражена, довольно широкая (около 0,6 км), сухая, прорезает водораздельную гряду в направлении с востока на запад. Визуальное обследование и заложенные шурфы признаков наличия культурного слоя или археологических предметов не дали.

Секира, несмотря на сильные повреждения, сохранила все признаки ананьинских топориков так называемого пинежского типа, изготовлена из сплава меди, олова и свинца,

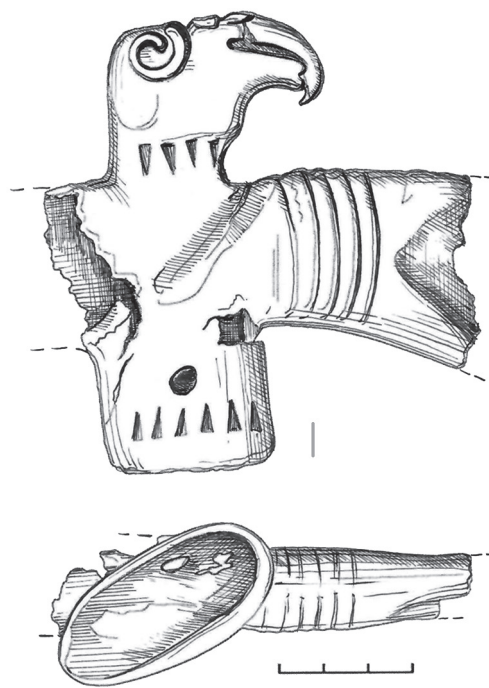

Рис. 45. Владимировская находка бронзовой секиры

³¹ То же.

принадлежащего к химико-технологической группе ВУ, по С.В. Кузьминых. Секира имеет довольно крупные размеры: длина втулки 95 мм, боек сохранился в длину 50 мм, ширина его в основании 30 мм. Завершением втулки служила головка крупной хищной птицы (орла?), повернутой в профиль, высотой 30 мм. С обеих сторон бойка имеются арковидные углубления и рельефные пояски-валики. Втулка в области шеи птицы и по нижнему краю была украшена выразительными рядами крупных клиновидных насечек, довольно часто встречающихся в декоре как ананьинских, так и раннепьяноборских изделий.

Колл. УдГУ, № 2384.

Шуравин и др., 2022, с. 13; *Черных, Митряков*, 2022, с. 88–102; *Калугина и др.*, 2023, с. 405–408.

85. Воткинская находка³². А.к., VI–IV вв. до н.э.; Воткинский завод (г. Воткинск), р. Вотка, правый приток р. Сива, правого притока р. Кама.

Случайная находка, приобретённая до 1881 г., со слов А.А. Спицына – «по предположениям, из Воткинского завода». Представляет собой парадную бронзовую секиру длиной 32,7 см, имеющую полую втулку (высота 10,3 см, размер сечения 3,5×2,0 см), увенчанную головой фантастического орла с ушами в виде спиральных завитков и сквозным отверстием в основании. Обух секиры украшает морда волка с оскаленной пастью и спирально закрученными вверх и вниз губами.

А.А. Спицын писал: «В 1881 г. на городище (Воткинском – Л.М.) произведены раскопки П.А. Пономарёвым, который, руководствуясь находкою известной уже нам прекрасной бронзовой секиры... был привлечён сюда надеждою отыскать следы бронзовой культуры». Как мы видим, прямой связи предмета с Воткинским городищем исследователи не усматривали. Раскопки городища показали, что памятник датируется III–V вв. н.э. и относится к мазунинскому типу чегандинской культуры (см. № 61), в то время как рассматриваемая секира связывается с ритуальными топорами пинежского типа, распространёнными в пору расцвета ананьинской культуры раннего железного века.

Колл. ГОМРТ, №5375.

Спицын, 1893, с. 108–109; *Берлин*, 2010, с. 150–155, рис. 1, 2, табл. 1–№ 3.

86. Дубровинские находки. ?; д. Дубровино, верховья р. Лып, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

При сооружении в конце XIX в. мельничной плотины на р. Лып близ деревни были найдены медные бляхи и стеклянные бусы синего и зелёного цвета. В 1956 г. В.А. Семёнов к северу от места данных находок, над прудом, обнаружил Дубровинское II селище с находками XVI–XVIII вв. (см. № 9). Связь селища с дореволюционными находками сомнительна. Их современное местонахождение неизвестно.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. №121).

Сорокин, 1890, № 97; *Спицын*, 1893, с. 126; *Талицкая*, 1952, с. 89, № 671; *Генинг*, 1958, с. 185, № 353; *Памятники...*, 1979, с. 115, № 482; *Памятники...*, 1990, с. 57, № 542; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

87. Епифановские находки³³. ?; д. Епифаново, р. Епишенка, правый приток р. Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

Вблизи деревни при пахоте, по сведениям «Подворной книги» Сарапульского уезда (1892 г.), повторенным Ф.В. Стрельцовым и Д.В. Шабердиным, находили небольшие

³² Место обнаружения находок на карте указано предположительно.

³³ То же.

черепки, ножички и топорики старинной формы. Местные жители связывали эти находки с обитавшей здесь прежде «чучкой», которая, при приближении «царя белого», «выстроила крышу и забралась под неё. Крыша, не вынеся тяжести земли, обвалилась и задавила всю «чучку». Место находок обследовано В.А. Семёновым в 1956 г., при этом памятников археологии не обнаружено.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Материалы..., 1892, с. 115; *Шабердин*, 1928, с. 64; *Талицкая*, 1952, с. 87, № 648; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 4; *Генинг*, 1958, с. 183, № 335; *Памятники...*, 1979, с. 115, № 483; *Памятники...*, 1990, с. 58, № 543; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

88. Камское местонахождение кремня³⁴. Эпоха камня (верхний палеолит?); с. Камское, р. Лузьянка, правый приток р. Кама.

В 1997 г. во время разведочного обследования берегов р. Камы в современной приустьевой части её притока – р. Лузьянки, что к югу от села, сотрудником Кудымкарского краеведческого музея Эльдаром Юсифовичем Макаровым обнаружено два предмета из галечных камней. Цвет галек тёмно-зелёный. Более крупный предмет (рис. 46) имеет площадку тёмно-серого цвета размером 45×25–29 мм, а толщина (высота) оставшейся части составляет 22–30 мм. Узкий конец площадки (его ширина 25 мм) как будто обработан: посередине между двумя овальными выемками шириной по 5 мм со следами забитости оставлен подтреугольный выступ-язычок шириной

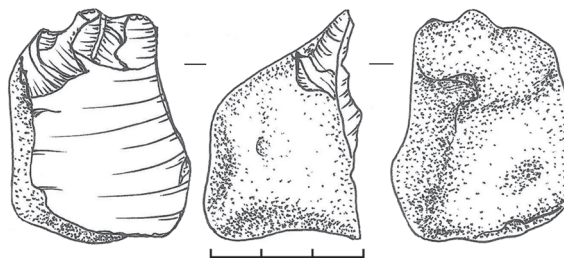

Рис. 46. Камское местонахождение кремня

в основании до 6 мм и длиной 4 мм. Однозначное определение функционального назначения предмета с возможными признаками его использования достаточно спорно. Так, трасологический анализ артефакта был проведён научным сотрудником КВАЭ Т.А. Цыгвинцевой, сделавшей вывод о том, что площадка и область расщепления не имеют какой-либо обработки, а сам предмет является нуклеидным сколом, от которого отчленён удлинённый отщеп. Второй предмет (41×28×7–10 мм) имеет сохранившуюся полоску желвачной корки на поверхности гальки с одного конца (30×10 мм), сколотые места патинизированы, следов обработки не видно. Характер предметов и внимание к ним со стороны такого специалиста по верхнему палеолиту, каким был Э.Ю. Макаров, позволяют всё же предварительно отнести их именно к этому периоду. К сожалению, ни плана памятника, ни его описания в нашем распоряжении не было, составлялись ли они вообще – установить не удалось. По этой же причине памятник не вошёл в отчёт Д.А. Салангина.

Колл. УдГУ, № 2069.

Салангин, Материалы 1997.

89. Кокуйские находки³⁵. ?; д. Кокуи (соврем. – с. Кукуи), низовья правого притока р. Малая Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

«Подворная книга» Сарапульского уезда (1892 г.) сообщает: «Среди населения циркулирует следующая легенда. Прежде местность эта заселена была народом «Чукчей» (явная ошибка в слове «чучка» – Л.М.). «Чукча» был народ маленький, мелкий, а поэтому

³⁴ То же.

³⁵ То же.

топорики, лопатки и прочие орудия у них были тоже маленькие. Но землю они всё-таки расчищали и пахали, так что когда приехала сюда «Русь», много полей было уже расчищено. Чукча эта засыпала себя в городище, а на месте её поселились вотяки и русские... При распашке крестьяне находили топоры, но растеряли их». Упоминание археологических объектов и находок требует полевых изысканий в окрестностях деревни и по р. Малой Вотке. Каких-либо сведений о проведении таковых нам не известно.

Материалы..., 1892, с. 116; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

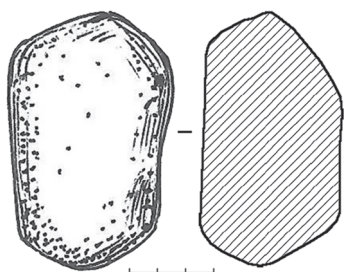

Рис. 47. Костоватовская находка. Каменный пест-терочник (по: Останина, 2004)

90. Костоватовская находка³⁶. ?; д. Костоваты, правый берег р. Кама.

Каменный (галечный) пест-тёрочник размером 8,3×5,2×4,6 см со сбитыми торцами (рис. 47) обнаружен в 1932 г. на Костоватовском поле, которое простирается от д. Костоваты до обрывистого берега Воткинского водохранилища на ширину до 1 км. Предмет был передан в 1934 г. врачом-краеведом Ф.В. Стрельцовым в Удмуртский республиканский музей. Датировка спорная.

Колл. НМУР № 373.

Останина, 2004а, с. 113, 222, № 357, рис. 1–2.

91. Куралихский клад³⁷. ?; бывш. д. Куралиха (Закураловка, Закуралово, Закуралиха, Кураликово), при ключе Безымянный, что близ устья р. Большая Кивара, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

По сообщению «Подворной книги» Сарапульского уезда (1892 г.) первые русские люди появились здесь до 1757 г. из д. Перевозинской, следы поселений которых в 1956 г. выявил В.А. Семёнов (см. № 17). Тут же говорится, что «по рассказам, в этой местности жили разбойники, оставившие клад около ключа. Один старик пробовал искать его, но клад от него «ушёл», потому что над ним стали смеяться. Около этого «опасного места» однажды выкопали 4 корчаги медных денег». Время чеканки монет нам не известно, как, впрочем, и последующая их судьба.

Материалы..., 1892, с. 69; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 6–7; *Генинг*, 1958, с. 184, № 345; *Останина*, 2004а, с. 95–96, 220, № 289; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

92. Лып-Гари, находки³⁸. ?; бывш. ред. Лып-Гари (поч. (д.) Лып (Гарь), Лып-Гари (Сотопы), Лып-Гарь), д. Подгорный, р. Лып, правый приток р. Сива, правого притока р. Кама.

По данным П.М. Сорокина и А.А. Спицына, близ поч. (д.) Лып (Гарь, Сотопы, Лып-Гари), в 2,0–2,5 км к северу от д. Подгорный, что в среднем течении р. Лып, в последние десятилетия XIX в. находили какие-то отдельные археологические находки. В 1983 году д. Лып-Гари была снята с учёта. Требуется исследование окрестностей бывшей деревни.

Сорокин, 1890, № 97; *Материалы...*, 1892, с. 70; *Спицын*, 1893, с. 126; *Справочник...*, 1995, с. 248.

93. Нижнеосиновские находки³⁹. XVIII в.; д. Нижняя Осиновка (соврем. – Осиновка), низовья р. Осиновка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

³⁶ Местоположения находок на карте указаны предположительно.

³⁷ То же.

³⁸ То же.

³⁹ То же.

Русские жители деревни сообщали, что приобрели земли для поселения у местных вотяков до 1757 г., а перебрались сюда из деревень Черепановка, Шалавенки, Дробины и Городище. По их словам, «здесь находили монеты XVIII столетия и какие-то марки с 4 буквами «Е.З.Б.У.», расположенными крестообразно» (вероятно, бумажные ассигнации или какие-либо другие платёжные средства – Л.М.). Находки подтверждают указанную выше дату возникновения деревни. Судьба этих находок неизвестна.

Материалы..., 1892, с. 69; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

94. Перевознинская находка⁴⁰. XIII–XV вв., др.-рус.; с. Перевозное, р. Перевозная, правый приток р. Сива, правого притока р. Кама.

В Перевознинской волости в 1892 г. был обнаружен древнерусский монетный серебряный слиток новгородского типа XIII–XV вв.

Ильин, 1921, с. 19; *Макаров*, [1997], с. 81; 1997, с. 41; 2009, с. 238; *Перевозчикова*, 2013, с. 3; *Черных, Перевозчикова*, 2013, с. 82.

95. Романовские находки⁴¹. X–XIV вв. (?); д. Романово (поч. Романовский, д. Романова), верховья р. Малая Вотка (Кварса), правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

По сообщению «Подворной книги» Сарапульского уезда (1892 г.), «первые поселенцы приехали сюда в 1854 году из дд. Фертиков, Метляков и Соломенников Неумоинской волости Оханского уезда Пермской губернии. В первое по заселении время крестьяне находили маленькие топорички, ральнички и другие орудия, принадлежавшие, по их предположению, древним обитателям этой местности – чукчам (явная опечатка слова «чукчам» – Л.М.), народу мелкому, чем и объясняется размер найденных орудий». Эти данные повторяют Ф.В. Стрельцов, Д.В. Шабердин, И.А. Талицкая (у неё приводится датировка X–XIV вв.), В.Ф. Генинг, каталоги памятников. Разведка В.А. Семёнова в 1956 г. памятников около деревни не обнаружила. Указанная выше дата, при отсутствии бесспорных артефактов, скорее всего – плод умозаключений, основанных на упоминании ральничков, появление которых в лесном Прикамье приходится на первые века II тыс. н.э.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Материалы..., 1892, с. 117; *Шабердин*, 1928, с. 64; *Талицкая*, 1952, с. 86, № 646; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 4; *Генинг*, 1858, с. 182, № 333; *Памятники...*, 1979, с. 115, № 484; *Памятники...*, 1990, с. 58, № 544; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

96. Фёдоровские находки⁴². ?; д. Фёдоровка, р. Лып, правый приток р. Сива, правого притока р. Кама.

Близ деревни в земле были найдены три медные бляшки округлой формы, висевшие на медной же цепочке. Место хранения находок неизвестно.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Сорокин, 1890, № 97; *Спицын*, 1893, с. 126; *Талицкая*, 1952, с. 88, № 666; *Генинг*, 1958, с. 185, № 352; *Памятники...*, 1979, с. 115, № 485; *Памятники...*, 1990, с. 58, № 545; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

97. Черновские находки⁴³. ?; д. Чёрная, верховья р. Чернушка, правого притока р. Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

⁴⁰ То же.

⁴¹ То же.

⁴² То же.

⁴³ То же.

По сведениям «Подворной книги» (1892 г.), рядом с деревней крестьяне нередко выпаживали маленькие топоры. Эти же данные привели Ф.В. Стрельцов, Д.В. Шабердин, И.А. Талицкая, В.Ф. Генинг. Точное место их находки и датировка неизвестны. Разведочным отрядом УАЭ под руководством В.А. Семёнова в 1956 г. на южной окраине деревни обнаружено русское селище XVIII–XIX вв. (см. № 54), вряд ли связанное с дореволуционными находками.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Материалы..., 1892, с. 117; *Шабердин*, 1928, с. 71; *Талицкая*, 1952, с. 87, № 649; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 4; *Генинг*, 1958, с. 183, № 336; *Памятники...*, 1979, с. 115, № 486; *Памятники...*, 1990, с. 58, № 546; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

98. Шалавенские находки⁴⁴. Каменный или бронзовый века (?), Ч.к., I–II вв. н.э.; д. Шалавенки, правый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

Находки известны с конца XIX в. в описаниях П.М. Сорокина и А.А. Спицына. Они сообщают о предметах, найденных в полуверсте от деревни около «чучкого копанца» и расположенной близ него пещеры, а точнее – «на полосе крест. Вас. Гренадёрова», двух кремнёвых стрелок с гранями, несколько бронзовых слегка выпуклых блях с отверстиями посередине диаметром 4,5 дюйма (около 11,3 см) каждая, медного нагрудника длиной до 5 дюймов (12–13 см), шириной до 3 дюймов (около 8 см). Края последнего насечены выпуклым бордюром, который в нижней части идёт двойной полосой, над ней в ряд высечены три конские головы, с нижней стороны к углам припаяны ушки. Тут же встречаются черепки, похожие на обломки с Шалавенского городища. Кроме того, крестьяне сообщали о кладе под каким-то камнем (см. № 99). Вероятно, по мнению этих исследователей, здесь следует признать существование могильника. Данные сведения привели также И.А. Талицкая и В.Ф. Генинг, оставив предположение о могильнике под вопросом. В каталоге И.А. Талицкой памятник датируется X–XIV вв., как и Шалавенское городище, что связано, вероятно, ещё с предположениями М.В. Талицкого. В.Ф. Генинг оставил рассматриваемые находки без даты. Т.И. Останина попыталась соотнести рассматриваемые артефакты с выявленным ею в 1973 г. Шалавенским I селищем, дополнительно исследованным в 1979 г. и отнесённым к поселениям мазунинской культуры III–V вв. н.э. (см. № 56). Однако этой дате противоречат находки блях и нагрудника афонинского этапа чегандинской культуры (I–II вв. н.э.) (Голдина Р.Д., 1999, с. 225, рис. 102–19; Лещинская, 2014, с. 66–67, табл. 31–6, 9, 10; 35–1, 2, 3; Голдина Р.Д., Бернц, 2016, с. 50–52, рис. 3–18, 15–51). Кроме того, заметны и топографические несостыковки старого описания (см. выше) и данных в отчётах Т.И. Останиной. Упомянутые «полверсты от деревни» не имеют направления по сторонам света, поэтому соотнесение находок с I селищем, находившимся в 0,7 км к СВ, весьма спорно. Вероятнее всего, находки, обнаруженные около «чучкого копанца» и пещеры, имеют отношение к Шалавенскому городищу, известному по местным преданиям (см. «Материалы по статистике...») как «чучкое», расположенное в 0,5 км к ЮЗ от деревни (см. № 71). Таким образом, рассмотренные металлические предметы позволяют отнести эти находки, а также упомянутую вместе с ними керамику, к числу пьяноборских (чегандинских) памятников начала I тыс. н.э. При этом совсем необязательно они связаны с поселением, а вероятнее всего происходят из разрушенного могильника или даже клада, растащенного плугом. Два кремнёвых наконечника стрел являются, по-видимому, вещественными следами стоянки каменного или бронзового века. Место хранения находок не установлено.

⁴⁴ Местоположения находок на карте указаны предположительно.

Сорокин, 1890, № 96, 97; *Материалы...*, 1892, с. 70; *Спицын*, 1893, с. 126; *Талицкая*, 1952, с. 89, № 672, 673; *Семёнов*, Отчёт 1956, с. 10–11; *Генинг*, 1958, с. 186, № 360; *Останина*, Отчёт 1973, с. 6–7; Отчёт 1979, с. 31–32; *Памятники...*, 1979, с. 96, № 245; *Памятники...*, 1990, с. 56–57, № 530, 531, 538; *Салангин*, Материалы 1997; *Останина*, 2004а, с. 53, 2016, № 140–143; *Останина*, *Широбокова*, 2012, с. 11, 69, 70, № 7, 19, 20, 22; *Макаров*, 2013, с. 29, 34.

99. Шалавенский клад⁴⁵. ?; д. Шалавенки, правый берег р. Сива, правого притока р. Кама.

По сведениям П.М. Сорокина и А.А. Спицына конца XIX в., близ деревни находится какой-то камень, под которым местные крестьяне предполагают сохраняющийся клад. Точное местоположение вероятного памятника неизвестно, археологического исследования его, судя по всему, не проводилось.

Сорокин, 1890, № 97; *Спицын*, 1893, с. 126.

Местонахождения палеофауны

100. Волковское I местонахождение палеофауны. Плейстоцен; пос. Волковский, правый берег р. Кама.

В ходе работ земснаряда на берегу р. Камы к СВ от пос. Волковский, что примерно в 1 км ниже плотины Воткинской ГЭС, было вымыто 11 разновременных костей ископаемых животных эпохи плейстоцена.

1. Зуб мамонта размером 13,5×8×20 см.

Колл. НМУР, № 13233/НВ.

2. Часть кости конечности мамонта, у которой обломаны эпифизы, а часть диафиза расколота пополам. Примерный возраст 40 тыс. лет. Верхние слои кости шелушатся.

Колл. НМУР, № 5362/ВС.

3. Часть рога древнего бизона с небольшим фрагментом лобной кости. Цвет серо-коричневый. Длина 36 см, ширина 15,5 см, примерный возраст 150 тыс. лет.

Колл. НМУР, № 5363/ВС.

4. Кость конечности представителя оленьих, по-видимому, благородного оленя.

Колл. НМУР, 15041 УРМ.

5. Грудной позвонок древнего быка с длинным верхним отростком, диаметр 55 см, диаметр спинномозгового отверстия 2,5 см, длина верхнего отростка 28 см. Цвет коричневый. Конец верхнего отростка обломан, кость в некоторых местах тоже. Примерный возраст 60–150 тыс. лет.

Колл. НМУР, 15042 УРМ.

6. Ребро быка или шерстистого носорога, с расширенным дистальным концом. Цвет серо-коричневый, нижний дистальный конец 8,5 см, края дистального конца и головки обломаны. Примерный возраст 60–150 тыс. лет.

Колл. НМУР, 15043 УРМ.

7. Атлант древнего бизона, с широкими боковыми отростками. Размер отверстий для спинномозгового канала: спереди 6×4,5 см, сзади 7×6,5 см. Цвет серо-коричневый, сочленённые поверхности более тёмные. Поверхность кости в некоторых местах обломана. Примерный возраст 150 тыс. лет.

Колл. НМУР, 15044 УРМ.

8. Атлант древнего бизона. Размер отверстий для спинномозгового канала: спереди

⁴⁵ То же.

4,5×4 см, сзади 6×6,5 см. Цвет серо-коричневый, отверстие спинномозгового канала – светло-коричневое. Примерный возраст 150 тыс. лет.

Колл. НМУР, 15045 УРМ.

9. Крестец гигантского оленя. Тело позвонка широкое, плоское, размером 10×4 см с большими боковыми отростками. Размер отверстий спинномозгового канала 2,5×5 см, общий размер находки 25×11×12 см. Задние края и края боковых отростков обломаны. Примерный возраст несколько десятков тысяч лет.

Колл. НМУР, 15046 УРМ.

10. Рог древнего бизона с небольшим куском лобной кости длиной 50,5 см, обхватом у основания 42 см. Цвет серо-коричневый. Примерный возраст 150 тыс. лет.

Колл. НМУР, 15047 УРМ.

11. Три куса рога плейстоценового оленя, два из них, возможно, от одного рога (их общая длина 22,5 см), третий кусок с развилкой, его длина 21 см. Цвет коричневый с белёсыми пятнами, кость губчатая. Возраст несколько десятков тысяч лет. Куски обломаны.

Колл. НМУР, 15048 УРМ.

Рошупкин, Диплом 2005, № 11 (1-3, 11-18).

101. Волковское II местонахождение палеофауны. Плейстоцен; пос. Волковский, правый берег р. Кама.

Во время добычи песчано-гравийной смеси в одном из Волковских карьеров, что располагается к северу от пос. Волковский и в 0,5 км к югу от дамбы плотины Воткинской ГЭС и тракта Воткинск – Чайковский, были обнаружены 2 кости мамонта и зуб носорога.

1. Часть зуба мамонта найдена в песке. Цвет буровато-серый, максимальный размер: длина 15 см, ширина 7 см, высота 15 см. Сохранность находки неполная, цемент снаружи не сохранился, эмаль стёрта.

Колл. НМУР, 13527 УРМ.

2. Тазовая кость мамонта. Размер 73×60×37 см.

Колл. НМУР, 15995 УРМ.

Рошупкин, Диплом 2005, № 11 (9, 19).

3. Зуб носорога найден в 2001 г. (информация Э.В. Алексеевой).

Место хранения не установлено.

102. Волковское III местонахождение палеофауны. Плейстоцен; пос. Волковский, правый берег р. Кама.

В 0,5 км к СВ от пос. Волковский и в 0,5 км к ЮЗ от плотины Воткинской ГЭС, в 0,3 км к западу от Камы и в 0,4 км к северу от вероятного места работы земснаряда (см. № 100), принадлежащего ПГС «Волковский», производилось складирование добываемого гравия. В этой куче гравия в 2003 году (судя по актам сдачи-приёмки находок в НМУР) было обнаружено 5 костей ископаемых животных.

1. Кость пястная первобытного бизона. Размер 28×7,5×6 см. Примерный возраст 150–10 тыс. лет.

Колл. НМУР, 13871/НВ, акт № 47 от 22.04.2003 г.

2. Фрагмент пяточной кости быка. Размер 11×7×6,3 см. Примерный возраст 150–10 тыс. лет.

Колл. НМУР, 13872/НД, акт № 48 от 22.04.2003 г.

3. Фрагмент черепа носорога. Примерный возраст 150–60 тыс. лет. Цвет бурый.

Колл. НМУР, 13873/НВ, акт № 48 от 22.04.2003 г.

4. Позвонок первый шейный (атлант) носорога. Размер 33×12,5×15 см. Примерный

возраст 150–60 тыс. лет. Цвет бурый.

Колл. НМУР, 13874/НВ, акт № 48 от 22.04.2003 г.

5. Фрагмент рога северного оленя с фрагментом лобной кости. Размер 17,5×5,3×5 см.

Примерный возраст 150–10 тыс. лет. Цвет тёмно-бурый.

Колл. НМУР, 13875/НВ, акт № 48 от 22.04.2003 г.

Рощупкин, Диплом 2005, № 11 (4-8).

103. Волковское IV местонахождение палеофауны. Плейстоцен; пос. Волковский, правый берег р. Кама.

Правая часть нижней челюсти мамонта с зубами обнаружена на берегу р. Камы к востоку от посёлка в песчано-гравийном слое. Цвет серо-бурый, общая длина 32 см, наибольшая высота (с частью верхнего отростка) 20 см, длина жевательной поверхности зуба 20 см, ширина 10 см, на жевательной поверхности 13 эмалевых петель. По обломанным поверхностям кость крошится. Примерный возраст находки составляет 150 тыс. лет. Определен М.К. Верещагиным, заводделом истории фауны ЗИН АН СССР в 1978 г.

Колл. НМУР, 13531 УРМ.

Рощупкин, Диплом 2005, № 11 (10).

104. Кварсинская находка палеофауны⁴⁶. Плейстоцен; д. Кварса, правый берег р. Кварсинка, левого притока р. Малая Вотка, правого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

В гравийном карьере, что находится к северу от д. Кварса и в 0,2 км к западу от р. Кварсинки, обнаружен фрагмент рога древнего бизона с частью лобной кости, обхват рога у основания 39,5 см, а общая длина 49 см. Рог расколот вдоль, остриё его отсутствует. Цвет серый с коричневыми пятнами. Примерный возраст находки составляет 150 тыс. лет.

Колл. НМУР, № 3964/ВС.

Рощупкин, Диплом 2005, № 10.

105. Степановское местонахождение палеофауны. Плейстоцен; с. Степаново, правый берег р. Кама.

В 1978 г. от ижевского школьника Андрея Щуклина поступила информация об обнаружении костей мамонта на берегу Воткинского водохранилища. В этом же году место находки обследовано автором. Памятник находится в 1850 м к востоку от села на юго-восточной оконечности полуострова, образованного водохранилищем и заливом р. Степановки. Под обрывом высотой от 3 до 7 м на отмели и в воде (50×20 м) были обнаружены разрозненные кости мамонта (более 10): зубы, обломки позвонка, рёбер и бивней.

В 1989 г. разведочным отрядом КВАЭ под руководством И.С. Широбоковой и автора проведен осмотр места находок. При этом в зачистке обрыва на глубине 200–225 см от поверхности в слое жёлто-коричневой супеси обнаружен фрагмент кости конечности мамонта. Стратиграфия обнажения (рис. 48): под дёрном (№ 1) шёл слой 2 – тёмно-серый гумусированный слой почвы (20 см), ниже – слой 3 – тёмно-коричневая глина наноса (до 100 см), ещё ниже – упомянутая выше жёлто-коричневая супесь (слой 4) с находкой кости (мощность до 156 см прослеживается, а ниже покрыта осыпью, поэтому нижняя граница её при переходе к тяжелой материковой тёмно-коричневой глине (слой 5) в точности не установлена). По сведениям местных жителей, большое число костей ископаемого животного вымывалось в течение этих 10 лет (1979–1989 гг.).

⁴⁶ Место находки указано на карте предположительно.

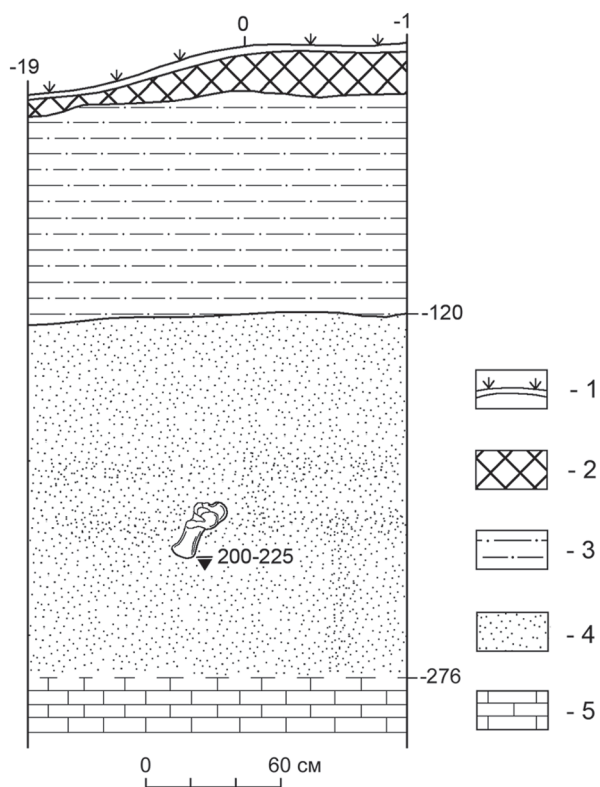

Рис. 48. Степановское местонахождение палеофауны. Стратиграфический разрез. Разведка И.С. Широбоковой и Л.Д. Макарова (1989)

Колл. УдГУ. № 38.

Выявленный объект культурного наследия (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. № 121).

Макаров, Материалы 1978; Широбокова, Отчёт 1989, с. 15, рис. 30, 33–36; Макаров, Широбокова, 1991, с. 65; Макаров, 2013, с. 30–33.

106. Фертики, местонахождение палеофауны⁴⁷. Плейстоцен; д. Фертики, правый берег р. Удебка, левого притока р. Сива, правого притока р. Кама.

В упомянутой выше анкете (см. № 76), составленной в 1910 г. Л.А. Беркутовым в Музее Сарапульского уездного земства, пункт 7-й посвящён находкам ископаемых костей животных. В анкете сообщается: «Над деревней Фертиках в Стрижовым логу вымываются кости животных... рассказывают крестьяне дер. Фертиков [...] находили какую-то большую кость, вымытую водой». Это место могут показать «крестьяне деревни Фертиков».

Судя по всему, ископаемые кости находили к северу от деревни в том самом Стрижовом логу, изображённом на карте и тянущемся с запада на восток в виде огромного оврага длиной более 1 км с несколькими отрогами на севере.

Анкеты опроса за 1913–1916 гг.; л. 4; Мельникова, 2009, с. 34.

⁴⁷ Место находки указано на карте предположительно.

*Гавриловское поселение.
Вид с ЮЮВ.
Фото О.Ф. Хайруллиной
(2023)*

Кремлевское II селище. Вид с З. Фото О.Ф. Хайруллиной (2025)

Паздеровское селище. Вид с СЗ. Фото О.Ф. Хайруллиной (2023)

Воткинское (Нагорное) кладбище. Погребальный инвентарь о. Николая и Варвары Чернышевых: 1 – крестельник (бронза); 2 – серебряная ладанка на золотой цепочке; 3 – бронзовая иконка с изображением св. Николая Чудотворца; 4 – наперсный крест (бронза, реставрация А.А. Черных 2026 г.).

Воткинское (Нагорное) кладбище. Евангелие, обнаруженное при о. Николае Чернышеве

Шалавенское II селище. Вид с СЗ. Фото О.Ф. Хайруллиной (2021)

Перевознинское городище. Вид с ЮВ. Фото А.Н. Кириллова (2022)

Шалавенское городище. Вид с Ю. Фото А.Н. Кириллова (2022)

III. Прошлое Воткинского района по археологическим материалам

Происхождение и древняя история народов в дописьменный период – сложнейшие вопросы исторической науки. Решить эти вопросы призвана одна из самых увлекательных исторических дисциплин – археология. Именно она опирается на изучение вещественных исторических источников – как отдельных категорий вещей (орудий труда, предметов вооружения, разнообразных украшений, глиняной, деревянной и металлической посуды, различных бытовых изделий, религиозных атрибутов), так и целых комплексов (жилых, хозяйственных, культовых сооружений, кладбищ, оборонительных укреплений, транспортных средств) и элементов хозяйственных угодий (пастбищ, пашен, мест охоты, рыбной ловли, бортничества, сбора даров природы). К основным археологическим памятникам относятся: стоянки (места обитания человека в эпоху камня и бронзы), селища (неукрепленные поселения эпохи железа), городища (укрепленные поселения эпохи железа), курганы, бескурганые могильники, клады, отдельные находки.

Несмотря на то, что Прикамье трудно назвать особо благоприятным регионом, подходящим для становления производящего хозяйства и формирования основ цивилизации, всё же следует признать, что практически во все исторические эпохи здесь имелись вполне сносные условия для обитания человека, исключая разве что ледниковый период.

Историю Воткинского края археологи начинают со времени, удаленного от современности приблизительно на 150 тысяч лет, и доводят его вплоть до начала XX века. Ранняя дата обусловлена учётом находок палеофауны, датированных палеонтологами по общепринятым среди них особым признакам костей скелетов ископаемых животных. Столь громадный промежуток времени включает в себя первобытный строй, эпоху его разложения и формирования раннеклассовых отношений, феодализм и новое время. Весь же период человеческой истории длится порядка 3 млн лет и условно подразделяется со времён римского философа и поэта Лукреция Кара (I в. до н.э.) на каменный, медный (бронзовый) и железный века. И, несмотря на 2-тысячелетнюю давность этого деления, оно утвердилось в археологической науке (Голдина Р.Д., 1999, с. 36–37). Постепенно развитие научных знаний, накопление геологических, палеонтологических и археологических фактов позволило создать более дробную периодизацию древней истории. Так, каменный век был поделён на палеолит – древнекаменный век (3 млн – 10 тыс. лет назад), мезолит – среднекаменный век (VIII–VI тыс. до н.э.), неолит – новокаменный век (V–III тыс. до н.э.). Далее следуют энеолит – меднокаменный век (XXIII–XVI вв. до н.э.), бронзовый век (XVI–IX вв. до н.э.), ранний железный век (VIII в. до н.э. – V в. н.э.), раннее средневековье (V–IX вв. н.э.), поздний железный век (X–XVIII вв. н.э.) (Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 105). Впрочем, поздняя дата условна, поскольку более удобно, как мне кажется, иное деление: развитое средневековье (X–XIII вв.), позднее средневековье (XIII–XV вв.), новое время (XVI – начало XX в.).

Опираясь на итоги исследований археологических памятников Прикамья, можно наметить основные этапы древней истории Воткинского района. Первобытный человек проникает на территорию Прикамья достаточно рано – в период *раннего палеолита* (который датируется промежутком в 3 млн – 100 тыс. лет назад (Голдина Р.Д., 1999, с. 37–43)): древнейшие следы человека оставлены здесь около 250–300 тыс. лет назад (местонахождение Ельники II, пещера Большая Глухая, что в бассейне р. Чусовой,

Пермский край). Ближайшим к Воткинскому району древнейшим памятником является объект среднего палеолита (100–40 тыс. лет назад) – местонахождение с мустьерским комплексом орудий труда Сосновка III в Еловском районе Пермского края (Коренюк, Цыганов, 1989, с. 67–68; Памятники..., 1996, с. 58). Позднепалеолитические памятники (40–10 тыс. лет назад) оставлены человеком современного физического типа, их в Прикамье довольно много – несколько десятков, и расположены они преимущественно в низовьях рек Чусовая (например, широко известная Островская стоянка им. Талицкого), Иньва, Обва, отчасти в Среднем Прикамье (Оханский, Осинский, Частинский, Еловский районы Пермского края). Ближайшим к Воткинскому району памятником верхнего палеолита является стоянка Рязановский Лог в Еловском районе (Коренюк, Цыганов, 1989, с. 68; Памятники..., 1996, с. 53). В нашем районе к этому периоду можно, по-видимому, отнести, хотя и с оговорками, Камское местонахождение кремня (№ 88, рис. 46), обнаруженное в 1997 г. археологом из Кудымкара Э.Ю. Макаровым. Обнаружение костей ископаемых животных так называемой мамонтовой фауны, датированной палеонтологами в пределах 150–10 тыс. лет назад (они вымирают в конце эпохи палеолита), хотя и без находок каменных орудий труда, не исключает вероятности выявления подобных стоянок в будущем.

О находках ископаемых животных, обитавших в палеолитическое время на просторах Евразии, хорошо известно. На территории Удмуртии по нашим подсчётам (Рощупкин, Диплом 2005) было известно 88 пунктов обнаружения палеофауны эпохи плейстоцена, 7 из которых найдено в Воткинском районе. Абсолютное большинство этих находок связано с добычей песчано-гравийной смеси (ПГС) экскаваторами в карьерах и земснарядами со дна р. Камы на территории между плотиной Воткинской ГЭС и проходящим по ней трактом Воткинск – Чайковский с севера и пос. Волковский⁴⁸ с юга. Здесь, на площади 1×1 км, условно выделено 4 местонахождения палеофауны. Волковское I местонахождение (№ 100) соотнесено с находками 11 костей ископаемых животных, вымытых при работе земснаряда на берегу Камы к СВ от посёлка и в 1 км ниже плотины, в их числе: 4 кости бизона, 2 – мамонта, по одной – древнего быка, носорога (или быка?), а также оленей – благородного, гигантского, плейстоценового. На II местонахождении (№ 101), связанном с одним из карьеров по добыче ПГС, расположенном, видимо, к северу от посёлка и в 0,5 км к югу от дамбы плотины, обнаружено 2 кости мамонта. III местонахождение (№ 102) было образовано искусственно: на площадке в 500 м к СВ от посёлка, в 500 м к ЮЗ от плотины, в 300 м к западу от Камы и в 400 м к северу от места работы земснаряда производилось складирование добываемого гравия. В этой куче в 2003 г. и нашли 5 костей: 2 – носорога, по одной – бизона, быка и северного оленя. IV местонахождение (№ 103) найдено на берегу реки к востоку от посёлка: в слое ПГС выявлен фрагмент нижней челюсти мамонта. На самом деле технические разработки по добыче ПГС сопровождаются гораздо более частыми находками палеофауны, но далеко не все артефакты доходят до музеев (Кожевников, 2001а). Судя по всему, Волковское месторождение ПГС представляет собой единый массив на всей площади в 1 кв. км (скорее всего реальная его площадь была ещё больше, но это уже вопрос к геологам) и, в этом случае, он может быть более или менее сплошь насыщен древними костями. Понятно, что при машинном способе добычи ПГС вероятность обнаружения каких-либо сопровождающих костные остатки находок (каменных или костяных орудий, в случае возможного их присутствия) практически равна нулю. Надо отметить, что Волковское местонахождение палеофауны не часто становилось объектом исследования учёными, хотя в 2001 г. при осмотре одного из карьеров был найден зуб древнего носорога, жившего, по определению палеонтолога Э.В. Алексеевой,

⁴⁸ В настоящий момент микрорайон пос Новый (прим. ред.).

около 100 тыс. лет назад (Кожевников, 2001а). Археологи сюда, насколько мне известно, вообще не заглядывали.

Абсолютное большинство ископаемых останков древних животных обнаруживается случайно, и места находок лишь изредка бывают доступны для исследования их специалистами. Так, вряд ли изучался карьер у д. Кварса, где был найден фрагмент черепа бизона (№ 104), а тем более Стрижовый Лог к северу от д. Фертики, в котором ещё до 1917 г. находили кости животных, в т.ч. «большую кость, вымытую водой» (№ 106). Больше повезло Степановскому местонахождению костей мамонта (№ 105), которое автору удалось обследовать и частично зафиксировать на пляже в 1978 г., а в 1989 г. – зарисовать стратиграфию напластований в обрыве, где на глубине более 2 м была обнаружена кость конечности. Однако во время осмотра места находок каких-либо каменных предметов найдено не было: не исключено, что их могла унести вода в том случае, если они вообще здесь были.

Таяние ледника, вызванное потеплением на Земле, начавшимся около 13,5 тыс. лет назад, привело к глобальным экологическим переменам, когда на месте степей и лесостепей появляются смешанные леса с иной флорой, что сказалось и на состоянии фауны – мамонты, носороги и другие животные мамонтового комплекса вымирают, дикие лошади и быки покидают леса и мигрируют в южные степи. На территории Камско-Вятского междуречья появляются современные виды животных: лоси, северные олени, косули, кабаны, бобры, медведи, волки, лисы, а также птицы и рыбы. Именно в это время речная сеть Прикамья принимает современный вид: реки врезаны в долину на 20–50 м и имеют берега в виде нескольких террас – до 4–5 у крупных рек, причём вследствие вращения Земли и притяжения Луны правые берега подмываются и более высокие, а левые – низменные и представляют собой широкую двухуровневую пойму – низкую (1,5–3,5 м), обычно заливаемую тальми водами, и высокую (3,5–7 м), как правило сухую, осваиваемую человеком (Голдина Р.Д., 1999, с. 52). Климат этой эпохи приблизительно соответствовал современному. Это период средней фазы каменного века – *мезолит* (VIII–VI тыс. до н.э.). Величайшим открытием этого периода было изобретение первого механизма – лука и стрелы, позволившего добывать зверей и птиц на расстоянии, а прирученный волк стал первым домашним животным (собакой) – надёжным партнёром на охоте и чутким сторожем жилища. Освоение нового вида вооружения позволило перейти от загонной и облавной форм охоты, требовавших участия значительных коллективов, к охоте небольшими мобильными группами. Последнее вызвало сокращение численности жителей в поселениях и их большую подвижность с целью перемещения вслед за кочующими стадами животных. Следствием этого стали недолговременные и небольшие по площади поселения с 1–2 полуземляночными жилищами, после прекращения использования которых остался маломощный культурный слой. Помимо охоты в мезолите большое развитие получили собирательство и рыболовство.

Яркой особенностью мезолитической эпохи является микролитическая техника обработки камня, когда из кремневых пластин создавали предметы геометрической формы – трапеции, треугольники, сегменты. Полученные таким образом предметы вставляли в качестве вкладышей в пазы деревянных, костяных, роговых изделий, закрепляя их с помощью клея растительного или животного происхождения и получая в итоге наконечники копий, дротиков, ножей, а позднее и лезвия серпов. Особенностью мезолита Камско-Вятского междуречья является малочисленность наконечников стрел и трапеций, попадание которых сюда исследователи связывают с более западными и юго-восточными областями Северной Евразии. Но в целом сложение его относят к местной позднепалеолитической основе (Голдина Р.Д., 1999, с. 63, 65; Гусенцова, 1993, с. 66). Считается, что мезолитические памятники Приуралья и Зауралья были оставлены

единицами предками уральских народов – самодийцев и финно-угров, дифференциация которых на отдельные ветви началась лишь в конце V тыс. до н.э. (Голдина Р.Д., 1999, с. 69–70).

Одним из древнейших на воткинских землях памятников является открытое в 1973 г. и исследованное в 1976 г. Т.И. Останиной Гавриловское поселение (№ 6), ранний слой которого относится к эпохе мезолита (Останина, 2004б, с. 76–77, 86). Памятник занимает продолговатое надпойменное всхолмление неправильной конфигурации высотой до 4 м, имеющее верхнюю площадку длиной 94 м, шириной от 20 до 40 м, и ориентированное в направлении СЗ-ЮВ. В ходе раскопок в нижнем слое обнаружено 16 каменных предметов (рис. 5), в т.ч. 15 из кремня разного цвета (молочного, серого пятнистого, тёмно-серого, дымчатого и чёрного), а один представлен галькой бурого цвета. Номенклатура изделий: комбинированное орудие на большой (9,3×1,8 см) пластине (нож-скребок), скребок, 5 нуклеусов (одноплощадочные, конической и карандашевидной формы), скобель на крупном отщепе, 7 пластин треугольного и трапециевидного сечения, отщеп. Анализ кремня, проведённый автором раскопок с учётом разработок коллег, показал близость древнейших материалов Гавриловского поселения с каменным инвентарём памятников эпохи мезолита Камско-Вятского междуречья (Гусенцова, 1993, с. 59–67). Любопытно и сходство топографии данного поселения с таковой ряда синхронных стоянок на Вятке, в частности Кипенёвщинской, обнаруженной автором в 1976 г. и исследовавшейся в 1978 г. Л.А. Сенниковой. Эта стоянка также располагалась на вытянутой надпойменной песчаной дюне высотой 3 м, размером 160×30 м (Макаров, Отчёт 1976, с. 17–18; Сенникова, Отчёт 1978; Гусенцова, 1985, с. 6; 1993, с. 27–28).

Судя по характеру находок и особенностям топографии, Гавриловская стоянка относится к числу памятников Камско-Вятского локального варианта приуральской мезолитической культурной общности (Голдина Р.Д., 1999, с. 69; История Удмуртии..., 2007, с. 70).

Последняя фаза каменного века – *неолит* (V–III тыс. до н.э.) – характеризуется климатическим оптимумом: значительным увлажнением и потеплением (средняя летняя температура превосходит современную на 2–2,5°C), что вызвало распространение хвойно-широколиственных лесов к северу – вся территория современной Удмуртии в то время была покрыта ими, а северная граница лесов проходила по широте г. Сыктывкара, где в неолитических слоях выявлена пыльца дуба, вяза, орешника (Голдина Р.Д., 1999, с. 70). Эти перемены предопределили значительные достижения в материальной культуре. Так, совершенствуются способы двусторонней обработки камня, появляются новые типы орудий труда (долота, стамески, тёсла и др.), либо в значительной степени обновляются известные ещё в мезолите (топоры); широко используются мягкие породы камня (доломит, сланцы, шифер), вызвавшие применение новых технологий его обработки – шлифовки, пиления, сверления. При необходимости осуществлялся обмен каменным сырьём между отдельными областями, например, в Камско-Вятское междуречье яшма поступала с Южного Урала, а хрусталь, по-видимому, с горных мест Среднего Урала.

Эпохальным стало изобретение глиняной посуды, возникшей, вероятно, в результате нанесения слоя глины поверх плетёных ёмкостей с последующим обжигом в костре. Сосуды периода неолита имели большие размеры, толстые стенки, яйцевидную форму, сплошное покрытие орнаментом: прочерченными линиями, отпечатками гребенчатого штампа, ямками. Посуду формовали способом ленточного или жгутового налёпа, накручивая ленты (жгуты) по спирали и соединяя их края. Керамическая посуда позволила впервые готовить варёную пищу, которая лучше усваивалась и поэтому была более здоровой для организма, что заметно продлевало продолжительность жизни человека и вело к росту численности общин камской неолитической культуры. Высказано предположение, что

сама идея и основные приёмы изготовления керамики были заимствованы прикамским населением у обитателей юго-западных районов лесостепного Поволжья (Васильев, Выборнов, 1988, с. 41), а в развитом неолите, по мнению Р.Д. Голдиной, на посуде явно прослеживается влияние традиций волго-окского региона (гребенчато-ямочный комплекс) и лесостепного Подонья (накольчатая посуда) (История Удмуртии..., 2007, с. 77–79).

В эпоху неолита людьми активно использовались природные материалы. Например, кора деревьев употреблялась для плетения подстилок, циновок, хозяйственных ёмкостей (прообраза бураков, пестерей), одежды (вероятно, пледов, накидок) и обуви (будущих лаптей). Изобретаются и ткани из растительных волокон. Бесспорным признаком появления прядения и ткачества в неолите являются находки глиняных и каменных пряслиц – дисков, насаживавшихся на конец деревянной палочки, игравшей роль будущего веретена. Судя по всему, первые ткани получали из грубых волокон крапивы и конопли, а позднее научились ткать полотно из тонких нитей шерсти и пуха, получая их прядением с помощью лёгкого деревянного веретена современного типа (Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 107).

Хозяйство неолитической эпохи в Камско-Вятском междуречье было присваивающим, сочетающим охоту, рыболовство и собирательство. Состав добываемых на охоте животных в основном совпадал с таковым в период мезолита. Основными промысловыми видами были лось и северный олень, стада которых совершали сезонные перемещения через Уральский хребет, а на пути их следования устраивались засады, ловчие ямы, загоны. Успешной охоте способствовала разнообразная номенклатура вооружения (обнаружены наконечники копий, дротиков, стрел) и орудий обработки охотничьих трофеев (многочисленные скребки, скобели и ножи). Дополнительной важной отраслью хозяйства оставалось рыболовство, о чём свидетельствует размещение поселений близ воды. Рыбу добывали сетями, что иллюстрируется находками грузил, удочками, острогами, а также плетёными ловушками типа современных «морд» (История Удмуртии..., 2007, с. 79).

В условиях благоприятного климатического оптимума и произошедших в развитии хозяйства важных перемен, условно обозначенных термином «неолитическая революция», затронувших и территорию Волго-Камья, наблюдается быстрый прирост населения, которое связывается учёными с едиными ещё финно-угорскими племенами (Голдина Р.Д., 1999, с. 70–71, 90–95; История Удмуртии..., 2007, с. 80–81).

В Воткинском районе единственным памятником этой эпохи являлась ранненеолитическая стоянка на двуслойном (более поздний комплекс – ананьинский раннего железа) Степановском X (VI по нумерации 1978 г.) поселении, полностью уничтоженном водохранилищем (№ 38). Остатки её обнаружены автором в 1978 г. в 1 км к ЮЮВ от села на восточной половине песчаной отмели к северу от залива (50×30 м) (Макаров, Материалы 1978) (рис. 22). Причём кремнёвый материал располагался двумя скоплениями близ уреза воды. Северное (23 ед.) занимало пространство в виде прямоугольника размером 35×10 м и было ориентировано по линии запад-восток, а южное (10 ед.) располагалось в 15 м к югу на овальной площадке (25×17 м), вытянутой с севера на юг. Можно предполагать, что зафиксированные скопления в какой-то мере отражают бывшее расположение на их месте древних сооружений. К сожалению, проведённая здесь шурфовка показала полное отсутствие какого-либо культурного слоя. Каменный инвентарь (всего 34 предмета) подвергся первичному анализу автора, с последующей корректировкой, зарисовкой и трасологической обработкой сотрудницей КВАЭ Т.А. Цыгвинцевой. Материал представлен кремнем различного цвета (рис. 23): серого пятнистого (пёстрого) (2 скребка, 10 отщепов, 12 крупных кусков), светло-серого плитчатого (резец на дистальной части расчленённой пластины, 1 нуклеус),

полупрозрачного дымчатого (1 вкладыш ножа), яшмовидного бурого (1 отщеп), молочного (1 отщеп), а также доломитом (1 нуклеус, 2 отщепа, 1 крупный кусок).

Обращает на себя внимание преобладание сырья низкого качества: куски серого пятнистого (пёстрого) кремня выломаны из кремнёвых жил и конкреций толщиной от 1,5 до 6,5 см, покрытых желвачной коркой. Месторождения такого кремня, а также доломита, как правило, приурочены к массивам известняка, обнаруженным и в Воткинском районе. Однако месторождения известняка с включениями пластов или конкреций кремня и доломита в ближайшей округе пока не выявлены. Но они известны в целом на территории Камско-Вятского междуречья. Это выходы кремня в виде конкреций в известняках на Чирковском месторождении близ г. Слободского (среднее течение Вятки), в обвалах крутых террас у с. Лебяжье (нижнее течение Вятки) и в бассейне р. Кильмезь по её притокам Лобань и Вала (Гусенцова, 1993, с. 59–60). В.А. Верещагиным был проведён петрографический анализ кремнёвых изделий стоянок эпохи мезолита и неолита, при этом установлено сходство их с сырьём указанных выше местонахождений региона (Верещагин, 1977; 1985). По-видимому, именно последние могли быть сырьевым источником рассматриваемой стоянки. Впрочем, не исключено и более близкое расположение искомого сырья, запасы которого могли иссякнуть ещё в древности. По мнению Т.А. Цыгвинцевой, высказанному ею в беседе с автором, описываемое низкокачественное сырьё могло попасть на поселение и с территории Среднего Поволжья.

Судя по абсолютному преобладанию крупных кусков сырья (13 ед.) и отходов производства (14 отщепов, 1 фрагмент пластины), при наличии невыработанных нуклеусов (2 ед.) и минимуме орудий (4 ед.), напрашивается вывод о стоянке-мастерской. О раннеолитическом возрасте памятника свидетельствуют: полное отсутствие керамики и особенности орудий труда, присущих изделиям позднего мезолита – раннего неолита (Гусенцова, 1993, с. 61–62, 183–185). Повторный осмотр Степановского X (VI) поселения в 1989 г. (Широбокова, Отчёт 1989, с. 9) ни одной находки кремня не принёс: очевидно в 1978 г. был собран практически весь инвентарь, а конфигурация площадки претерпела существенные изменения – раннеолитическая её подошва окончательно исчезла, размытая водохранилищем.

Период *энеолита (меднокаменный век)* XXIII–XVI вв. до н.э. характеризуется появлением в обиходе людей первого металла – меди. В начальный период этой эпохи образовалась новоильинская культура, возникшая на базе камского неолита и имевшая поэтому с последним явное генетическое родство по главным материальным категориям: керамике и кремнёвому инвентарю, но отличающаяся устройством жилищ – вместо однокамерных полуземлянок впервые появляются многокамерные, соединённые углублёнными в землю переходами (Голдина Р.Д., 1999, с. 102–107). На новоильинских поселениях изделия из меди ещё не обнаруживаются, хотя косвенные следы металлообработки зафиксированы. На основе новоильинской культуры складывается гаринская, на памятниках которой медные предметы уже встречаются (там же, с. 116–117). Сырьё для их выплавки находят и сейчас на обширной территории между Волгой и Уралом, включая Среднее Поволжье, бассейн Камы, низовья Вятки и Белой. Технические навыки получения меди из местных месторождений медистых песчаников жители Прикамья заимствовали в ходе контактирования с мастерами фатьяновской (балановской) (прото-балто-славяне-германцы), абашевской (ранние индоиранцы, арии) и сейминско-турбинской культур. Внедрение металла стимулировало более интенсивное развитие производительных сил, ускорило их специализацию, разделение труда, что вело к его индивидуализации, а также к неизбежному усилению обмена с соседними племенами (Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 108). Кроме того, под влиянием

балановцев финно-угры Приуралья освоили животноводство, разводя свиней, крупный и мелкий рогатый скот, лошадей (Смирнов, 1975, с. 187; Никитин, 1979, с. 41; Петренко, 1987, с. 146). Не исключено, что балановцы были и первыми земледельцами региона, культивировавшими подсечно-огневое земледелие (Краснов, 1971, с. 17–18). Столь значимые изменения в экономике вызвали и социальные перемены в обществе: начался распад первобытнообщинных отношений. В энеолите (на рубеже III–II тыс. до н.э.) также происходит обособление угров Зауралья от финно-пермских племён Приуралья (История Удмуртии..., 2007, с. 97–98). На территории Воткинского района памятники эпохи энеолита пока не обнаружены, немного их и в других районах Среднего Прикамья (Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 108–110).

Пока неизвестны в Воткинском районе и памятники *эпохи бронзы* XVI–IX вв. до н.э. В отличие от энеолита, когда использовалась химически чистая медь (в отдельных регионах залежали природные сплавы меди с примесями различных элементов, например, с мышьяком), в бронзовом веке было освоено искусственное получение неизвестных в природе сплавов – бронз. Самой популярной примесью к меди было олово, реже использовались свинец, серебро, цинк, сурьма и некоторые другие элементы. Чем большее количество примеси добавлялось в сплав, тем твёрже становилась бронза, что делало получаемые из неё предметы более качественными. Положительным для производства изделий из бронзы была и намного меньшая температура её плавления (700–900°C), нежели меди (1084°C). Отметим, что на Урале сложился один из древнейших очагов металлургии бронзы на территории Евразии (Черных, 1970, с. 4). Однако известных в то время меднорудных месторождений всё же не хватало и поэтому наряду с бронзой продолжали активно использовать и камень, причём техника его обработки в значительной мере совершенствовалась. В сравнении с энеолитом медные предметы стали разнообразнее: появились новые виды вооружений (топоры, наконечники копий, ножи, кинжалы), орудия труда, разнообразные украшения. Переход к более прогрессивным отраслям хозяйства вёл к переменам в развитии общественных структур, в частности наблюдается переход от материнского рода к патриархату.

Климат в эпоху бронзы характеризуется заметным перепадом температур, но в целом был более тёплым, чем в настоящее время: широколиственные леса располагались в 300 км к северу от современной границы их распространения (Немкова, 1985), что делало комфортным развитие как производящего хозяйства – земледелия и скотоводства, так и присваивающих его отраслей – охоты, рыболовства, собирательства.

Археологические исследования памятников бронзового века в Прикамье позволили выделить отдельные культуры, имеющие свои особенности, но в то же время близкие к соседним. Так, в устье Камы и прилегающей части Среднего Поволжья располагалась приказанская культура, в Верхнем и Среднем Прикамье – ерзовская, в Нижнем и Среднем Прикамье – луговская, на Нижней и Средней Вятке – буйская, в низовьях Белой – курмантау (История Удмуртии..., 2007, с. 108–114). Отличия между ними обуславливались, чаще всего, внешним воздействием либо особенностями, сложившимися в предшествующий период. Например, в конце XI в. до н.э. на территорию луговской культуры низовий Камы перемещается позднеприказанское (маклашеевское) население, в результате чего возникает быргындинская культура, несущая в себе яркие черты смешения обеих групп в традициях домостроительства, погребальной обрядности, керамического производства (Ашихмина, 1985, с. 8–9). Мощное влияние на финно-угров Прикамья эпохи бронзы оказывало степное ираноязычное население срубной культуры, особенно существенно оно отразилось на совершенствовании производящего хозяйства – земледелия и скотоводства (Краснов, 1971, с. 41–42, 70–71; Кузьмина, 1981, с. 28–30). В конце бронзового века на территории Приуральской Башкирии (левобережье рек Камы

и Белой) появляются из Зауралья носители межовской культуры, которая соотносится исследователями с угорским населением, частично смешавшимся на вновь занятой местности со срубниками (Обыдённов, Обыдённова, 1992, с. 149–151). Интересно, что в сравнении с последними, у которых преобладал крупный и мелкий рогатый скот, а число свиней и лошадей сильно уступало, у межовцев мелкого рогатого скота было вдвое меньше, а лошадей – в два раза больше (Обыдённов, 1991, рис. 61). Такое же соотношение основных видов домашних животных впоследствии сложилось в Прикамье на ананьинских памятниках эпохи раннего железного века (Петренко, 1984, рис. 35).

Ранний железный век (VIII в. до н.э. – V в. н.э.). Появление нового металла в качестве сырья для производства орудий труда и вооружения стало поистине революционным в развитии общества. Но надо отметить, что впервые человечество познакомилось с этим материалом ещё в V–IV тыс. до н.э., когда в руки людей время от времени попадало химически чистое «небесное» (метеоритное) железо. Предметы из этого железа найдены в Иране, Ираке, Египте. В конце IV–III тыс. до н.э. у носителей ямной и афанасьевской культур, что на юге Восточной Европы и Сибири, выявлены первые опыты изготовления орудий труда и украшений из метеоритного железа (Терехова и др., 1997, с. 33–39). В эпоху бронзового века начали использовать и рудное железо, которое могли получать, по-видимому, случайно в ходе бронзолитейного производства, причём технологическая сложность его получения предопределила дороговизну этого металла и, как результат, хождение его наряду с золотом в качестве престижного материала. В начале I тыс. до н.э. одним из центров производства биметаллического вооружения (клинки из железа или стали, а рукояти из бронзы) являлся Северный Кавказ, откуда изделия поступали в соседние регионы, в т.ч. и в Волго-Камье. Вслед за импортом предметов в Прикамье перемещается и технология изготовления железных орудий (ковка, кузнечная сварка, цементация и другие способы обработки), прошедшая этапы совершенствования от весьма примитивного опыта становления чёрной металлургии до освоения изготовления классических образцов на протяжении развития *ананьинской культурно-исторической общности* (VIII–III вв. до н.э.) (Перевошиков С.Е., 2002, с. 38–43) – первой половины раннего железного века на территории Волго-Камья.

Большинство учёных расценивает ананьинскую общность в качестве основы пермских народов Приуралья (коми и удмуртов), хотя вопрос о ней до сих пор остаётся дискуссионным, поскольку территория, занимаемая памятниками ананьинского облика, громадна: от Урала до Финляндии и от Среднего Поволжья до Белого моря. Безусловным центром её является Волго-Камье, но и здесь явно выделяются локальные особенности отдельных регионов (История Удмуртии..., 2007, с. 125–134), в том числе и Среднее Прикамье. На первых порах обитатели этих мест проживали на селищах, но в VI в. до н.э. внешняя опасность побудила их начать сооружение городищ, располагавшихся на высоких мысах, укреплённых валами и рвами, зачастую и частоколами. На внутреннем пространстве поселений располагались рядами жилища достаточно большой площади (60–70 кв. м), отапливавшиеся очагами. Напротив входа устраивались нары-лежанки. Кроме жилых помещений на городищах изучены святилища с жертвенниками в виде кострищ и мощных скоплений костей животных, выявлены и следы человеческих жертвоприношений. Вдоль склонов площадок располагались производственные комплексы для плавки бронзы и варки железа. Вокруг городищ обнаружены селища. Что касается погребального обряда ананьинцев, то в Среднем Прикамье пока известен лишь один крупный могильник – Зуевский (ныне Зуевключевской I), исследованный ещё А.А. Спицыным в 1898 г., изучившим 218 могил, а в 1995–1996, 1998 гг. ещё 10 погребений вскрыли сотрудники КВАЭ под руководством С.Е. Перевошикова. Кроме того, известны также несколько небольших

некрополей, расположенных в Каракулинском районе Удмуртии (Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 86–90).

Ананьинское население развивало комплексное хозяйство. Особую роль при этом играло подсечно-огневое земледелие, когда в процессе рыхления земли использовали костяные наконечники, насаженные на деревянные палки, гораздо реже обнаруживаются железные наконечники мотыг. В ходе раскопок удалось обнаружить зёрна проса, ржи, семена конопли. Урожай убирали с помощью серповидных ножей, а зерно перерабатывали в муку каменными зернотёрками, дробили пестами в деревянных ступах. Достаточно развитым было и скотоводство: среди найденных при раскопках костей явно преобладали останки домашних животных – 58–87% (Андреева, Петренко, 1976, с. 169), причём в составе домашнего стада наиболее многочисленны были лошади (30–40%), крупный рогатый скот (около 30%) и свиньи (15–30%) (Андреева, 1967; Петренко, 1984). Мелкий рогатый скот был менее популярен, его разводили в основном для получения шерсти (Андреева, 1967, с. 180). Считается, что именно ананьинцы первыми в Прикамье освоили изготовление тканей из шерсти, в том числе добытой при охоте на пушных зверей, о чём свидетельствуют массовые находки пряслиц (Черных, Останина, 2007, с. 151). Немалый прирост в пищевой рацион приносила охота на парнокопытных животных, медведя, различную промысловую дичь, а также рыбная ловля таких крупных видов как осетровые, таймени, белорыбицы, щуки, сомы, карповые (там же, с. 141–143).

Экономический подъём ананьинского общества привёл к накоплению избыточного, а затем и прибавочного продукта (скот, пушнина, металл и изделия из него, оружие, престижные ценности), в результате чего сформировался соблазн отнять чужие богатства посредством грабежа с целью лёгкого обогащения.

Появление городищ на внутренних территориях ананьинской общности знаменовало собой обострение межобщинных отношений. Как следствие – усиление роли военачальников, статус которых перерос в институт вождей, руководивших не только военными операциями, но и разделом добычи и одновременно бывших главами духовной жизни, т.е. жрецами и колдунами, проводившими магические обряды, а также ставших организаторами социальной и трудовой деятельности общинников. Признаком появления вождей являются великолепные ананьинские парадные секиры VI–IV вв. до н.э., каждая из которых (а всего их известно науке 8⁴⁹) уникальна (Кузьминых, 1983, с. 145). Одна из находок обнаружена в Воткинском районе (см. № 85). Об институте вождей говорит и практика установления каменных стел на могилах представителей элиты. Укрепление власти вождей привело к появлению военной дружины и, в конечном счёте, к формированию в обществе такого явления, как «военная демократия». Последняя предполагала коллективное решение вопросов, на деле ставшее, по существу, уже формальным, поскольку главным был голос вождя и его дружинников, концентрировавших захваченные в ходе военных столкновений богатства в своих руках. А отсюда прямой путь к появлению имущественного неравенства и частной собственности, ведущих к дальнейшему разложению первобытной общины и формированию институтов государства. Признаки имущественного расслоения общества явственно прослеживаются на материалах ананьинских могильников, культовых построек и поселений (Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 119–121).

Период раннего железного века представлен в Воткинском районе наиболее значительным числом памятников: 52 объекта датируются в рамках VIII в. до н.э. – V в. н.э. Хронология их осложняется характером и числом находок: большая часть

⁴⁹ На момент публикации издания добавилась еще одна находка – Владимировская в Воткинском районе (прим. ред.).

представлена лепной керамической посудой, причём абсолютное её большинство – фрагменты неорнаментированных стенок, которые дают очень широкую дату. А сузить датировку материала могут в какой-то степени специфическое оформление шеек сосудов и их орнаментация, а также индивидуальные находки из металлов (особенно отлитые из меди и бронзы), костяные изделия (преимущественно орнаментированные или имеющие датирующие признаки), орнаментированные пряслица, стеклянные или каменные бусы, другие импортные предметы.

Два памятника (селища Гамы и Волковское) имеют широкую дату – эпоха железа. Два поселения (Неумоинское, Сивинское I) отнесены к раннему железному веку. Два городища (Паздеровское и Степановское II) датированы ананьинско-раннечегандинским временем (середина-конец I тыс. до н.э.). 6 поселений соотнесены в целом с ананьинской культурой (VIII–III вв. до н.э.): Кремлевское, Степановские VIII, X и XXI, Заболотовские III и I, причём на последнем найдена бронзовая подвеска в виде лука и стрелы (рис. 8: 18). Два памятника датированы раннеананьинским временем: на Сивинском II поселении обнаружены фрагменты керамики VII–VI вв. до н.э.; Воткинская находка парадной бронзовой секиры условно отнесена к VI–IV вв. до н.э. (Кузьминых, 1983, с. 145; Берлин, 2010, с. 152–155). Наиболее многочисленными (20 объектов) оказались памятники позднеананьинского времени (IV–III вв. до н.э.). Это преимущественно селища: Гавриловское, Паздеровское, Пламя I–III, Сидоровы Горы, Степановские I–VII, IX, XI–XIV, XX, а также Степановское I городище. Надо отметить, что из более чем 30 ананьинских памятников Воткинского района стационарным раскопкам подверглись лишь два: Гавриловское поселение (Т.И. Останина), а также Степановское I городище (Е.М. Черных), на которых к ананьинскому комплексу относятся по одному из трёх напластований, выявленных на этих объектах.

На базе ананьинского культурно-исторического объединения складываются две общности III в. до н.э. – V в. н.э.: пьяноборская (праудмурты) и гляденовская (пракоми), относящиеся ко второй половине раннего железного века в Волго-Камье.

Гляденовская общность занимала в основном территорию Верхнего Прикамья, бассейны Средней и Верхней Вычегды и Верхней Печоры, а пьяноборская – Среднее и Нижнее Прикамье, низовья Белой и бассейн р. Вятки. Интенсивные археологические исследования позволили учёным вычленить в составе пьяноборской общности 4 локальных археологических культуры: чегандинскую (Удмуртское Прикамье с прилегающими к нему северо-востоком Татарстана, а также низовьями Белой), кара-абызскую (среднее течение Белой), худяковскую (бассейн Вятки), среднекамскую (красноярскую) (юго-западные районы Пермского края) (Голдина Р.Д., 1999, с. 206–209, 246–254).

*Чегандинская культура*⁵⁰ в Удмуртском Прикамье территориально охватывает и Воткинский район. Характер памятников немного отличается от ананьинских, материальная культура продолжает развитие предшествующего периода. Это касается и глиняной посуды, хотя имеется и отличие: в сравнении с достаточно нарядной ананьинской орнаментацией раннего и отчасти среднего этапов (Голдина Р.Д., 1999, рис. 85, 86) чегандинская керамика продолжает позднеананьинскую традицию весьма скудной декорированности изделий (там же, рис. 87) вплоть до полного отсутствия узоров на половине сосудов (там же, рис. 106). Лишь на позднем, мазунинском, этапе наблюдается увеличение процента орнаментированности и некоторое её усложнение (там же, с. 224, рис. 105).

На территории Воткинского района обнаружено 22 памятника с артефактами чегандинской культуры. По хронологии они расположены крайне неравномерно, что

⁵⁰ В настоящее время Р.Д. Голдиной предложено новое название культуры – тарасовская (прим. ред.).

во многом объясняется степенью их изученности: абсолютное большинство памятников известно лишь по разведочным материалам, датировка которых зачастую спорна. Стационарным раскопкам подверглось всего три объекта: Степановское I городище (Е.М. Черных), Воткинское городище (П.А. Пономарёв, А.А. Спицын, В.А. Бернц) и Нивский могильник (В.А. Семёнов, В.Ф. Генинг, Т.И. Останина).

Пять памятников содержали находки раннего и среднего этапов (III в. до н.э. – II в. н.э.). На двух городищах (Паздеровском и Степановском II) обнаружена немногочисленная керамика, отнесённая к ананьинско-раннечегандинскому времени (середина – конец I тыс. до н.э.). Раскопки Е.М. Черных на Степановском I городище (Черных, 2000) принесли небольшую коллекцию пьяноборской (чегандинской) керамики, относящейся к раннему (икскому) и, очевидно, среднему (афонинскому) этапам культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.). Два памятника можно уверенно отнести к среднему (афонинскому) этапу чегандинской культуры: на Степановском VIII поселении (№ 36) помимо ананьинских находок (посуды и галечного скребка) были собраны керамика пьяноборского облика и 3 бронзовых накладки I в. н.э.; шалавенские находки (№ 98) содержали крупные бронзовые бляхи и медный нагрудник I–II вв. н.э.

Заключительный этап развития чегандинской культуры – мазунинский III–V вв. н.э. До недавнего времени древности этого этапа рассматривались учёными в качестве самостоятельной мазунинской культуры периода раннего средневековья (Генинг, 1958, 1967; Останина и др., 2007, с. 185–207). Однако в последние годы появились новые материалы, позволившие отнести памятники мазунинского типа к поздней стадии чегандинской культуры эпохи раннего железного века (Голдина Р.Д., 1987б, с. 13). Особенно очевидным этот вывод стал после исследования Тарасовского могильника I–V вв. (Голдина Р.Д., 1999, с. 224–226). Впрочем и это открытие не убедило сторонников самостоятельности мазунинской культуры.

Всего в Воткинском районе насчитывается 20 памятников мазунинского этапа: 11 селищ (Большекиварское II, Дубровинское I, Нивское, Пихтовское, Степановские VI и X, Черепановское II, Черновское (Черновский Лесоучасток), Шалавенские I–III), 7 городищ (Большекиварские I и II, Воткинское, Малокиварское (Чёртово, Чучково), Перевознинское, Среднекиварское (Таракановское), Шалавенское), один могильник (Нивский) и часть одного местонахождения (Болгурские I находки). Отметим, что все эти памятники (в том числе и наиболее отдалённый – Черновское (Черновский Лесоучасток) селище находятся в бассейне р. Сивы. Расположение их кустовое: близ городищ находятся 1–3 селища, однако эта закономерность прослеживается не всегда: есть как городища-одиночки (Воткинское), так и обособленные селища, что предполагает перспективность исследования их окрестностей.

Раскопки, проведённые В.А. Бернц в 2008 г. на СВ части площадки Воткинского городища (№ 61) (200 кв. м), привели к вскрытию 13 ям различного назначения и 52 столбовых ямок, но установить чёткой системы в их расположении не удалось. В культурной слое, большей частью распаханном, выявлено около 500 фрагментов лепной керамики, из которых выделено 125 сосудов, изготовленных из глины с примесями органики и песка (преобладали), реже – раковины и шамота. Округлодонные сосуды имели разнообразное оформление горловин и венчиков, около половины изделий (55) орнаментированы (насечки, ямки, штампы, пальцевые зацепы, прочерченные линии, шнур), причём композиции элементов орнамента достаточно разнообразны, что делает мазунинскую посуду более нарядной в сравнении с изделиями предшествующего периода (рис. 36: 10–17) (Бернц и др., 2011).

Единственный раскопанный на территории района могильник III–V вв. – Нивский (работы В.А. Семёнова, В.Ф. Генинга, Т.И. Останиной). Несмотря на относительно

небольшой объём исследований (156 погребений со 172 костяками) мы имеем неплохое представление о погребальных традициях мазунинцев (№ 77). Покойных хоронили в длинных, узких, неглубоких могильных ямах подпрямоугольной и подтрапециевидной формы, ориентированных как в широтном, так и меридианальном и промежуточном направлениях, расположенных либо рядами, либо группами, оставленными большими патриархальными семьями. Умерших укладывали в деревянные колоды вытянуто на спине головой, преимущественно, на север или на запад, сопровождая их погребальным инвентарём. Как правило, вдоль тела или поверх него располагался кожаный пояс с пряжкой, иногда украшавшийся наконечником и накладками. Обычны были бабочковидные фибулы (застёжки), височные подвески, бусы, ножи, шилья. В 19 погребениях, чаще в изголовье, выявлены жертвенные комплексы, состоящие из украшений (височные подвески, бусы, фибулы и др.) и орудий труда (шилья, ножи), помещённых в берестяные туески. Всего в могилах обнаружено 730 предметов, в том числе украшения, детали костюма, орудия труда, вооружение (Останина, 1978) (рис. 43).

Хозяйство чегандинцев было комплексным. К концу ананьинского времени железо стало господствующим сырьём в изготовлении орудий труда и оружия, а бронзу использовали в основном как материал для украшений. В пьяноборское время металлургия и металлообработка выделились в самостоятельные ремёсла. Ведущим занятием людей становится подсечно-огневое земледелие, которое способствовало расселению в глубинные районы и освоению бассейнов малых рек. Яркий пример этого – довольно плотное заселение мазунинцами бассейна р. Сивы. Наряду с земледелием развивались пастушеское скотоводство (в южных районах), охота, рыболовство и собирательство. Совершенствование производящего хозяйства, а также развитие ремесла вели к увеличению прибавочного продукта, что создавало условия для общественного разделения труда и, в конечном счёте, к возникновению классового общества. Появление прибавочного продукта расширило возможности обмена и создало прочную базу для развития торговли. Результатом этого стал не только межобщинный обмен, но и дальний импорт из Средиземноморья, стран Востока, примером чего может служить массовый импорт бус (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с. 157–180; Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 129–131). Так, более 18% погребений I–II вв. н.э. могильника Чеганда II содержали бусы, насчитывая порой 180 и более штук в одной могиле. Среди них имеются и изготовленные в Египте (Генинг, 1970, с. 54–55). В 50 погребениях Нивского могильника (30%) обнаружено 3179 бус: стеклянные (3168), каменные (10), металлические (1) (Останина, 1978, с. 98–102, табл. В). В целом на основных мазунинских некрополях было собрано 21336 бусин, в основном стеклянных и лишь 40 хрустальных (Останина, 1997, с. 55–57, табл. 19). А на крупнейшем могильнике чегандинской культуры – Тарасовском I–V вв. н.э. – в 577 погребениях обнаружено 18512 экз. бус, в т.ч. привозных стеклянных (18379), хрустальных (55), халцедоновых (17), янтарных (35), из раковины (10) (Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 131). Помимо бус в Прикамье по доно-волжскому пути попадали различные варианты римских провинциальных фибул, ковши и кастрюли. Через Среднюю Азию и Приаралье по сухопутному пути на Среднюю Каму поступали створки крупных раковин, добывавшихся в тропических южных морях. Этим же путём поставлялись из Индии и Персии в качестве полуфабрикатов железные крицы и слитки цветных металлов (Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 131–133).

На позднем этапе пьяноборской эпохи население Прикамья оказалось под воздействием событий *Великого переселения народов* (II–VII вв. н.э.). Ухудшение климата с последующим переувлажнением почв вызвали перемещение различных народов на значительные расстояния. Климатические катаклизмы совпали с разложением первобытнообщинных отношений и расцветом военной демократии у многих варварских

обществ Европы. Одной из причин этих миграций было и социальное расслоение внутри общин, толкавшее их верхушку к захватам земель и престижных ценностей. Гуннское нашествие (370–375 гг.) вынудило ряд племён спастись бегством.

На территории Поволжья и Прикамья отмечено несколько волн инородных миграций (Матвеева, 1986; Седов, 1994, с. 309–315; Голдина Р.Д., 1999, с. 259–277). Три из них проникли из Северного Причерноморья с территории черняховской культуры. Первый поток (II–III вв. н.э.) достиг самарского течения Волги, где оставил древности славкинского типа, связанные с вельбаркской (готской) миграцией. Вторая волна (III–IV вв. н.э.) также охватила в основном область Самарской Луки, где возникают памятники лбищенского типа, имеющие черты смешения черняховско-пшеворских древностей. Однако какая-то часть представителей этой волны (по-видимому это были немногочисленные, но хорошо вооруженные отряды) в конце III – начале IV в. продвинулись на север и достигли Вятки, подчинив местное пермское (азелинское) население. По предположению Р.Д. Голдиной (1999, с. 266), одна из групп этих пришельцев прошла вверх по Каме до р. Сивы, где недалеко от её устья оставила следы своего пребывания. Так, на Нивском могильнике обнаружены погребения, содержавшие воинские захоронения с оружием и находками III–IV вв. (Останина, 1978, с. 95–96, 105, 108, 110–112; табл. I-7-9, II-23, V-6, 8, VII-5, VIII-5, Б), которые Р.Д. Голдина считает предметами западного происхождения. Судя по всему, воины-пришельцы уже ассимилировались в местной общине, поскольку были похоронены среди могил аборигенов. Ещё один предмет, связанный с атрибутами западной воинской культуры, – так называемая коса-горбуша – был найден во время разведки 2015 г. в 35 км к СЗ от Нивского могильника в среднем течении правого притока р. Сивы – р. Вотке на Черновском (Черновский Лесоучасток) селище (см. № 55).

Третья волна мигрантов из ареала черняховской культуры была вызвана нашествием гуннов и стала наиболее мощной, охватившей значительную часть Среднего Поволжья, Нижнего и отчасти Среднего Прикамья, и привела к формированию именьковской культуры (конец IV – рубеж VII–VIII вв.). Ярким памятником её является Тураевский курганный могильник конца IV – начала V в., оставленный военной гото-славянской группой численностью 15–20 человек в Менделеевском районе Татарстана. Эта дружина попыталась, по-видимому, покорить местное мазунинское население, но неудачно, судя по отсечённым в двух могилах головам покойных и следам грабежа почти по всех захоронениях. Оставшиеся в живых пришельцы влились в состав местной общины, активно контактируя с её представителями: неспроста рядом с курганами исследовано 266 мазунинских могил, где в некоторых женских захоронениях обнаружены привозные украшения, а в отдельных мужских – предметы импортного вооружения. В целом же именьковская культура пришлых славян оказала большое влияние на население Удмуртского Прикамья, поскольку принесла сюда высокоразвитые железоделательное и бронзолитейное производства, более продуктивное животноводство и пашенное земледелие с широким спектром возделываемых культур. Успешное и в основном мирное контактирование именьковцев с пермянами привело к заимствованию последними лексики из языка пришельцев, что удалось выявить Р.Ш. Насибуллину (1992) и В.В. Напольских (1996). Наиболее богаты именьковскими находками два поселения в Алнашском районе (Кузубаевское и Благодатское I городища), где на первом обнаружено жилище VII в., а на обоих – значительное количество керамики (Останина, 2002, с. 12–13, 42–47). Аналогичная посуда была найдена на двух городищах Каракулинского района (Голдина Р.Д., Черных, 2011, с. 137). Выше по р. Каме именьковской посуды не выявлено, в т.ч. и в Воткинском районе. На рубеже VII–VIII вв. произошло вторжение тюркоязычных болгар, изгнавших именьковцев с занимаемой ими территории, которые в основной своей массе уходят в Поднепровье, где складывается новая волынцевская культура. Но какая-

то часть именьковцев, очевидно, остаётся, переселившись на правобережье Камы между рр. Вятка и Белая, где и обнаружены упомянутые выше памятники, всего же здесь известно 14 пунктов с находками именьковской керамики (Ютина, 1994, с. 9–10).

Период средневековья (VI–XV вв.). Несмотря на позднюю датировку и тысячелетнюю длительность средневековый период района исследован крайне слабо.

Раннее средневековье (VI–IX вв.) связывается в настоящее время в Южной Удмуртии с ареалом верхнеутчанской культуры, к которой отнесено около 100 памятников этого времени: более 30 селищ, городищ, отдельных находок и местонахождений и всего лишь 1 (!) могильник (Ютина, 1984, с. 76–79; 1994, с. 9–10; Голдина Р.Д., 1987б, с. 21–22; 1999, с. 278–289). Этот единственный могильник VI–VII вв. – Петропавловский в Алнашском районе Удмуртии – был исследован В.А. Семёновым (1976). На некрополе изучено 28 погребений с двумя обрядами захоронения: труположения в гробовищах, вытянутых на спине (17 погребений), и кремация покойных на стороне, без вещей, после чего остатки сожжения ссыпались в гроб компактной массой (9 могил), при этом сопровождающий инвентарь и украшения помещали в яму в процессе её засыпания. В шести могилах вещей не оказалось: две из них совершены по обряду труположения, четыре – трупосожжения.

На верхнеутчанских памятниках выделено несколько разных комплексов глиняной посуды (Ютина, 1994, с. 9–10). Местный верхнеутчанский комплекс, происходящий от чегандинско-мазунинского типа керамики, унаследовал приземистую округлодонную чашевидную форму с различным оформлением горловины, с традиционно прикамскими примесями в тесте (раковина, растительность, шамот), неряшливой обработкой поверхности и орнаментацией по срезу венчика или по шейке в виде насечек или нескольких рядов вдавлений различной формы. Другим древнеудмуртским комплексом была керамика бахмутинского типа, происходящая с территории Башкирии. Она представляла собой круглодонные сосуды, сплошь украшенные ямками, содержащие в тесте песок или мелкий галечник. Бахмутинцы попадали на правобережье Камы в родственную среду и жили на одних поселениях с верхнеутчанцами.

Из инородных комплексов упомянем славянский именьковский (см. выше), также проникший в древнеудмуртскую среду. Это плоскодонная посуда с раздутым туловом, профилированной горловиной, изредка украшенная насечками по венчику, содержащая в тесте примеси шамота или песка, с преобладанием изделий грубой выделки, лишь иногда встречаются тонкостенные горшки с хорошо заглаженной поверхностью (Голдина Р.Д., 1999, с. 285–290).

Ещё одна инородная группа поселенцев, угорская, доставила с левобережья Белой керамику кушнареновского типа, которую невозможно спутать с какими-либо другими комплексами. Она выделяется тщательной выделкой, заглаженностью, тонкостенностью, шаровидным или вытянутым туловом, высоким и прямым горлом, нарядным геометрическим орнаментом верхней половины сосуда. Кушнареновская посуда выявлена на 9 памятниках правобережья Камы на юго-восточной периферии верхнеутчанской культуры и датируется второй половиной VI – XI вв. н.э. (Казанцева, Ютина, 1986, с. 123, рис. 1). Однако крайним восточным пунктом её обнаружения является Чегандинское I городище, что в Каракулинском районе, а это далеко от рассматриваемого нами района.

На территории Воткинского района в целом к раннему средневековью (VI–IX вв.) условно отнесены материалы трёх поселений (Степановские XVI, XVII и XVIII), располагающихся на полуострове и составляющих восточную периферию верхнеутчанской культуры, относимую к древним удмуртам (Ютина, 1994; Голдина Р.Д., 1999, с. 280–285). Памятники открыты автором на распахиваемой поверхности в 1978

и 1989 г. На Степановском XVI поселении обнаружен фрагмент лепной керамики, орнаментированный двумя подквадратными ямками шириной 1,5–2 мм и ещё один обломок без орнамента (см. № 44). Степановское XVII поселение состояло из 4 скоплений керамики площадью 23107 кв. м, в которых собраны неорнаментированные фрагменты лепных сосудов (10 венчиков, 107 стенок) с примесью раковины и шамота в тесте (см. № 45). На большой площади Степановского XVIII поселения (38400 кв. м) подняты 17 обломков неорнаментированной лепной посуды с примесью шамота и растительности в тесте (в их числе венчик с плоским срезом), аналогичные находкам с предыдущих памятников (см. № 46).

Развитое и позднее средневековье (X–XV вв.) в Среднем Прикамье представлено немногочисленными памятниками чумойтлинской культуры (X–XIV вв.), сформировавшейся на основе верхнеутчанской. Население продолжало использовать в это время городища, возведённые предшественниками (Благодатское I, Каменный Лог, Котловское I, Елабужское, Зуевоключевское II), а строительство новых укреплений прекратилось. Поскольку внешние угрозы нападения многократно усилились, это вынуждало древнеудмуртское население вести поиск более укромных мест и заселять даже небольшие реки в достаточно глухих междуречьях. Пример тому – селища на притоках р. Валы: Дубровское IX–XIII вв. и Можгинское XII–XIV вв. с находками лепной керамики, отдельных вещей и фрагментов круговой золотоордынской посуды (Смирнов, 1937, с. 179, 183). Одним из самых ярких памятников этого региона является жертвенное место Чумойтло, расположенное на левобережье р. Валы близ г. Можги и давшее название культуре. Оно было обнаружено в 1974 г. Р.Г. Кабириным и раскопано в 1976 г. Р.Д. Голдиной (1987а). Здесь был изучен слой жертвенника, насыщенный следами горения, расколотыми сырими (60 тыс.) и кальцинированными (3 тыс.) костями животных мощностью до 0,55 м с остатками культовой бревенчатой постройки площадью около 10 кв. м, в которой зафиксированы следы кострищ для сожжения туш животных. Среди костей найдены фрагменты разбитых сосудов, железные наконечник копья и несколько десятков наконечников стрел, костяные предметы быта, наконечники стрел, заготовки, отдельные украшения. Судя по составу находок, это было языческое капище охотников (Голдина Р.Д., 1999, с. 298–300).

Керамика чумойтлинской культуры наряду с продолжением местных традиций, идущих ещё с ананьинско-пьяноборского времени, имела и определённые новации. Особенно выделяется группа посуды с округлым туловом и цилиндрическим или слегка прикрытым горлом, украшенным поверху богатым узором из сочетания многорядных оттисков шнура в виде «косичек» и (при переходе к тулову) различных вариантов орнамента, выполненного «гребёнкой». Попытки связать эту группу, названную «постпетрогромской», с зауральскими комплексами (Е.П. Казаков) не находят подтверждения в трудах специалистов по керамике (Т.А. Хлебникова, В.Д. Викторова, В.М. Морозов, В.А. Могильников), склонных считать её родственной другим пермским культурам – ломоватовской и неволинской (Голдина Р.Д., 1999, с. 303–304). Помимо местной керамики на памятниках чумойтлинской культуры обнаружено и небольшое количество раннеболгарской посуды, попавшей сюда в результате торговых связей с Волжской Болгарией (Голдина Р.Д., 1999, рис. 148–10). Постоянных поселений выходцев из этого государства пока не обнаружено, а первые татарские селения в Удмуртском Прикамье появляются лишь в XVI – начале XVII в. (Фахрутдинов, 1975, рис. 3). Чумойтлинская культура тесно связана с удмуртским населением, оставившим памятники XVI–XVIII вв. на территории Южной Удмуртии, где сейчас известно около 50 могильников XVI–XIX вв. (Шапран, 1984; Шутова, 1987; 1990).

На территории Воткинского района пока не выявлено бесспорных чумойтлинских древностей, во всяком случае нет находок соответствующей керамики. Можно лишь отметить отдельные местонахождения, относящиеся (иногда предположительно) к X–

XV вв. К числу таких памятников принадлежат три местонахождения. На двух из них (Большекиварские I находки (Урочище Высокий Мыс), № 82, и Романовские находки, № 95) упоминаются «чучкие» ральники, появление которых в Прикамье археологи относят к первым векам II тыс. н.э., либо к X–XIV вв. (Талицкая, 1952, с. 86, 88, № 646, 663; Оборин, 1990, с. 48–49) или XI–XIV вв. (Сарапулов, 2015, с. 52–54). В Перевознинской волости в 1892 г. найден серебряный монетный слиток новгородского типа XIII–XV вв. (№ 94) (Ильин, 1921, с. 19). Впрочем, в это время в Среднее Прикамье уже начинается проникновение выходцев с территории Древнерусского государства (Макаров, 2009, с. 237–240).

Новое и новейшее время (XVI–XX вв.) в основном связано с размещением в Среднем Прикамье русского населения. Находки, характеризующие русскую материальную и духовную культуру, обнаружены на 46 памятниках района. Более половины из них, а точнее 26, найдены на более ранних объектах: на 23 поселениях (Гавриловское, Гамы, Заболотовское I, Неумоинское, Нивское, Паздеровское, Сивинские I и II, Сидоровы Горы (Сидоровогогорское), Степановские I–VI, XIII, XIV, XVI–XVIII, XX, Шалавенские II и III); 2 городищах (Воткинское и Степановское I) и одном местонахождении (Болгурские I находки). Выявлены и «чисто» русские памятники (20 объектов): селища (14) Болгурское (Болгуриновское), Большекиварское I, Воткинское, Дубровинское II, Заболотовское II, Косачёвские I и II, Куралихское, Степановские XV и XIX, Урочище Костёнки, Урочище Малиновка, Черепановское I, Черновское; могильники (4) Болгурский (Пупыш), Воткинский, Воткинское (Нагорное) кладбище, Косачёвский; находки (2) Болгурская II и Нижнеосиновские. Надо сказать, что какие-то из этих памятников оставлены, вероятно, смешанным русско-удмуртским населением, поскольку с середины II тыс. н.э. русская материальная культура во многом заимствовалась удмуртами, в т.ч. и керамика (именно по глиняной посуде определялась, в основном, этническая принадлежность обитателей абсолютного большинства поселений). О межэтническом смешении свидетельствует и антропологический анализ покойных Воткинского могильника, проведенный И.Г. Ширококовым (МАЭ(К)). В справочной литературе второй половины XX в. удмуртских деревень в районе отмечено немного, и почти все они расположены в Светляном сельсовете – на северо-западе района (УАССР, 1956, с. 33–34; УАССР, 1965, с. 27–28; УАССР, 1972, с. 25–26). Данные конца XIX в. фиксируют аналогичную картину, но при этом упоминаются «чучкие поселения» (Материалы..., 1892, с. 55–88, 67–70, 90–92, 114–118), причём в верховьях Сивы (ныне это территория Пермского края) фиксируется расселение русских на месте бывших удмуртских деревень: «...д. Плоская на вотяцкой селидьбе; ...д. Тойкино на пустоши на вотяцкой селидьбе; ...» (Справочник, 1995, с. 15–16).

Представляется, что русское население появляется на территории Воткинского района ещё в конце XVI – начале XVII в., когда складываются Сарапульская и Осинская дворцовые волости. Во всяком случае, в конце XVI – начале XVIII в. русские заселяли бассейн р. Сивы уже вне всякого сомнения (Гришкина, 1976, с. 106; 1982, с. 53; Гришкина, Берестова, 2006, с. 36). Малочисленность переписей XVI–XVII вв. не даёт возможности полноценно выяснить заселённость Воткинского края. Тем не менее, некоторые сведения историкам и краеведам всё же удалось выявить. Такую, например, информацию собрал Н.Я. Лапин (2015). Так, в «Осинской писцовой книге Палицына и Аристов» 1596 г. упоминается, по-видимому, самый первый русский населённый пункт района – деревня Сива, располагавшаяся в устье одноимённой реки (Лапин, 2015, с. 192). В «Дозорной книге Осипа Зюзина да подъячего Терентья Матвеева» 1621 г. даётся достаточно подробное описание Сарапульской дворцовой волости, в которой помимо «села Вознесенского, что на Сарапуле», состоящего из 132 дворов, вновь упоминается «деревня Сива

из 8 дворов» и, впервые, «на речке Костоватой деревня Костоватая» из 6 дворов (там же). Следующая по времени известная нам «Переписная книга Бутурлина и подъячего А. Грибоедова» 1646 г. добавила к уже известным починки Паздеринский и Галёвский, а также деревни Степаново и Сайгатка (ныне г. Чайковский) (там же, с. 194). «Переписная книга г. Казани с уездами» от 1646 г. также называет две последних деревни (там же). Отдельные дополнительные детали предоставляет нам «Писцовая книга Казанского уезда 1647–1658 гг.», составленная писцами Семёном Васильевичем Волинским и Петром Матвеевичем Коротневым, а также дьяком Михаилом Патрекеевым. Описание воткинских селений было в ней произведено в 1654 г. и коснулось упомянутых выше: «Деревня, что был починок Паздерин, ... деревня Сива, Сивенская то ж, ... деревня Костоватая, деревня Галёва, Буренина то ж...» (там же, с. 194–195). Перепись 1676–1678 гг. со сведениями о воткинских селениях пока не обнаружена. Переписные книги стольника Матвея Супонева этого же времени известны лишь в копиях А.А. Дмитриева в составе документов за 1596–1765 гг., хранящихся в ГАПО, но они содержат описания сёл и деревень выше с. Степаново по Каме (там же, с. 195), то есть уже на территории Пермского края.

Таким образом, земли Воткинского района, располагаясь между плотно заселёнными Осинской и Сарапульской дворцовыми волостями, в конце XVI – XVII в. были освоены русскими людьми достаточно слабо: за 50 лет (1596–1646 гг.) зафиксировано возникновение всего пяти поселений вверх по Каме – четырёх от Паздер до Галёво (включая дд. Сива и Костоваты) и, ещё выше, с заметным разрывом, д. Степаново. Пространство от Степаново до Галёво по Каме и берега Сивы и Вотки, если судить по переписям, ещё не были заняты поселенцами (Лапин, 2015, с. 196). Русские археологические материалы (в основном керамика), собранные на Паздеровском селище, Сивинском II и ряде Степановских поселений (I, II, V, VI, XIII–XVI, XVIII–XX), подтверждают их раннюю дату (Костоваты и Галёво пока не исследовались). Не исключено, что какая-то часть населённых пунктов рассматриваемого периода не попала в письменные источники, поскольку на Сиве и отчасти на Каме выявлены соответствующие этой дате материалы поселений (Большекиварское I, Дубровинское II, Заболотовское I, Куралихское (Чучково), Сидоровы Горы (Сидоровогорское), Урочище Костёнки, Урочище Малиновка, Черепановское I), а также Косачёвский могильник (судя по мужскому кресту – возможно старообрядческий) и Болгурские I находки (полихромные изразцы).

Ключевым в процессах заселения региона русскими стал XVIII век. По переписи 1711 г. здесь было 29 русских селений, а по Ландратской переписи 1716 г. в сотне Пронки Янмурзина (а Воткинский район составляет восточную часть этой территории) насчитывалось уже 31 селение, в которых было 249 дворов и проживало 1489 человек (32,4% всего населения сотни) (Гришкина, Берестова, 2006, с. 36–37, 61). Бóльшая часть этих поселений располагалась в бассейне р. Сивы и по р. Каме, в т.ч. «д. Волхвовка на р. Сиве; поч. Забегалово, Стальной тож; д. Коклемасово на р. Сиве, Черепановка тож; д. Косачёво» (Гришкина, 1976, с. 106, 126–128; Справочник, 1995, с. 15), а также починок Долгое Плёсо на реке Сива (ныне Шалавенки), починок Выходной на реке Сива (ныне Гавриловка), деревня по речке Переволоке да по реке Сиве (ныне Перевозное), починок Кварсинская Гарь по Сиве (ныне Кварса), деревня Волхвовка на реке Сива (ныне, возможно, Соломенники, что документально не подтверждено), деревня Удебка (ныне Белокрылиха). Большинство из данных селений существовало и до 1720 года: они упоминаются в переписи 1678 г. Выделяется несколько наиболее населённых деревень (данные 1716 г.): Косачёва (28 дворов, 142 человека обоёго пола), Волхвовка на реке Сива (29 дворов, 125 человек), деревня Коклемасова на реке Сива, Черепановка тож (13 дворов, 93 человека), деревня по речке Переволоке да по реке Сиве (11 дворов, 70 человек). На речке Кварса (Малая Вотка) описана удмуртская деревня Кварса-Докья

(ныне Катыши), имевшая в 1710 г. 7 дворов, а в 1716 г. отсутствующая в переписи, что Н.Я. Лапиным объясняется временным уходом людей от налогов (Лапин, 2015, с. 196–197).

Согласно данным II ревизии (1744 г.), на востоке Арской дороги Казанской губернии, в восточной части удмуртской ясачной сотни была выделена населенная русскими Сивинская волость, где насчитывалось 71 селение и 3267 жителей (Гришкина, 1976, с. 114; Справочник, 1995, карта-схема на 2-й странице обложки; Гришкина, Берестова, 2006, с. 41). Сама волость к моменту ревизии успела разделиться на 3 сотни: Арефья Ефремова, Дениса Ефимова и Фотея Окулова, причём 13 селений последней с 514 душами были приписаны на тот момент к Рождественскому заводу Акинфия Демидова (Пислегин, 2016, с. 76). Западная часть территории района, заселенная в настоящее время почти сплошь русскими, оставалась в составе удмуртской Тотаевой сотни Усеева, в т.ч. д. Кварса-Докья, она же Катыши, она же Вотская Кварса, ныне русская Кварса (Гришкина, 1976, с. 114; Справочник, 1995, карта-схема на 2-й странице обложки; Гришкина, Берестова, 2006, с. 41).

По сведениям III ревизии (1762 г. и несколько последующих лет) Сивинская волость была приписана к Камским заводам, при этом в сотне Арефья Ефимова (территория современной Удмуртии) численность мужского населения выросла с 2,1 до 2,9 тыс. (женского – более 2,7 тыс.), число селений – с 28 до 33, из них наиболее крупные: д. На Сиве речке, Черепановка тож (169 муж., 172 жен.), д. Что была пустошь по речке Переволоке/Перевозная (171 муж., 157 жен.), поч. Стальной Забегалов (226 муж., 200 жен.), новопоселённая д. Неумойная (92 муж., 78 жен.) (Пислегин, 2016, с. 78).

В 1782 г. началось проведение IV ревизии. В сотне Арефья Ефремова Сивинской волости числилось 38 поселений (2374 муж., 2494 жен.), из них 21 отмечены как новопоселённые починки (Болгоры, Берёзовый, Фомин, Фертики и др.). Крупнейшими были деревни Перевозная, Засерина тож (209 муж., 247 жен.) и Забегалова (255 муж., 195 жен.). При Воткинском заводе крепостных А. Аистова насчитывалось 32 муж. и 33 жен., еще 151 муж. и 145 жен. переселились в новопоселённые починки при заводе: Городище, Коновалов, На ключе (Пислегин, 2016, с. 81–82). К числу археологических памятников XVIII в. можно отнести ряд поселений, хотя керамика, обнаруженная на них, может датироваться шире, особенно поливная посуда, наиболее характерная для XIX и даже XX вв. Поэтому XVIII в. условно принят за начальную дату существования памятников, при этом учитываются их письменные упоминания. Итак, перечислим эти поселения: Болгурское (Болгуриновское), Гавриловское, Заболотовское II, Косачёвские I и II, Неумойное, Нивское, Сивинское I, Степановские III, IV, XVII, Черновское, Шалавенские II и III, на Степановском I городище; могильники: Воткинский, Болгурский (Пупыш); местонахождения: Болгурская II, Нижнеосиновские.

Последняя хронологическая группа памятников связана с XIX – началом XX вв. Она отмечена находками кустарного и даже фабричного производства в пределах города Воткинска или близ него: Воткинское поселение, Воткинское (Нагорное) кладбище, находки на Воткинском городище. Потенциал количественного прироста памятников этой группы огромен, т.к. связан с большинством ныне существующих населённых пунктов и напрямую будет зависеть от проведения охранных и спасательных работ.

И, наконец, еще одна группа вероятных объектов исследования: 14 памятников района датировать нет возможности – слишком неопределённая информация об их местоположении и находках. В числе этих объектов: Сидоровское селище, Дубровское городище, могильник Метляки, Куралихский клад и 10 местонахождений (Артимонские, Бакайские, Большекиварские II, Дубровинские, Епифановские, Кокуйские, Костоватовская, Лып-Гари, Фёдоровские, Черновские). Для возможного изучения их требуется всего лишь найти расположение в пределах известных населённых пунктов или в их окрестностях,

что вполне достижимо в процессе разведочных работ с использованием современных технологий.

Таким образом, Воткинская земля заселялась, начиная с эпохи камня. Период палеолита представлен пока лишь палеонтологическими находками вымерших животных эпохи плейстоцена и одним местонахождением каменных предметов (Камское). Воткинское водохранилище нанесло огромный вред не только памятникам природы, но и объектам историко-культурного наследия. Остаются слабые надежды на обнаружение размытых стоянок по берегам рукотворного моря. Примером этого является выявление объектов стоянки-мастерской эпохи раннего неолита на площадке Степановского X поселения ананьинского времени, культурные напластования которых были полностью размыты, оставив на отмелях лишь вещевой комплекс. Единственная в районе мезолитическая стоянка выявлена на всхолмлении в пойме среднего течения р. Сивы у д. Гавриловка, что позволяет надеяться на обнаружение памятников этой эпохи на данном крупном притоке р. Камы в будущем. Отсутствие памятников раннего металла (энеолит и бронза) также объясняется, судя по всему, эрозионным воздействием водохранилища. Не исключено, что следами памятников эпохи камня и бронзы являются единичные находки кремнёвых орудий на поселениях железного века: скребок и отбойники на Воткинском городище (№ 61), наконечники стрел в составе находок у д. Шалавенки (№ 98). Сохранность неукреплённых поселений раннего железного века (ананьинская и чегандинская культуры), в сравнении с древними объектами, лучше, поскольку они расположены по берегам рек на более возвышенных террасах, а появившиеся в это время городища и вовсе на многометровых мысах. Тем не менее и памятники данного периода подверглись разрушительному влиянию природных катаклизмов, в т.ч. того же водохранилища (поселения Степановские и Пламя). Нельзя не учитывать и антропогенное влияние на древности края: разнообразное строительство, прокладку коммуникаций, сельскохозяйственную деятельность. И, наконец, человеческий фактор: неумеренное любопытство местного населения при его фактической безграмотности по отношению к культурному наследию, стремление нажиться на памятниках древности («чёрные копатели» и мародёры, незаконное использование результатов научных раскопок из публикаций и отчётов археологов и т.п.), слабость охранных действий властей. Все эти причины способствуют уничтожению памятников археологии. И ещё одно: ликвидация чиновниками от науки и образования университетской специализации «Археология» на исторических факультетах страны уже сейчас пагубно сказывается на профессионализме молодых исследователей. Естественный отсев специалистов-археологов советской исторической школы с фактическим отказом от подготовки профессионалов неминуемо ведёт к деградации всех отраслей археологической науки.

Одна из задач предлагаемой читателю книги – спасти уцелевшие памятники археологии от их варварского разрушения и сохранить их как национальное достояние России для будущих поколений исследователей. Поэтому о любых случаях разграбления и попытках разрушения памятников археологии автор и его коллеги просят сообщать по адресу: г. Ижевск, ул. Университетская, 1, УдГУ, 2 корпус, кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии, тел. 8(3412)916-191, 916-192, 917-308. Только совместные усилия могут хотя бы замедлить этот процесс разрушения древностей, которыми так богата Воткинская земля. Все мы должники перед прошлым, благодаря ему мы появились на свет, живём и остаёмся в долгу перед будущим. И поэтому мы обязаны, и пока ещё в состоянии, сохранить для будущих поколений то наследие, что накоплено столетиями, но слишком быстро и зачастую сознательно, к великому сожалению, теряем.

Библиография

Архивные материалы

Анкеты опроса за 1913–1916 гг. / Анкеты опроса старожилов об археологических находках и старинных вещах и описание археологической разведки у Казано-Екатеринбургской железной дороги за 1913–1916 гг. / ЦГА УР. Ф. 349 (Музей Сарапульского земства). Оп. 2. Д. 15.

Беркутов, Описание за 1913 г. / Беркутов Л.А. Описание археологических раскопок в Прикамье, акты опроса местных жителей об археологических находках и старинных вещах, за 1913 год // ЦГА УР. Ф. 349 (Музей Сарапульского земства). Оп. 2. Д. 16.

Бернц, Отчет 2008 / Бернц В.А. Отчёт об охранных археологических исследованиях Воткинского городища в г. Воткинске Удмуртской Республики, проведённых летом 2008 года. Ижевск, 2009 // Архив ИИКНП УдГУ⁵¹. Ф. 2. Д. 505.

Васильева, Материалы 1985 / Васильева Ю.Г. Материалы разведки 1985 г. в Воткинском районе Удмуртской АССР. Рукопись // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 3.

Водолаго, Материалы 1989 (?) / Водолаго Н.В. Материалы разведки в окрестностях с. Степаново Воткинского района Удмуртской Республики (около 1989 г.). Рукопись // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 3.

Вязников, Материалы 2018 / Вязников А.М. Материалы обследования Кремлевского селища в Воткинском районе Удмуртской Республики в 2018 г. // Архив ООО «НПЦ ПрикамАрхеология».

Вязников, Отчёт 2018 / Вязников А.М. Отчёт о научно-исследовательских работах в Воткинском районе Удмуртской Республики в 2018 г. // Архив ООО «НПЦ ПрикамАрхеология».

Генинг, Отчёт 1972 / Генинг В.Ф. Отчёт о раскопках Нивского могильника в Воткинском районе Удмуртской АССР летом 1972 г. // Архив НМУР. Д. 72.

Иванов, Акт обследования 2006 / Иванов А.Г. Акт № 04-18 от 28.08.2006 г. историко-культурного обследования земельного участка в д. Болгуры Воткинского района Удмуртской Республики, запрашиваемого под строительство горнолыжной базы // Архив УИИЯЛ УрО РАН.

Казанцева, Отчёт 1985 / Казанцева О.А. Отчёт о раскопках Яромасского городища в Сарапульском районе, Кузебаевского II городища в Алнашском районе Удмуртской АССР и разведках в Воткинском районе Удмуртской АССР в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11124; Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 222.

Карпушкина, Отчёт 2017 / Карпушкина О.А. Отчёт о научно-исследовательских работах (археологических разведках), проведённых в Бalezинском, Воткинском, Игринском, Сарапульском, Увинском, Шарканском, Якшур-Бодьинском районах Удмуртской Республики летом-осенью 2017 г. // Архив ООО «НПЦ ПрикамАрхеология».

Карпушкина, Отчёт 2025 / Карпушкина О.А. Отчёт о научно-исследовательских работах (археологической разведке) в Каракулинском и Воткинском районах Удмуртской Республики, проведенных осенью 2025 года. Ижевск, 2025 // Архив ООО «НПЦ ПрикамАрхеология».

Кириллов, Отчёт 2015 / Кириллов А.Н. Археологические научно-исследовательские работы, проведённые в 2015 году на земельном участке, отводимом под проектирование

⁵¹ В настоящий момент – архив Учебного кабинета КИУАиЭ Удмуртского госуниверситета (прим. ред.).

и строительство объекта «Мишкинское нефтяное месторождение. Обустройство после бурения. Куст 88» в Воткинском районе Удмуртской Республики: технический отчёт / ООО «Центр реставрации и сохранения памятников»; рук., отв. исп. А.Н. Кириллов, исп. С.А. Кириллова. Глазов-Саратов, 2015. // Архив АОКН УР.

Кириллов, Отчёт 2022 / Кириллов А.Н. Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного (археологического) наследия федерального значения «Городище, I–V вв. н.э.» у д. Шалавёнки и «Городище, III–V вв. н.э.» у с. Перевозное в Воткинском районе Удмуртской Республики. Историко-культурные (археологические) исследования. Технический отчет. Глазов-Саратов, 2022 // Архив АОКН УР.

Кокарев, Отчёт 1953 / Кокарев А.В. Отчёт об археологической разведке, произведённой в Еловском и Фокинском районах Молотовской области и в Воткинском районе Удмуртской АССР в 1953 г. [1954] // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 897.

Макаров, Отчёт 1976 / Макаров Л.Д. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых летом 1976 г. в Тужинском, Яранском и Халтуринском районах Кировской области и Кудымкарском районе Пермской области. Ижевск, 1977 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 39.

Макаров, Материалы 1978 / Макаров Л.Д. Разведка Л.Д. Макарова в Воткинском районе Удм. АССР в 1978 г. Рукопись // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 3. Д. 95.

Макаров, Материалы 2001 / Макаров Л.Д. Материалы разведки 2001 г. у д. Косачёво Воткинского района Удмуртской Республики. Рукопись // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 3.

Макаров, Материалы 2007 / Макаров Л.Д. [Материалы осмотра части Нагорного кладбища. Земляные работы при строительстве гаражей. 2007 г.]. Рукопись // Личный архив Л.Д. Макарова.

Макаров, Материалы 2016 / Макаров Л.Д. [Материалы осмотра местности «Пупыш» близ с. Болгуры Воткинского района УР в июне 2016 г.]. // Личный архив Л.Д. Макарова.

Митряков, Отчёт 2015–2016 / Митряков А.Е. Отчёт о разведочных работах, проведённых в 2015–2016 гг. в Агрызском, Менделеевском районах Республики Татарстан, Воткинском, Завьяловском, Камбарском, Малопургинском, Якшур-Бодьинском районах Удмуртской Республики и Краснокамском районе Республики Башкортостан. Ижевск, 2017 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 617, 617а.

Останина, Отчёт 1972 / Останина Т.И. Отчет разведывательного отряда Нижне-Камской археологической экспедиции (Удмуртский отряд) за 1972 г. // Архив НМУР. Д. 87.

Останина, Отчёт 1973 / Останина Т.И. Отчёт разведывательного отряда Удмуртского краеведческого музея за 1973 г. [В 2 ч.]. [Ч. 1]: Отчет об археологической разведке по левобережью р. Сива (Воткинский район УАССР, Большесосновский район Пермской области). 1973 г. // Архив НМУР. Д. 195.

Останина, Отчёт 1974 / Останина Т.И. Отчёт об археологических работах Удмуртского республиканского музея в 1974 г. [В 3 ч.]. [Ч. 1]: Отчет о раскопках Нивского могильника в Воткинском районе УАССР летом 1974 г. С. 1–57. [Ч. 3]: Отчет об археологической разведке по притокам рр. Сивы, Чепцы (Шарканский, Воткинский, Дебесский районы УАССР). С. 73–80 // Архив НМУР. Д. 412.

Останина, Отчёт 1976 / Останина Т.И. Отчёт об археологических раскопках Удмуртского республиканского музея летом 1976 г. в Шарканском и Воткинском районах УАССР. [В 2 ч.]. [Ч. 2]: Отчёт об археологических исследованиях Гавриловского селища (д. Гавриловка, Воткинский район УАССР) летом 1976 г. Л. 22–36 // Архив НМУР. Д. 461.

Останина, Отчёт 1979 / Останина Т.И. Отчёт об археологических исследованиях Удмуртского республиканского музея летом 1979 года [В 3 ч.]. [Ч. 3]: Отчёт об археологической разведке в Воткинском, Шарканском районах УАССР,

Большесосновском районе Пермской области летом 1979 года. С. 27–32 // Архив НМУР. Д. 528.

Отчёт НИР 2002 / Отчёт о научно-исследовательской работе. Историко-культурная экспертиза (натурное обследование) участков, отведённых под обустройство кустов скважин № 79, 81, 83 Мишкинского месторождения нефти в Воткинском районе Удмуртской Республики» / отв. исп. Д.А. Салангин. Ижевск, 2002 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 412.

Отчёт НИР 2003 / Отчёт о научно-исследовательской работе. Историко-культурные изыскания (натурное обследование) на территории, испрашиваемой ОАО «Удмуртнефть» НГДП «УН Юг» под строительство кустов скважин и трасс коммуникаций на Мишкинском месторождении нефти (Черепановский купол) в Воткинском районе Удмуртской Республики» / отв. исп. Д.А. Салангин. Ижевск, 2003 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 415.

Отчёт НИР 2005 / Отчёт о научно-исследовательской работе. Натурное обследование на территории, испрашиваемой ОАО «Удмуртнефть» под реконструкцию ДНС-27 и КНС-27 на Гремихинском месторождении нефти в Воткинском районе Удмуртской Республики / отв. исп. Т.А. Лаптева. Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 442.

Отчёт НИР 2006 / Отчёт о научно-исследовательских работах по теме: «Археологическое обследование территории, отведённой под реконструкцию автомобильной дороги г. Ижевск – г. Воткинск в Завьяловском и Воткинском районах УР / отв. исп. С.Е. Перевощиков. Ижевск, 2007 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 459.

Отчёт НИР 2007а / Отчёт о научно-исследовательской работе. Проведение археологического исследования на участках, испрашиваемых под строительство мачтовых сооружений в Воткинском, Шарканском и Сюмсинском районах УР / отв. исп. А.М. Вязников. Ижевск, 2007а // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 474.

Отчёт НИР 2007б / Отчёт о научно-исследовательской работе. Историко-культурные изыскания (натурное обследование) территории, отведённой ООО «Монолитстрой» под устройство площадки для складирования и последующей отгрузки ПГМ в окрестностях д. Сидоровы Горы Воткинского района Удмуртской Республики / отв. исп. А.М. Вязников. Ижевск, 2007б // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 478.

Отчёт НИР 2008 / Отчёт о научно-исследовательской работе. Историко-культурные изыскания на объекте "Обустройство скважин после бурения 2009 г. Куст скважин № 39" Мишкинского месторождения нефти в Воткинском районе УР» / отв. исп. М.А. Пахомов. Ижевск, 2009 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 496.

Отчёт НИР 2009а / Отчёт о научно-исследовательской работе. Историко-культурные изыскания на объекте «Реконструкция УПН-2 Мишкинского месторождения. Корректировка проекта» / отв. исп. А.В. Богданов. Ижевск, 2009а // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 509.

Отчёт НИР 2009б / Отчёт о научно-исследовательской работе. Историко-культурные изыскания на объекте «Перевод скважин в ППД 2009 года на Мишкинском месторождении» / отв. исп. А.В. Богданов. Ижевск, 2009б // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 511.

Отчёт НИР 2009в / Отчёт о научно-исследовательской работе. Историко-культурные изыскания на объекте «Перевод скважин в ППД 2010 года на Мишкинском месторождении» / отв. исп. А.В. Богданов. Ижевск, 2009в // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 512.

Отчёт НИР 2009г / Отчёт о научно-исследовательской работе. Историко-культурные изыскания на объекте «Перевод скважин в ППД 2009 года на Гремихинском месторождении» в Воткинском и Завьяловском районах Удмуртской Республики / отв. исп. А.В. Богданов, А.М. Вязников. Ижевск, 2009г // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 513.

Отчёт НИР 2009д / Отчёт о научно-исследовательской работе. Историко-культурные изыскания на объекте «Перевод скважин в ППД 2010 года на Гремихинском

месторождении» в Воткинском и Завьяловском районах Удмуртской Республики / отв. исп. А.В. Богданов, А.М. Вязников. Ижевск, 2009д // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 514.

Отчёт НИР 2015 / Отчёт о выполнении научно-исследовательских работ в Воткинском, Глазовском, Малопургинском, Сарапульском районах Удмуртской Республики и Омутницком районе Кировской области в 2015 г. / отв. исп. А.М. Вязников. Ижевск, 2016 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 597, 597а.

Перевозчикова, Отчёт 2018 / Перевозчикова С.А. Отчёт об археологических разведочных работах, проведенных осенью 2018 года на территории г. Воткинска Удмуртской Республики. Ижевск, 2019 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 639а.

Первошиков С.Е., Отчёт 2006 / Первошиков С.Е. Отчёт о разведках в Каракулинском, Завьяловском и Воткинском районах Удмуртской Республики, проведённых летом 2006 г. Ижевск, 2007 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 464.

Первошиков С.Е., Отчёт 2007 / Первошиков С.Е. Отчёт об археологических исследованиях в г. Воткинске Удмуртской Республики, проведённых осенью 2007 г. Ижевск, 2009 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 530.

Рошупкин, Диплом 2005 / Рошупкин О.В. Мамонтовая фауна Удмуртии: материалы к археологической карте / Дипломная работа. Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 1. Д. 1128.

Рублевская, [Реферат] 2009 / Рублевская И.И. История исчезнувшей деревни Заболотово до 1917 г. / науч. рук. Н.Ю. Новосёлова. Камское, 2009 // Архив Камской средней школы Воткинского района Удмуртской Республики.

Салангин, Материалы 1997 / Салангин Д.А. Материалы разведки 1997 г. в бассейне р. Сивы и на правом берегу р. Камы на территории Воткинского района Удмуртской Республики. Рукопись // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 3.

Салангин, Отчёт 1997 / Салангин Д.А. Отчёт о разведочных работах, проведённых в Частинском районе Пермской области и Воткинском районе Удмуртской Республики летом-осенью 1997 г. Ижевск, 2000 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 353 (418).

Салангин, Отчёт 2003 / Салангин Д.А. Отчёт об археологических исследованиях в Воткинском районе Удмуртской Республики осенью 2003 года. Ижевск, 2004 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 417.

Семёнов, Отчёт 1956 / Семёнов В.А. Отчёт об исследованиях археологических памятников в бассейне р. Сива, правого притока р. Камы, и в районе пр. Сайгатка, произведённых разведочным отрядом Удмуртской археологической экспедиции летом 1956 года // Отчёт УАЭ за 1956 г. // Архив НМУР. Д. 5.

Семёнов, Отчёт 1967 / Семёнов В.А. Отчёт Удмуртской археологической экспедиции, 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3523.

Сенникова, Отчёт 1978 / Сенникова Л.А. Отчёт о раскопках Кипенёвщинской стоянки в Халтуринском районе и разведочных работах, проведённых в 1978 г. в Халтуринском, Сунском, Богородском и Немском районах Кировской области // Архив КОКМ.

Список КАЭ ПГУ за 1953 г. / Список экспедиций, памятников и коллекций, проведённых, исследованных и полученных за время существования КАЭ ПГУ, разведка А.В. Кокарева // Архив КАЭ ПГУ.

Степанова, Отчёт 1999 / Степанова Г.А. Краткий отчёт об историко-культурных изысканиях на территории, отведённой под строительство объекта № 800 в Воткинском районе Удмуртской Республики в 1999 г. Т. 1. Археологические исследования. Ижевск, 2000 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 362.

Хайруллина О.Ф. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические разведки, проведенные на территории выявленного объекта культурного наследия «Боярское селище» (Каракулинский район, д. Боярка), а также на участке левого берега

р. Сива (д. Беркуты) в Воткинском районе Удмуртской Республики летом-осенью 2022 года. Ижевск, 2023 // Архив АОКН УР.

Цыгвинцева, Отчет 2007 / Цыгвинцева Т.А. Отчёт о разведочных работах на территории Удмуртской Республики летом и осенью 2007 года. Ижевск, 2008 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 475.

Черных, Отчёт 1993 / Черных Е.М. Отчёт о раскопках Степановского городища в Воткинском районе Удмуртской Республики летом 1993 года. Ижевск, 1996 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 332. ссылка в тексте: Черных, Отчёт 1993

Черных и др., Материалы 2011 / Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Вязников А.М. Материалы разведки 2011 г. у д. Заболотово Воткинского района Удмуртской Республики. Рукопись // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 3.

Широбокова, Отчёт 1989 / Широбокова И.С. Отчёт об археологической разведке в Воткинском районе Удмуртской АССР, проведённой летом в 1989 году. Ижевск, 1990 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 294.

Литература

Алабин, 1859 / Алабин П.В. Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВГВ. 1859. № 27–30.

Алексеева и др., 2006 / Алексеева Э.В., Чукавина И.В., Шишкин Д.П. Кости ископаемых млекопитающих Южной Удмуртии // Наука Удмуртии. 2006. № 5. Ноябрь. С. 120–124.

Андреева, 1967 / Андреева Е.Г. Животные Прикамья ананьинского времени по костным остаткам из археологических памятников // Уч. зап. ПГУ. 1967. № 148. С. 171–186.

Андреева, Петренко, 1976 / Андреева Е.Г., Петренко А.Г. Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 137–189.

Ашихмина, 1985 / Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

Берлин, 2010 / Берлин А.В. Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Ижевск, 2010. С. 150–162.

Бернц и др., 2011 / Бернц В.А., Пастушенко И.Ю., Широбокова Н.Ф., Богданов А.В. Исследование Воткинского городища // АО 2008 года. М.: ИА РАН, 2011. С. 340–341.

Васильев, Выборнов, 1988 / Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988. 112 с.

Васина, 2006 / Васина Т.А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. 274 с.

Верещагин, 1977 / Верещагин В.А. Результаты петрографического исследования кремнёвого инвентаря памятников эпохи голоцена Камско-Вятского междуречья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 86–92.

Верещагин, 1985 / Верещагин В.А. Геоморфология и петрография археологических каменных находок Кировской области и Удмуртской АССР // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985. С. 14–18.

Верещагин, 1886 / Верещагин Гр. Вотяки Сосновского края. СПб., 1886. 218 с. (Зап. ИРГО. Т. XIV. Вып. 2).

Воткинск, 1999 / Воткинск, 1758–1998: Документы и материалы. Ижевск, 1999. 354 с. (История городов Удмуртии).

Воткинск, 2005 / Воткинск. Любимый город. Ижевск, 2005. 108 с.

Воткинские были, 1959 / Воткинские были: (Исторические очерки). 1759–1959. Ижевск, 1959. 248 с.

Гаевский, 1991 / Гаевский Э. Память жива // Ленинский путь [Воткинск], 1991. 6 сен. № 144.

Генинг, 1958 / Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. 192 с.

Генинг, 1967 / Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры. / ВАУ. Вып. 7. Свердловск, Ижевск, 1967. С. 7–84.

Генинг, 1970 / Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10. Ижевск, Свердловск, 1970. 224 с. (Прил. Табл. I–XXX).

География Удмуртии, 1992 / География Удмуртии: Учеб. пособие для учащихся 8-9 классов. Ижевск, 1992. 224 с.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010 / Голдина Е.В., Голдина Р.Д. Дальний импорт Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.): Монография. Ижевск, 2010. С. 156–247. (МИКВАЭ. Т. 6).

Голдина Р.Д., 1987а / Голдина Р.Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987а. С. 84–106.

Голдина Р.Д., 1987б / Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987б. С. 6–36.

Голдина Р.Д., 1999 / Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.

Голдина Р.Д., Бернц, 2016 / Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 41–89.

Голдина Р.Д., Черных, 2011 / Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики, 2011. Ижевск. 168 с. (МИКВАЭ. Т. 18).

Гришкина, 1976 / Гришкина М.В. Численность и расселение удмуртов в XVIII в. // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 95–133.

Гришкина, 1982 / Гришкина М.В. Роль русского крестьянства в заселении Удмуртского Прикамья в XVII–XVIII веках // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 52–54.

Гришкина, Берестова, 2006 / Гришкина М.В., Берестова Е.М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XVIII века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 86 с.

Гусенцова, 1985 / Гусенцова Т.М. Некоторые аспекты изучения поселений эпохи мезолита и неолита в бассейне р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985. С. 3–14.

Гусенцова, 1993 / Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993. 240 с.

Запорожцева, 2016 / Запорожцева Н. Как появился музейный лось? // Наше Время Удмуртия: общественно-политическая газета. 2016. 18 авг. (№ 34). С. 6.

Иванов и др., 2004 / Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск, 2004. 274 с.

Ильин, 1921 / Ильин А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. ПБ., 1921. 62 с. (Тр. Нумизматической комиссии РАИМК; 1).

История Удмуртии..., 2007 / История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой; предисл. М.Г. Ивановой, введение Р.Д. Голдиной, О.М. Мельниковой, [Е.М. Черных]; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2007. 304 с.: ил.+цв. вкл.

Казанцева, Ютина, 1986 / Казанцева О.А., Ютина Т.К. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 110–129.

Калугина и др., 2023 / Калугина Д.А., Перевозчикова С.А., Шуравин Е.В., Ясаков В.С., Черных Е.М. Археологические разведки в Удмуртии // Археологические открытия. 2021 год. М., 2023. С. 405–408.

Кириллов, Кириллов, 2023 / Кириллов Н.А., Кириллов А.Н. Археологические разведки на территории Удмуртской Республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2022. Ижевск, 2023. С. 13–14.

Кириллов, Кириллова, 2022 / Кириллов А.Н., Кириллова С.А. Археологические разведки на территории Удмуртской Республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2021. Ижевск, 2022. С. 8–9.

Кожевников, 2001а / Кожевников М. Мамонты годятся даже для фундамента // Новое время Удмуртии. 2001а. 7 сент. (№ 31).

Кожевников, 2001б / Кожевников М. Серп и шило до н.э. // Новое время Удмуртии. 2001б. 21–27 сент. (№ 33).

Коренюк, Цыганов, 1989 / Коренюк С.Н., Цыганов Ю.Ю. Новые исследования палеолитических памятников Пермского Прикамья // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 67–69.

Краснов, 1971 / Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. 166 с.

Крупенин, 2001 / Крупенин В. Открытие на костях республики // Совершенно конкретно. 2001. 18 мая, № 20. С. 20.

Кузьмина, 1981 / Кузьмина Е.Е. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племён // Материалы по хозяйству и общественному строю племён Южного Урала. Уфа, 1981. С. 23–43.

Кузьминых, 1983 / Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983. 257 с.

Лапин, 2015 / Лапин Н.Я. История селений Воткинской округи по данным старинных переписей // Вторые епархиальные Рождественские образовательные чтения в Сарапуле. (Традиции и новации: культура, общество, личность) / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал. 2015. № 4 (29). С. 189–202.

Лещинская, 2014 / Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв.). Ижевск, 2014. 472 с. (МИИКВАЭ. Т. 27).

Ломаев, 2012 / Ломаев А.Ю. Музей истории ОАО «Воткинский завод» // Удмуртская Республика: Культура и искусство = Удмурт элькун: Лулчеберет но устолык: энцикл. Ижевск, 2012. С. 320.

Макаров, [1997] / Макаров Л.Д. О древнерусских памятниках Среднего Прикамья // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях (на примере региона Среднего Прикамья). Сарапул, [1997]. С. 80–82.

Макаров, 1997 / Макаров Л.Д. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I – начале II тыс. н.э. (по материалам импорта) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию А.Л. Витберга). Киров, 1997. С. 39–57.

Макаров, 2008а / Макаров Л.Д. Археологическое исследование городов Удмуртии // Девятая Российская университетско-академическая науч.-практ. конф.: материалы конф. Ижевск, 2008а. С. 3–5.

Макаров, 2008б / Макаров Л.Д. Исследование памятников городской, промышленной

и церковной археологии в Удмуртии // Университет и историко-культурное наследие региона. Пермь, 2008б. С. 179–186. (Тр. КАЭЭ. Вып. V).

Макаров, 2008в / Макаров Л.Д. Проблемы городской, индустриальной, церковной и «чердачной» археологии на территории Удмуртии // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всерос. науч. конф., посв. 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2008в. С. 204–216.

Макаров, 2009 / Макаров Л.Д. Среднее Прикамье – объект русской колонизации (XII–XVII вв.) // «100 лет – это повод». Материалы научно-практической конференции «Институт культуры: баланс традиций и новаций». Сарапул, 2009. С. 237–249.

Макаров, 2013 / Макаров Л.Д. Археологические памятники Воткинского района Удмуртской Республики // Научные труды Национального парка «Нечкинский». Ижевск, 2013. Вып. 2. С. 27–37.

Макаров, 2015 / Макаров Л.Д. Археология гражданской войны (по материалам Прикамья) // Грибушинские чтения – 2015. Кунгурский диалог: тез. докл. и сообщ. X Междунар. социально-культ. форума (г. Кунгур, 22-25 апреля 2015 г.). Пермь, 2015. С. 15–19.

Макаров, Перевошиков С.Е., 2010 / Макаров Л.Д., Перевошиков С.Е. Воткинский археологическое наследие второй половины XVIII – первой половины XX в. // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. трудов. Казань, 2010. Ч. 1. С. 137–140.

Макаров, Широбокова, 1991 / Макаров Л.Д., Широбокова И.С. Полевые наблюдения в зоне Воткинского водохранилища // АО Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 64–65.

Матвеева, 1986 / Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Куйбышев, 1986. С. 158–171.

Материалы..., 1892 / Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1892. Т. 7: Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная книга. 180 с.

Мельникова, 2009 / Мельникова О.М. 100 лет местной профессиональной археологической традиции в Удмуртском Прикамье // «100 лет – это повод». Материалы науч.-практ. конф. «Институт культуры: баланс традиций и инноваций». Сарапул, 2009. С. 30–36.

Миролюбова, 2007 / Миролюбова А. Первый Воткинский погост // ВТВ плюс. 2007. [Воткинский]. 5 сент. № 36.

Напольских, 1996 / Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. II. С. 197–206.

Насибуллин, 1992 / Насибуллин Р.Ш. К проблеме этнической принадлежности носителей именьковской археологической культуры // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 1992. № 6. С. 76–79.

Научные труды..., 2013 / Научные труды национального парка «Нечкинский». Ижевск, 2013. Вып. 2. 169 с.

Немкова, 1985 / Немкова В.К. Природные условия Южного Приуралья в эпоху бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985. С. 111–115.

Никитин, 1979 / Никитин В.В. О хозяйстве населения Марийского края в начале эпохи раннего металла // Из истории хозяйства населения Марийского края. Йошкар-Ола, 1979. С. 35–39.

Оборин, 1990 / Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 168 с.

- Обыдённов, 1991 / Обыдённов М.Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Саратов, 1991. 208 с.
- Обыдённов, Обыдённова, 1992 / Обыдённов М.Ф., Обыдённова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992. 162 с.
- О курганах..., 1838 / О курганах и древних памятниках в Вятской губернии // ВГВ. 1838. № 25. С. 125–127.
- Останина, 1973 / Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского музея // АО 1973 года. М., 1974. С. 166–167.
- Останина, 1975 / Останина Т.И. Работы Удмуртского республиканского музея // АО 1974 года. М., 1975. С. 168–169.
- Останина, 1977 / Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского музея // АО 1976 года. М., 1977. С. 169–170.
- Останина, 1978 / Останина Т.И. Нивский могильник III–V вв. // Материалы к ранней истории Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 92–117.
- Останина, 1997 / Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв.: Монография. Ижевск, 1997. 326 с.: ил.
- Останина, 2002 / Останина Т.И. Кузубаевское городище IV–V, VII вв. Ижевск, 2002. 112 с.
- Останина, 2004а / Останина Т.И. Археологические коллекции Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда: Каталог. Ижевск, 2004а. 232 с.
- Останина, 2004б / Останина Т.И. Культовый памятник около деревни Гавриловки на реке Сиве (Воткинский район Удмуртской Республики) // Культовые памятники Камско-Вятского региона: материалы и исследования. Ижевск, 2004б. С. 67–89.
- Останина и др., 2007 / Останина Т.И., Иванов А.Г., Иванова М.Г. Древнеудмуртское население в эпоху средневековья // История Удмуртии: С древнейших времен до XV века. Ижевск, 2007. С. 183–289.
- Останина, Широбокова, 2012 / Останина Т.И., Широбокова Н.Ф. «Во всём дойти до самой сути...»: Т.И. Останина: очерк жизни и научной деятельности. Ижевск, 2012. 100 с.: с ил.
- Отчёт музея..., 1915 / Отчёт музея Сарапульского уездного земства за 1914 год. Сарапул, 1915. 8 с.
- Отчёт о действиях..., 1874 / Отчёт о действиях и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1873-й год. Вятка, 1874. 43 с.
- Отчёт со дня основания..., 1915 / Отчёт со дня основания общества по 31 декабря 1914 года / Об-во изучения Прикамского края. Сарапул, 1915. 28 с.
- Памятники..., 1979 / Памятники истории и культуры Удмуртской АССР: каталог. Ижевск, 1979. 136 с.
- Памятники..., 1990 / Памятники истории и культуры Удмуртии: каталог. 2 изд., перераб. Ижевск, 1990. 156 с.: ил.
- Памятники..., 1996 / Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1996. Т. I. Материалы к археологической карте Пермской области. 300 с.
- Перевозчикова, 2013 / Перевозчикова С.А. Тайны забытого прошлого... (археологические памятники, расположенные на территории Национального парка «Нечкинский»). Пос. Новый–Ижевск, 2013. 12 с.
- Перевозчикова, 2017 / Перевозчикова С.А. Гражданская война в Удмуртии глазами археолога // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2017. № 2 (35): Вокруг Ижевско-Воткинского восстания. С. 42–48.
- Перевозчикова, 2019 / Перевозчикова С.А. Исследования Камско-Вятской археологической экспедиции в Воткинске // Археологические открытия в Удмуртии – 2018. Ижевск, 2019. С. 12–13.

Перевозчикова, Черных, 2014 / Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Столетие – это повод не только для праздника (Об исторических поселениях, полях сражений, кладбищах и кладках, и о болезненных проблемах современной региональной археологии) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 8 (25): Войны начала XX века и Прикамье. С. 118–133.

Первошиков А.П., 1992 / Первошиков А.П. Воткинск: Экономико-географический и социальный очерк. Ижевск, 1992. 184 с.

Первошиков А.П., 2000 / Первошиков А.П. Воткинск // Удмуртская Республика: энцикл. Ижевск, 2000. С. 243–246.

Первошиков А.П., Жуйкова, 2008 / Первошиков А.П., Жуйкова Т.Б. Воткинск // Удмуртская Республика: энцикл. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск, 2008. С. 248–249.

Первошиков С.Е., 2002 / Первошиков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002. 176 с.

Первошиков С.Е. и др., 2010 / Первошиков С.Е., Макаров Л.Д., Цыгвинцева Т.А., Широкова Н.Ф. Исследования в Воткинске Удмуртской Республики // АО 2007 года. М., 2010. С. 380–381.

Первошиков С.Е., Пастушенко, 2006 / Первошиков С.Е., Пастушенко И.Ю. «Косы-горбуши» в средневековых памятниках Прикамья // Российские немцы: история и современность: Материалы научно-практ. конф. Ижевск, 2006. Вып. 5. С. 105–121.

Петренко, 1984 / Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1984. 174 с.

Петренко, 1987 / Петренко А.Г. Первые следы появления домашних сельскохозяйственных животных в лесных районах Среднего Поволжья // АЭМК. Вып. 13: Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987. С. 142–147.

Пислегин, 2016 / Пислегин Н.В. Русские селения Удмуртского Прикамья XVIII в. // Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона. Ижевск, 2016. Вып. 2. С. 72–85.

Талицкая, И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким). МИА. № 27. М., 1952. 226 с.

Православные храмы..., 2000 / Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель. Ижевск, 2000. 480 с.: ил.

Решетников, 2004 / Решетников Н.Л. Синтез исторических и археологических исследований в процессе изучения культуры Сарапула XVII–XX вв. // Грибушинские чтения – 2004. Современный музей в контексте культурно-экологического пространства региона. Опыт. Проблемы. Возможности. Кунгур, 2004. С. 124–128.

Салангин, Салангина, 2004 / Салангин Д.А., Салангина С.В. Разведочные работы в Среднем Прикамье // АО 2003 года. М., 2004. С. 336.

Сарапулов, 2015 / Сарапулов А.Н. Земледелие средневекового населения Пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь, 2015. 170 с.

Седов, 1994 / Седов В.В. Славяне в древности (Славяне в древности и раннем средневековье). М., 1994. 343 с.

Семёнов, 1967 / Семёнов В.А. Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии // ВАУ. Вып. 7: Памятники мазунинской культуры. Свердловск (УрГУ), Ижевск (Труды Удм. археолог. экспедиции; т. 3), 1967. С. 116–122.

Семёнов, 1976 / Семёнов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 3–50.

Скачкова, 2013 / Скачкова А. Археологическое прошлое Воткинска [Электронный ресурс]. URL: <http://votkinsk.net/node/52496> (дата обращения: 15.08.2013).

Смирнов, 1937 / Смирнов А.П. Памятники феодального строя среди удмуртов (IX–XIII вв.). Отчёт археологической экспедиции по изучению р. Валы // Записки УдНИИ. Ижевск, 1937. Вып. 7. С. 177–194.

Смирнов, 1975 / Смирнов А.П. Возникновение производящего хозяйства и финно-угры // *Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Budapest, 1975. С. 184–187.

Сорокин, 1890 / Сорокин П. Городища и некоторые замечательные места Липовской и Полозовской волостей Сарапульского уезда // ВГВ. 1890. № 90, 92, 96, 97.

Спицын, 1893 / Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. М., 1893. Вып. 1. 191 с.

Справочник..., 1995 / Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. Ижевск, 1995. 744 с.

Талицкая, 1952 / Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. № 27. М., 1952. 226 с.

Терехова и др., 1997 / Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997. 315 с.

УАССР, 1956 / Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление на 1 сентября 1955 года. Ижевск, 1956. 246 с.

УАССР, 1965 / Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июня 1965 года. Ижевск, 1965. 180 с.

УАССР, 1972 / Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1971 года. Ижевск, 1972. 148 с.

Удмуртская Республика, 2008 / Удмуртская Республика: Энциклопедия. Изд. 2-е, испр. и доп. Ижевск, 2008. 768 с.

Фахрутдинов, 1975 / Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. Казань, 1975. 220 с.

Хайруллина и др., 2022 / Хайруллина О.Ф., Беглецова С.В., Белова М.А. Мониторинг объектов археологического наследия на территории Удмуртской Республики в 2021 году // Археологические открытия в Удмуртии – 2021. Ижевск, 2022. С. 4–6.

Хайруллина, 2023 / Хайруллина О.Ф. Работы по определению границ археологических памятников в Каракулинском и Воткинском районах // Археологические открытия в Удмуртии – 2022. Ижевск, 2023. С. 17.

Хайруллина и др., 2024 / Хайруллина О.Ф., Беглецова С.В., Макшакова А.С. Мониторинг объектов археологического наследия – 2023 // Археологические открытия в Удмуртии – 2023. Ижевск, 2024. С. 5–7.

Хайруллина и др., 2025 / Хайруллина О.Ф., Макшакова А.С., Беглецова С.В. Государственная охрана объектов археологического наследия Удмуртской Республики в 2024 году // Археологические открытия в Удмуртии – 2024. Ижевск, 2025. С. 7–9.

Холмогорова, 2007 / Холмогорова А. Что сокрыто под землёй? // Вега. 2007. [Воткинск]. 6 сент. (№ 36).

Хрестоматия..., 2007 / Хрестоматия по истории Удмуртии в 2 т. Т. 1: Документы и материалы. 1136–1917. Ижевск, 2007. 816 с.: ил.+вкл.

Цыгвинцева и др., 2010 / Цыгвинцева Т.А., Вязников А.М., Сабиров Т.Р. Разведочные работы в Воткинском районе Удмуртской Республики // АО 2007 года. М., 2010. С. 392–393.

Черных, 2000 / Черных Е.М. Степановское городище – новый памятник раннего железного века в Среднем Прикамье / Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Ижевск, 2000. 32 с.

Черных, Митряков, 2022 / Черных Е.М., Митряков А.Е. Новые находки предметов изобразительного искусства из ареала ананьинской КИО в Среднем Прикамье // Археология евразийских степей. 2022. № 2. С. 88–102.

Черных, Останина, 2007 / Черных Е.М., Останина Т.И. Население Удмуртии в эпоху раннего железа // История Удмуртии: С древнейших времен до XV века. Ижевск, 2007. С. 123–182.

Черных, Перевозчикова, 2013 / Черных Е.М., Перевозчикова С.А. Историко-культурное наследие Национального парка «Нечкинский»: материалы к археологической карте // Научные труды национального парка «Нечкинский». Ижевск, 2013. С. 64–92.

Черных, 1970 / Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., Л., 1970. 176 с.

Шабердин, 1928 / Шабердин Д.В. Памятники старины Среднего Прикамья // Труды НОИВК. Ижевск, 1928. Вып. 5. С. 64–72.

Шапран, 1984 / Шапран И.Г. Позднесредневековые могильники на территории Удмуртской АССР (материалы к археологической карте) // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып. 2. С. 120–133.

Шуравин и др., 2022 / Шуравин Е.В., Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Разведочные работы Камско-Вятской археологической экспедиции // Археологические открытия в Удмуртии – 2021. Ижевск, 2022. С. 13.

Шутова, 1987 / Шутова Н.И. К истории изучения удмуртских погребальных памятников XVI–XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С. 61–88.

Шутова, 1990 / Шутова Н.И. Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1990. С. 4–34.

Ютина, 1984 / Ютина Т.К. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып. 2. С. 71–94.

Ютина, 1994 / Ютина Т.К. Археологические памятники XI–XIV вв. Южной Удмуртии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 19 с.

Список сокращений

АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан
АО	– Археологические открытия
АОКН УР	– Агентство по государственной охране объектов культурного наследия Удмуртской Республики
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВГВ	– Вятские губернские ведомости
ВГСК	– Вятский губернский статистический комитет
ГАПО	– Государственный архив Пермской области
ЕГРОКН	– Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации
ЗИН АН СССР	– Зоологический институт Академии наук СССР
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИКНП	– Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество
КАЭ ПГУ	– Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета
КАЭЭ	– Камская археолого-этнографическая экспедиция
КВАЭ	– Камско-Вятская археологическая экспедиция
КИУАиЭ	– кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии УдГУ
КМ КСШ	– Краеведческий музей Камской средней школы
КОКМ	– Кировский областной краеведческий музей
МАВГР	– Материалы по археологии восточных губерний России
МАЭ(К)	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИКВАЭ	– Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
НИЦ	– Научно-исследовательский центр
НМУР (УРМ, УРКМ)	– Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузебая Герда (Удмуртский республиканский краеведческий музей)
НОИВК	– Научное общество по изучению Вотского края
ОИПК	– Общество изучения Прикамского края
ПГТПУ	– Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ПГУ	– Пермский государственный университет
РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
МИКСП	– Музей истории и культуры Среднего Прикамья, ныне Сарапульский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
УАЭ	– Удмуртская археологическая экспедиция
УдГУ	– Удмуртский государственный университет
УдНИИ	– Удмуртский научно-исследовательский институт
УИИЯЛ УрО РАН	– Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
УРО ВОО «ВООПИиК» (УОПИК)	– Удмуртское региональное отделение Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (Удмуртское региональное отделение по охране памятников истории и культуры)

Алфавитный указатель археологических памятников

	Указатель памятников	№ по каталогу	№ страницы
1	Артимонские находки	78	87
2	Бакайские находки	79	87
3	Болгурские I находки	80	87
4	Болгурская II находка	81	88
5	Болгурский могильник (Пупыш)	72	79
6	Болгурское (Болгуриное) селище	1	31
7	Большекиварские I находки (Урочище Высокий Мыс)	82	88
8	Большекиварское I городище	59	69
9	Большекиварское I селище	2	31
10	Большекиварское II городище (Лазарево поле)	60	70
11	Большекиварское II селище	3	32
12	Большекиварские II находки	83	89
13	Владимировская находка	84	89
14	Волковское селище	4	32
15	Волковское I местонахождение палеофауны	100	95
16	Волковское II местонахождение палеофауны	101	96
17	Волковское III местонахождение палеофауны	102	96
18	Волковское IV местонахождение палеофауны	103	97
19	Воткинская находка	85	90
20	Воткинский могильник	73	80
21	Воткинское (Нагорное) кладбище	74	82
22	Воткинское городище	61	70
23	Воткинское поселение	5	33
24	Гавриловское поселение	6	35
25	Гамы (Гамское), селище	7	37
26	Дубровинские находки	86	90
27	Дубровинское I селище	8	37
28	Дубровинское II селище	9	38
29	Дубровинское городище	62	72
30	Епифановские находки	87	90
31	Заболотовское I поселение (Камское (Заболотовское) поселение)	10	38
32	Заболотовское II селище	11	40
33	Заболотовское III селище	12	40
34	Камское местонахождение кремня	88	91

35	Кварсинская находка палеофауны	104	97
36	Кокуйские находки	89	91
37	Косачёвский могильник	75	84
38	Косачёвское I селище	13	41
39	Косачёвское II селище	14	42
40	Костоватовская находка	90	92
41	Кремлевское I селище	15	42
42	Кремлевское II селище	16	43
43	Куралихский клад	91	92
44	Куралихинское (Куралихское, Чучково) селище	17	43
45	Лып-Гари, находки	92	92
46	Малокиварское (Чёртово, Чучково) городище	63	73
47	Метляки, могильник	76	85
48	Неумоинское селище	18	44
49	Нивский могильник	77	85
50	Нивское поселение	19	45
51	Нижнеосиновские находки	93	92
52	Паздеровское городище	64	73
53	Паздеровское селище	20	45
54	Перевознинская находка	94	93
55	Перевознинское городище	65	74
56	Пихтовское селище	21	46
57	Пламя I, поселение	22	46
58	Пламя II, поселение	23	47
59	Пламя III, поселение	24	47
60	Романовские находки	95	93
61	Сивинское I поселение	25	47
62	Сивинское II поселение	26	48
63	Сидоровское селище	27	48
64	Сидоровы Горы (Сидоровогорское), городище	66	75
65	Сидоровы Горы (Сидоровогорское), селище	28	49
66	Среднекиварское (Таракановское, Ошмарино поле, Липовское) городище	67	75
67	Степановское I городище (Чёртово, Лёвина гора)	68	76
68	Степановское I поселение	29	49
69	Степановское II городище	69	78
70	Степановское II поселение	30	50
71	Степановское III (Батуево) городище	70	78
72	Степановское III поселение	31	50
73	Степановское IV поселение	32	51
74	Степановское V поселение	33	52

75	Степановское VI поселение	34	52
76	Степановское VII поселение	35	53
77	Степановское VIII поселение	36	54
78	Степановское IX поселение	37	55
79	Степановское X поселение	38	56
80	Степановское XI поселение	39	57
81	Степановское XII поселение	40	58
82	Степановское XIII поселение	41	58
83	Степановское XIV поселение	42	59
84	Степановское XV поселение	43	60
85	Степановское XVI поселение	44	60
86	Степановское XVII поселение	45	61
87	Степановское XVIII поселение	46	61
88	Степановское XIX поселение	47	62
89	Степановское XX поселение	48	62
90	Степановское XXI селище	49	63
91	Степановское местонахождение палеофауны	105	97
92	Урочище Костёнки, поселение	50	64
93	Урочище Малиновка, поселение	51	64
94	Фёдоровские находки	96	93
95	Фертики, местонахождение палеофауны	106	98
96	Черепановское I селище	52	65
97	Черепановское II селище	53	66
98	Черновские находки	97	93
99	Черновское селище	54	66
100	Черновское (Черновский Лесоучасток), селище	55	66
101	Шалавенские находки	98	94
102	Шалавенский клад	99	95
103	Шалавенское I селище	56	67
104	Шалавенское II селище	57	68
105	Шалавенское III селище	58	69
106	Шалавенское городище	71	79

Научное издание

Макаров Леонид Дмитриевич

**Археологическая карта Воткинского района
Удмуртской Республики**

Монография

Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции

Т. 35

Авторская редакция

Компьютерная подготовка и оформление: А. Ю. Емельянова,
А. М. Вязников, Т. Р. Сабиров, Е. М. Черных, И. Г. Шапран, Н. Ф. Широбокова

Художественное и графическое оформление:
Л. Д. Макаров, А. Е. Митряков, Н. Ф. Шишкина
Дизайн обложки: И. Г. Соловьева
Верстка и макетирование: О. Ф. Хайруллина

Подписано в печать 29.04.2026. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 7,8. Уч. изд. л. 11,1.
Тираж 100 экз. Заказ № 635.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел. : + 7 (3412) 263-751, e-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18

